

№ 4, Том 8
2017

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4

ВЕСТНИК *Института*
Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**К методологии
научных исследований**

/Отсутствие чёткой картины
изменившейся страны

/Формирование представлений
о природных пределах
современного развития

/Преодоление депопуляции

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) МИД РФ, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН;

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры «Маркетинг и муниципальное управление» Института менеджмента и бизнеса Опорного Тюменского индустриального университета;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН;

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета (Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела социологии образования Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии ФНИСЦ РАН;

КОСЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела анализа социально-политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН;

КРУММ Райнхардт – доктор философии, профессор Регенсбургского университета (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, Первый проректор и заведующий кафедрой социологии Казанского (Приволжского) Федерального университета, Почётный работник высшего профессионального образования РФ;

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия)

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин – академик КАОН, профессор, вице-президент Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, декан факультета социологии СПбГУ;

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия));

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь факультета экономических наук НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Академии наук Монголии, профессор, директор Монгольской Академии управления (Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

Members of the Board:

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director, Academy of Management MPR (Mongolia)

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor of the Department of Marketing and Municipal Administration, Institute of Management and Business, Tyumen Industrial University (Russia)

KIVINEN Markku, Professor of Sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Finland)

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

KOSEŁA Krzysztof, Professor of the Institute of Sociology, University of Warsaw (Poland)

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Main Researcher, Head of the Department for the Analyzes Social and Political Processes of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) Professor of the University of Regensburg (Germany)

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Center for the Study of Social and Cultural Changes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Vice-Rector for Educational Activity, Head of the Department of Sociology, Kazan (Volga region) Federal University

MITROVIĆ Ljubilьa, Professor, Director of the Institute of Sociology, the University of Nis (Serbia)

MORGAN John W., Ph.D., Professor of the University of Nottingham (UK)

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology, the Siberian Federal University (Russia)

LI Peilin, Full Academician, Professor, Vice-President of the Chinese Academy of Social Sciences (China)

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian Studies, Shanghai Academy of Social Sciences (China)

POKROVSKY Nikita E., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics (Russia)

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work of the Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg University (Russia)

TAMASH Pal, Professor, Academician of the Hungarian Academy of Engineering Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary)

TIKHONOVA Natalia Ye., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Main Researcher of the Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci., (Philos.), Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Editor in Chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia)

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ФНИСЦ РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – д.филос.н., профессор, руководитель центра исследования социальной структуры и социального расслоения, Институт социологии ФНИСЦ РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора, ФНИСЦ РАН; директор, Центр лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии ФНИСЦ РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – старший редактор Редакционно-издательского отдела Института социологии ФНИСЦ РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии управления Института социологии ФНИСЦ РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, вице-президент Европейской социологической ассоциации (ESA);

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН;

ЗУБОК Ю. А. – доктор социологических наук; профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН;

КЛЮЧАРЕВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки Института социологии ФНИСЦ РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director, FCTAS RAS;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of Research Center Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Soc.), Deputy Director of the FCTAS RAS; Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Rresearch;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Main Researches, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia).

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера:	
«К методологии научных исследований»	13
<i>Возьмитель А. А.</i> Концептуальные основы социологии образа жизни	13
<i>Эндрюшко А. А.</i> Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт	45
<i>Филипова А. Г., Высоцкая А. В.</i> Методика построения имитационной модели (на примере среднего балла ЕГЭ в российских регионах)	71
Экологическое образование в современной России	90
<i>Иванова Л. Ю.</i> Экологическое образование и образование для устойчивого развития в российской школе: настоящее и будущее	90
<i>Орешкина Т. А.</i> Экологические компетенции в структуре образовательных программ высшей школы	113
Ценности и их носители	124
<i>Винокурова А. В.</i> Ценностные ориентации семей выходцев из Дагестана в Приморье	124
Проблемы демографии	138
<i>Осинский И. И.</i> Демографическое развитие Бурятии	138

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue	9
The Theme of the Issue: “To the Methodology of Scientific Research”	13
<i>Vozmitel A. A.</i> The Conceptual Foundations for the Sociology of Lifestyle	13
<i>Endryushko A. A.</i> Theoretical Approaches Towards Examining the Adaptation of Migrants to the Host Society: Foreign Practices	45
<i>Filipova A. G., Vysockaya A. V.</i> The Method for Imitation Model Structuring (Using the Unified State Exam Average Score in Russian Regions as an Example)...	71
Ecological Education in Modern Russia	90
<i>Ivanova L. Yu.</i> Ecological Studies and Education in the Name of Stable Development in Russian Schools: Present and Future.....	90
<i>Oreshkina T. A.</i> Ecological Competences in the Structure of Educational Programs in High-Schools.....	113
Values and Their Carriers.....	124
<i>Vinokurova A. V.</i> Value Orientations Among Families of Dagestan Origin in Primorye.....	124
Problems of Demography	138
<i>Osinskiy I. I.</i> Buryatia’s Demographic Development	138

И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»

Представляю номер

Современный мир живёт в эпоху насаждения и поддержания хаоса, постправды, бесконечных и взаимных политических обвинений, попыток изоляции отдельных государств и др. В связи с этим для социологической науки особенно значимым становится применение инструментов анализа социальных процессов. Именно поэтому в данном выпуске в качестве темы номера мы обратились к анализу методологических оснований исследований в различных социологических дисциплинах и практике осмысления сегодняшней реальности.

Тема номера [«К методологии научных исследований»](#) не является новой в нашем журнале, к ней мы обращались уже не раз¹, будем возвращаться впредь и чем чаще, тем лучше, ибо она имеет непреходящее значение для деятельности учёных. В данном случае речь идёт об осмыслении теоретических подходов в их ретроспективе: когда и что в них менялось, чем были вызваны эти изменения, каким образом они сменяли друг друга и т. п.

Открывает рубрику аналитический обзор методологии исследования образа жизни [«Концептуальные основы социологии образа жизни»](#), принадлежащий перу [А. А. Возьмителя](#) (Москва). «Модернизационный» прорыв советского образа жизни, преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, диверсификация образа жизни, становление его принципиально новых форм и субъектов сформировали запрос на концепцию, объясняющую происходящие изменения, на адекватное научное понимание процесса разложения и распада, становления и укрепления образа жизни, а также самого этого понятия и системы взаимосвязанных с ним категорий; на концепцию, которая являлась бы ключом к пониманию социальных процессов, происходящих в обществе на макро- и микроуровне; к выявлению доминант, альтернатив

¹ Рубрика «Вопросы теории», 2014, № 9; рубрика «К методологии научных исследований», 2017, № 20; 2015, №№ 13, 14; 2014, № 11; 2012, № 4; 2011, № 3.

и складывающегося вектора общественного развития. В статье представлена последовательная реконцептуализация социологического подхода к изучению образа жизни, отражающая динамику социальных процессов, происходящих в стране; дано современное научное понимание его сущности как процесса воспроизводства определённых общественных отношений и формирования личностей соответствующих типов.

Следующую статью [«Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт»](#) подготовила молодой учёный [А. А. Эндрюшко](#) (Москва). В статье анализируются подходы к пониманию процессов адаптации и интеграции мигрантов и их динамика на материалах зарубежной литературы. Представлено развитие подходов от социологов Чикагской школы (Р. Парк, У. Томас, Ф. Знанецкий) до современного понимания процесса адаптации в рамках концепции транснационализма. Адаптация прошла путь от прямолинейного, однонаправленного процесса, при котором предполагалось изменение культуры мигрантов только в направлении «ассимиляции», концепции «плавильного котла» до понимания её в рамках транснационализма, «гибкой» аккультурации, при которой человек может иметь две и более культурных идентичностей и быть вовлечённым сразу в несколько социальных контекстов.

Завершает тему номера статья [А. Г. Филиповой](#) и [А. В. Высоцкой](#) (Владивосток) [«Методика построения имитационной модели \(на примере среднего балла ЕГЭ в российских регионах\)»](#), в которой предложена методика оценки реальных изменений в ходе реформы образования. Она посвящена поиску инструментов научного анализа результатов ЕГЭ, необходимых не столько науке, сколько всем вовлечённым в процесс образования для оценки его современного состояния и определения перспектив дальнейшего развития реформ в этой сфере. Представлена методика моделирования ситуации со средними баллами ЕГЭ в российских регионах. Из трёх подходов имитационного моделирования выбран подход системной динамики, позволяющий работать с неполными данными, отслеживать изменения модели во времени, а также выстраивать причинно-следственные связи между факторами, оценивать силу их взаимных влияний. Выборочная совокупность представлена 78 российскими регионами. Использование методов корреляционного и регрессионного анализа позволило свести количество управляющих факторов к трём – уровню городского населения, количеству благоустроенных школ и количеству вечерних школ.

В рубрике [«Экологическое образование в современной России»](#) представлены две статьи. Следует обратить внимание читателей на то, что к этой теме социологи обращаются не часто,

из последних работ можно назвать только одну¹. Позади десятилетие образования в интересах устойчивого развития. В России 2017 год объявлен Годом экологии, что и определяет актуальность рассматриваемого вопроса (история, состояние и перспективы школьного экологического образования и образования в интересах устойчивого развития (ОУР) в нашей стране). Но актуальность далеко не только в этом. Состояние экологического образования неразрывно связано с отношением к экологической проблематике в обществе и государстве. А поскольку в последние десятилетия «экологическое образование» как дисциплина для всех учащихся, стало предметом только для тех, кем оно востребовано профессионально; ожидать экологизации сознания общества, а вслед за этим и политики государства не приходится. Что в этой связи происходит и каковы перспективы, рассматривается в статьях данной рубрики.

В первой из них [«Экологическое образование и образование для устойчивого развития в российской школе: настоящее и будущее»](#) московского социолога [Л. Ю. Ивановой](#) произведён ретроспективный анализ системы экологического образования в средней школе. На фоне внимания к экологическим вопросам в первой половине 90-х гг. предмет «Экология» был введён в школе как обязательный. Во второй половине 90-х гг. ситуация изменилась. На сегодня огромный багаж, накопленный ранее в области школьного экологического образования, фактически не востребован и используется только учителями-энтузиастами. Автор приводит мнения экспертов (ведущих специалистов в области экологического образования) о настоящем и перспективах экологического образования в школе, а также о вкладе семьи, СМИ, общественных организаций в экологическое просвещение.

В статье [Т. А. Орешкиной](#) (Екатеринбург) [«Экологические компетенции в структуре образовательных программ высшей школы»](#) анализируются понятия «экологическая компетенция» и «экологическая компетентность»; доказывается, что экологическая компетенция относится к общекультурным компетенциям выпускников высшей школы. Экологические дисциплины должны отражать системное понимание места человека в глобальной экосфере, анализировать хозяйственную деятельность как часть биосферы, межуровневые взаимодействия в мировой, государственной и общественной экологической политике. Анализируется объём экологических дисциплин в образовательных программах вуза на примере Уральского федерального университета. Обосновывается необходимость массового экологического образования как первого этапа формирования экологической культуры населения.

¹ Левченко Н. В. Экологическое образование в вузах России: гражданский активизм в формальном образовании // Гуманитарий Юга России. 2017. № 5. С. 276–286. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.24>

К вопросу «Носители ценностей» (следующая рубрика) авторы журнала обращаются не впервые¹. Действительно, важно знать не только, каковы наши ценности, но и какую часть общества составляют те, кто их придерживается, и сколько их. В данном выпуске эта тема рассматривается А. В. Винокуровой (Владивосток) в статье «Ценностные ориентации семей выходцев из Дагестана в Приморье». Приморье становится одной из точек притяжения для переселенцев из других российских регионов, и не только в связи с возможностью получить гектар земли в своё пользование. Среди переселенцев есть и выходцы из Дагестана. Автор анализирует процесс их адаптации на новом месте жительства, показывая, что эффективность этого процесса зависит и от семейных взаимоотношений. В статье представлены социально-демографические характеристики и базовые ценности семей дагестанцев, проживающих в Приморском крае. Особенности социокультурного пространства, географического положения, социального, экономического развития региона, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры рассматриваются в контексте основных факторов, влияющих на ценностные ориентации семей.

Впервые в нашем журнале звучат «Проблемы демографии» (последняя рубрика данного выпуска) в статье И. И. Осинского (Улан-Удэ) «Демографическое развитие Бурятии». В статье рассматриваются факторы преодоления депопуляции, роста продолжительности жизни. Раскрываются показатели рождаемости, выявляются причины её снижения, в числе которых – сокращение женщин репродуктивного возраста, падение жизненного уровня населения, изменения в формах брачного и репродуктивного поведения, состояние здоровья.

¹ Вестник Института социологии, 2017, № 21.

Т е м а н о м е р а : К м е т о д о л о г и и н а у ч н ы х и с с л е д о в а н и й

Ц е н н о с т н ы е м а р к е р ы к у л ь т у р н о - и с т о р и ч е с к о й и д е н т и ч н о с т и р о с с и я н

Возмител Андрей Андреевич –
доктор социологических наук, главный научный
сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва

E-mail: Vozmitel@isras.ru

Концептуальные основы социологии образа жизни

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.479

Аннотация. «Модернизационный» прорыв советского образа жизни, преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, диверсификация образа жизни, становление его принципиально новых форм и субъектов сформировали запрос на концепцию, объясняющую происходящие изменения, на адекватное научное понимание процесса разложения и распада, становления и укрепления образа жизни, а также самого этого понятия и системы взаимосвязанных с ним категорий; на концепцию, которая являлась бы ключом к пониманию социальных процессов, происходящих в обществе на макро- и микроуровне, и к выявлению доминант, альтернатив и складывающегося вектора общественного развития. В этой связи в статье представлена последовательная реконцептуализация социологического подхода к изучению образа жизни, отражающая динамику социальных процессов, происходящих в стране; дано современное научное (в отличие от идеологизированного или обыденного) понимание его сущности как процесса воспроизводства определённых общественных отношений и формирования личностей соответствующих типов; предложен переход от структурно-функциональной к субъектно-деятельностной динамической концепции образа жизни. В созданной концепции чётко проведена идея целостности жизнедеятельности и её комплексного анализа, а разработанные категории выступают как диалектически взаимосвязанные, взаимопереходящие друг в друга. Соответственно, процесс познания сущности образа жизни (от анализа стилей – к способам жизни, а от них – к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии) совпадает с общим процессом познания: от изучения единичного – к обнаружению особенного и раскрытию общего. Это научный анализ реальных моделей жизнедеятельности, осваивающих наличное социальное пространство и содержащих в себе его будущее состояние. Таким образом, социология образа жизни является целостным концептуальным конструктом, позволяющим понять, как те или иные способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции», становление модальной личности и общества современного типа.

Ключевые слова: концепция, жизнедеятельность, образ, способ и стиль жизни, реконцептуализация

Актуальные задачи российской социологии в интерпретационной парадигме образа жизни

В сегодняшнем российском государстве и обществе создаются определённые предпосылки для выхода страны из делинквентного дрейфа. Начинают формулироваться и артикулироваться общенациональные цели. Соответственно, формируется запрос на фундаментальные и прикладные исследования, отслеживающие этот процесс, на целостное его видение.

В этой связи весьма актуальными для социологической науки становятся, на наш взгляд, три взаимосвязанные задачи.

Во-первых, осмысление внутренней логики развития социальных процессов, научное социологическое видение происходящих изменений с точки зрения целевой установки на построение цивилизованного общества и государства, обеспечивающих каждому человеку свободу выбора жизненного пути, защищённость и безопасность, равные возможности достижения материального благополучия на основе реализации принципа социальной справедливости.

Вторая задача тесно связана с первой – прояснение социального качества, социального «лица» современного российского общества в контексте формирования массовых социальных практик и смыслов, конструирующих и трансформирующих реальность в определённую социокультурную систему. Ведь у нас до сих пор нет чёткой картины изменившейся страны, как нет адекватного представления о предшествующем периоде нашей истории.

А страна вновь на историческом переломе: уже не отвергает, но пристально всматривается в своё недавнее прошлое, критически и конструктивно оценивает настоящее, ищет формы и методы созидания своего аутентичного качественно иного будущего, пытается отделить правду от лжи, повседневную реальность от её виртуальных изображений, свет от тьмы. Подключение социологии к этому процессу всестороннего анализа «самих себя» должно привести к пониманию реальных характеристик и особенностей нашего общества и государства, а также возможных альтернатив и вектора общественного развития.

Третья общесоциологическая задача, логически выстраиваемая из двух предыдущих и обеспечивающая их реализацию, – переход от описания к объяснению, поскольку, описание явлений довольно редко сопровождается познанием их сущности.

Так как объект социологического познания всегда выступает в качестве определённой социальной системы, он должен рассматриваться как совокупность всех существенных её

элементов, взаимодействие и взаимосвязь которых образует целостные свойства этой системы, обеспечивая понимание части с точки зрения целого и его самого с точки зрения части.

Диалектический характер становления, функционирования, развития и распада социальных систем должен быть раскрыт в их обобщённых динамических моделях, отражающих действие факторов разного содержания и уровня: объективного и субъективного, личностного и общественного в их взаимообусловленности. Причём человек как личность характеризуется здесь совокупностью тех социальных отношений, субъектом которых он является. Это уточнение ориентирует исследователя на распознавание смыслов социального действия, выступающих в качестве его причин, на изучение характера и направленности социальных изменений, возникающих в результате целенаправленной деятельности социальных субъектов.

Таким образом, можно констатировать, что развитие российской социологии, ставящей задачи научного осмысления происходящих изменений в контексте социальной нестабильности, неразрывно связано с разработкой субъектно-деятельностного подхода.

Для реализации названных фундаментальных задач, на наш взгляд, лучше всего подходит концепция образа жизни, которая, не подменяя собой специальных социологических теорий, рассматривает человека как целостного субъекта жизнедеятельности, в единстве (порой противоречивом) его социальных связей: экономических, политических, культурных и духовно-нравственных. Предметом исследования в рамках этой концепции выступают типичные формы повседневного поведения людей, способы организации и самоорганизации ими своей жизни в конкретных пространственно-временных социальных условиях в соответствии с определёнными ценностными ориентирами.

Уровень анализа образа жизни – повседневная жизнь людей, по праву признаваемая рядом современных социологических концепций «высшей реальностью». Гносеологически потребность в изучении этой реальности, выступающей связующим звеном между обществом и личностью, определилась движением социального познания от абстрактного к конкретным механизмам формирования личностных, групповых и общесоциальных черт, опосредующих способы организации людьми своей жизнедеятельности.

Используя богатый познавательный потенциал образа жизни, философы, экономисты, социологи, историки пытались преодолеть господствовавшие долгое время в советской науке стереотипы объяснения механизмов социального воспроизводства. Возможно, именно это обстоятельство повлияло на то, что изучению образа жизни в той или иной мере отдали дань

Развитие российской социологии, ставящей задачи научного осмысления происходящих изменений в контексте социальной нестабильности, неразрывно связано с разработкой субъектно-деятельностного подхода.

Уровень анализа образа жизни – повседневная жизнь людей, по праву признаваемая рядом современных социологических концепций «высшей реальностью».

многие ведущие обществоведы 70–80-х годов прошлого века. Проблематика образа жизни актуализировалась в СССР и странах Восточной Европы именно в этот период.

Важную роль сыграли онтологические факторы: переход от жёсткой идеологической и правовой регламентации повседневной жизни людей в экстремальных постреволюционных ситуациях в этих странах к развитию социализма на своей собственной демократической основе, что привело к появлению многовариантных моделей образа жизни (в том числе альтернативных) и обусловило необходимость теоретического осмысления этого процесса, определения способов и методов его регулирования.

Причём именно в эти годы образ жизни становится одним из основополагающих критериев оценки жизнеспособности противоположных социальных систем и, соответственно, предметом ожесточённой идеологической борьбы, что также повлияло на актуализацию рассматриваемой проблематики.

Однако главное состояло в том, что, отвечая потребностям практики, анализ образа жизни открывал новые научно-практические горизонты.

Известно, научная концепция рождается тогда, когда используемый научный инструментарий оказывается неадекватным для описания и объяснения того или иного явления или процесса. Поэтому об образе жизни как научной категории заговорили лишь тогда, когда выяснилась ограниченность, недостаточность анализа отдельных видов жизнедеятельности людей, когда возникла необходимость предвидеть изменения в системе социальных отношений в результате изменений, происходящих в её частях.

Многочисленные компании, непродуманные эксперименты и реформы в нашей стране сменяли друг друга, принося порой совершенно неожиданные плоды. Всё это социальное «творчество» дало, по крайней мере, один положительный результат: осознание той простой истины, что радикальные преобразования в одной, отдельно взятой сфере общественной жизни останутся на уровне благих пожеланий, если не будут дополнены столь же радикальными изменениями в других сферах. Поэтому предполагалось (и декларировалось в основных директивных документах), что планирование должно опираться на целостный анализ многообразных социальных связей и отношений человека с окружающим миром, а планирование долгосрочное – на прогнозы образа жизни [Социалистический образ жизни... 1984: 18].

Взросшие требования к социальному управлению побуждают принимать решения сбалансированные, комплексные, когда оно имеет в своём поле зрения не только отдельные сферы жизнедеятельности, но и все её структуры одновременно – то есть образ жизни как определённую целостность,

Об образе жизни как научной категории заговорили лишь тогда, когда выяснилась ограниченность, недостаточность анализа отдельных видов жизнедеятельности людей, когда возникла необходимость предвидеть изменения в системе социальных отношений в результате изменений, происходящих в её частях.

с помощью которой можно определить реально складывающиеся, а не абстрактно-теоретические характеристики социального «лица» того или иного общества, направление и характер происходящих в нём изменений, раскрыть механизмы формирования активности и базовых ценностных ориентиров.

Отражая наиболее важные человеческие результаты инноваций в экономической, социальной, политической и духовной сферах, включая в себя систему критериальных показателей социального развития (уровень, качество жизни, социальное благополучие и социальное самочувствие) проблематика образа жизни содержит основные противоречия и альтернативы общественного развития. Актуальность такого знания в нынешней чрезвычайно сложной, противоречивой и динамичной ситуации трудно переоценить.

Отметим в этой связи, что образ жизни представляет собой не просто совокупность устойчивых форм общественной деятельности людей, но систему именно *доминантных* способов реализации их социального бытия, характерных для исторически конкретных социальных отношений, функционирующую на основе ценностных смысложизненных установок, сама специфика которых составляет её качественную характеристику.

Становление конкретного образа жизни происходит вместе с формированием модальной личности, воспроизводящей определённое отношение к миру, характерное для доминирующих моделей жизнедеятельности и консолидирующее основные сегменты социального пространства.

Иначе говоря, для появления и нормального функционирования образа жизни необходимо некое объединяющее начало, отношение к миру, отражающее социальное качество, сущность и смысл того или иного общества. Это те общие представления о базовых нормативных экспектациях, о должном и сущем, о происхождении и предназначении наличной социальной системы и т. п., которые в данном конкретном обществе являются само собой разумеющимися и на основе которых возникает чувство отождествления с другими людьми.

Кризис и распад советской цивилизации предельно обострили проблему идентичности России, актуализировав разнообразные потенции её трансформации, каждая из которых имеет свой вектор возможных социальных изменений. К настоящему времени в социальном «котле» российского общества образовались и отчётливо проявляются несколько центров субъективной активности вместе с продуцируемыми ею типами жизни. Каждый из них имеет своё «силовое поле» притяжения разнородных социальных сил, узловые точки роста социальной реальности. Взаимодействуя между собой, образуя причудливые сочетания конкретных типов жизнедеятельности, они

Проблематика образа жизни содержит основные противоречия и альтернативы общественного развития. Актуальность такого знания в нынешней чрезвычайно сложной, противоречивой и динамичной ситуации трудно переоценить.

Для появления и нормального функционирования образа жизни необходимо некое объединяющее начало, отношение к миру, отражающее социальное качество, сущность и смысл того или иного общества.

формируют вполне определённые, эмпирически фиксируемые черты личности, семьи, мотивации и способов труда, образцы самоиндификации, восприятия и отношения к миру.

Другими словами, в самой толще общества медленно, мучительно, противоречиво, но идёт переход от некогда «могучего» унифицированного и, надо сказать, притягательного для многих «советского» образа жизни к многообразным моделям жизнедеятельности различной конфигурации, нередко сталкивающимся друг с другом своими достаточно острыми краями.

По всей видимости, сегодня можно говорить о сложившихся американском, японском, китайском и других типах образа жизни, и только в будущем – о специфически российском его варианте, поскольку он сам по себе должен являть нам не просто устойчивые формы человеческой жизнедеятельности, но типичные для исторически конкретных социальных отношений, раскрывающие и качественно характеризующие данное общественное устройство. В таком понимании специфика российского образа жизни сегодня состоит в его фактическом отсутствии, в конгломерате противостоящих друг другу, нередко антагонистических моделей жизни.

Отсюда главная теоретико-методологическая проблема исследования образа жизни сегодня: как изучать то, чего нет в действительности, но что может и должно появиться в не слишком далёком будущем?

Образ жизни в России распался как целостность, но конечно же остался в виде реальной общественной потребности. И задача социологов выявить и проанализировать формы её реализации и объективации. А это означает необходимость анализа и интерпретации реально складывающихся моделей жизнедеятельности как процесса движения к новой целостности на основе эмпирической информации, отражающей социальную активность их субъектов и приведение этой активности в сопряжённое взаимодействие.

Поставленный главный вопрос предопределяет методологический инструментарий, с помощью которого только и можно анализировать описанную выше ситуацию. Во всяком случае, необходимость акцентирования процессуально-деятельностного подхода к анализу изменений в социальном пространстве достаточно очевидна.

Мы полагаем, что именно в типических образцах приспособления к изменяющимся условиям, в конкретных способах самоорганизации жизни различными социальными субъектами, а точнее говоря, в процессе становления их собственной субъектности творится искомая российская идентичность.

Из этой предпосылки «вытекает» генеральная цель исследования: анализ процесса реструктуризации социального пространства.

Специфика российского образа жизни сегодня состоит в его фактическом отсутствии, в конгломерате противостоящих друг другу, нередко антагонистических моделей жизни.

Фундаментальная задача здесь состоит в детальном анализе процесса дезинтеграции старых (традиционных) и становления новых (новаторских) элементов в повседневной жизни людей в ходе их социально-экономической адаптации, естественного конкурентного отбора в борьбе за экономическое и социальное пространство, за приоритетность своего социального качества в условиях перехода российского общества к рыночному типу социальной интеграции. Таким образом ещё раз подчёркивается актуальность проблемы образа жизни, «впитавшей» в себя основные противоречия и альтернативы общественного развития.

Для реализации этой фундаментальной задачи должны быть переосмыслены использовавшиеся ранее теоретические подходы к анализу образа жизни, господствовавшие в СССР и странах Восточной Европы в 1970–90-е гг.

Основные направления социологических исследований образа жизни в советское время

В СССР и странах народной демократии Восточной Европы опыт изучения образа жизни в 1970-е гг. накапливался в основном в социологической литературе, а не в эмпирических исследованиях, которые традиционно проводились в рамках социологии досуга, семьи, быта, образования, общественной жизни, бюджетов времени. Они давали хотя и новые, интересные, но всё же фрагментарные сведения о реально складывающемся образе жизни. Идея целостности жизнедеятельности и её комплексного анализа в них просто «растворялась», поскольку изучались элементы образа жизни, то есть часть субъекта, включённого в определённые сферы. Правда, можно назвать по крайней мере три в целом успешные попытки перехода от изучения отдельных сфер (видов) жизнедеятельности к созданию эмпирически верифицируемых типологий (моделей) образа жизни. Это работы И. В. Бестужева-Лады [Бестужев-Лада 1980; 1983], новосибирских социологов Т. И. Заславской, И. В. Рывкиной [Методология и методика... 1980] и Ж. Т. Тощенко [Тощенко 1980, 1983].

Однако, пожалуй, самая мощная попытка преодолеть инерцию сложившегося подхода была предпринята в ИСИ АН СССР (директор В. Н. Иванов) сотрудниками отдела комплексного изучения образа жизни (рук. И. Т. Левыкин, авторы программы исследования – И. Т. Левыкин, Т. М. Дридзе, Э. А. Орлова, Я. В. Рейзема). Была разработана уникальная методика исследования, решавшая сложные задачи сопряжения в одном документе систем показателей, связанных

с анализом деятельности в различных сферах (материальной, общественно-политической, семейно-бытовой, досуговой), а также ценностных структур, уровня и качества жизни (авторы А. А. Возьмитель, Т. М. Дридзе, Ю. К. Иванов. В разработке этой методики принимали участие М. Е. Позднякова и М. В. Покровская, консультант М. Х. Титма).

Партийными органами и АН СССР было принято решение о проведении Всесоюзного исследования «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» и создании одноимённого исследовательского проекта. По модели многоступенчатой всесоюзной выборки в 29 регионах страны, представляющих восемь союзных республик (Азербайджанскую, Белорусскую, Казахскую, Киргизскую, Латышскую, Молдавскую, Украинскую ССР и РСФСР), было опрошено 10 500 человек.

Исследование не имело аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной социологии как по масштабам, так и по полученным результатам, но именно поэтому его итоги были долгое время скрыты под грифом «ДСП». Эта участь постигла первую же обобщающую публикацию проекта «Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей» под редакцией И. Т. Левыкина и А. А. Возьмителя [Советский образ жизни... 1984].

В сборнике впервые на репрезентативном материале были вскрыты тенденции, мощно проявившие себя в последующие годы:

- приватизация жизни, активное формирование и развитие семейно-бытовых ориентаций по сравнению с ориентациями общественно-производственными;

- незаинтересованность большинства советских людей в эффективной работе вследствие того, что они не видели связи между интенсивностью и качеством своего труда, с одной стороны, и заработком – с другой;

- падение интереса к общественной жизни, в особенности – к участию в деятельности государственных общественных организаций, прежде всего со стороны «социального эталона» – рабочего класса, а также молодёжи;

- формирование особого «советского» типа образа жизни и личности, для которых свойственно разделение на публичную и частную составляющие, совместимость, казалось бы, несовместимого: социально одобряемых и неодобряемых норм и ценностей.

В этой работе были поставлены и другие весьма острые для того времени вопросы, связанные с обнаружением целого ряда противоречий в сознании и поведении людей, между социальными ориентациями и реальными условиями жизни.

Второй замер проекта на базе всесоюзной выборки был осуществлён в 1986–87 гг. Он выявил разрастание «клубка» проблем и противоречий в советском образе жизни и укоренение тенденций, проявивших себя ранее.

Третий замер в варианте всесоюзного почтового опроса и опроса в Москве, осуществлённый в 1990 г., зафиксировал начало активного распада советского образа жизни и то драматическое положение, в котором оказалось подавляющее большинство населения огромной страны.

С помощью этих исследований была создана эмпирическая база изменений в образе жизни, что позволило дать обоснованные и развёрнутые сценарии (прогнозы) его развития после 1990 г.

В 1990 г. нами был спрогнозирован наиболее вероятный вариант социальных изменений в обществе и образе жизни в условиях длительного кризисного развития. Его основные характеристики: общая невысокая мотивация к труду, превращение последнего из сферы давления на работника в сферу давления на органы власти; противостояние различных общественных сил и поиск компромиссов между ними, перераспределение власти между центром и регионами; поляризация ценностных установок; общее запаздывание с решением назревших проблем и перманентное принятие нереальных мер; вспышки насилия и практически общее стремление к их ликвидации; неустойчивое социальное самочувствие. Как нетрудно заметить, все названные параметры действительно оказались достаточно типичными для лихих девяностых.

Долгое время продолжал реализовываться и другой разработанный нами сценарий изменений в обществе и образе жизни – в условиях распада. Причём реализовывался он как бы по спирали: от распада СССР через «созидательное» разрушение, дегуманизацию человеческих связей и отношений, размывание границ между нравственным и безнравственным, ухудшение социального самочувствия, низкую мотивацию к труду, сращивание мафиозных, общественных и государственных структур и т. п. – к социальным потрясениям и новому общенациональному развалу [Возьмитель 1991].

Широкое социальное видение, «вживание» в социальную ситуацию, основанные на комплексном анализе трендов в уровне и качестве жизни, нормах жизнедеятельности и менталитете общества, выгодно отличают прогнозы образа жизни от чисто политических, демографических и т. п. прогнозов, не раз демонстрировавших свою несостоятельность.

При этом следует отметить, что в советское время господствовала по сути структурно-функциональная концепция образа жизни, предполагавшая достаточно жёсткую детермина-

В 1990 г. нами был спрогнозирован наиболее вероятный вариант социальных изменений в обществе и образе жизни в условиях длительного кризисного развития.

цию человеческой деятельности социальной системой, в которую человек включён по преимуществу как функция этой системы, а базовые характеристики структурных компонентов целого выводятся непосредственно из него самого.

В рамках этой концепции образ жизни рассматривался в двух ипостасях: как нормативно-формационный (социалистический) и как конкретно-исторический (советский, болгарский, венгерский и т. п.)

Первый тип мыслился как сочетание характеристик общественного идеала, выводимых из базовых формационных черт с характеристиками, необходимыми для функционирования и развития всего социалистического социума в определённом «хронотипе». Он задавал основные социальные ориентиры и способы их реализации.

Второй представлял собой картину типических, реально складывающихся социальных практик и смыслов повседневного поведения людей в той или иной стране.

Сопоставление нормативно-формационной конструкции с реальностью (веберовское каузальное сведение), вырисовывающейся в результате социологического анализа, давало важную информацию о главных противоречиях и проблемах, преломляющихся в образе жизни людей, что служило основой для разработки рекомендаций по его совершенствованию.

Надо сказать, к нам плохо прислушивались, обвиняли в «очернительстве» и т. п. А в результате даже в основных партийных и государственных документах желаемое нередко выдавалось за действительное. Тогда многие из научной и политической «общественности» предпочитали видеть лишь тот мир, который они хотели видеть или же который им было видеть выгодно.

Распад советского образа жизни привёл к появлению новой социальной реальности, относительно которой должны были отрабатываться и новые научные подходы. Советский образ жизни как бы растворился в тумане неопределённости основных социальных целей, ценностей и норм.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, исключение из научного оборота определений «советский» и «социалистический» образ жизни, явившееся прямым следствием прекращения холодной войны, распада СССР и социалистического лагеря, не привело, да и не могло привести к ликвидации одного из важнейших направлений социологической науки: изучения повседневной жизни людей, которая, как справедливо отмечает А. С. Ципко, является «самым наглядным, самым доказательным проявлением существа той или иной социальной системы, самым главным, то есть человеческим результатом её развития и функционирования» [Ципко 1979: 24]. Произошло

лишь естественное в сегодняшних условиях сужение научного пространства за счёт целого пласта исследований, обеспечивавших нужды внутренней и внешней пропаганды.

Тем не менее, «исчезновение» советского или же какого бы то ни было другого образа жизни свидетельствуют о специфичности этой научной категории, её применимости прежде всего к стабильным, устоявшимся обществам, выработавшим свою национальную и социальную определённую, о её детерминированности социальным временем.

Возникает тут и ряд теоретико-методологических проблем. Ведь эта ситуация, как пишут авторы одной из основополагающих в этой области собственно социологических работ, означает ликвидацию той принципиальной ориентации, которую господствующий способ производства сообщает многообразным формам «жизнедеятельности членов общества; ориентации, преломляющейся во всех наличных общественных отношениях – экономических, социальных, национальных, нравственных, политических, эстетических и т. п., вплоть до семейных и бытовых» [Состояние и основные тенденции... 1980]. Сообщает, понятно, созданием соответствующих условий, «стирающих» различия между городом и деревней, рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией, а потому и требует «рассматривать социальную реальность под углом зрения того, как природа социалистического строя проявляется в конкретных действиях, общении и поведении представителей различных социальных групп, как в ходе их повседневного бытия реализуются те возможности, которые обеспечиваются им условиями социализма» [Состояние и основные тенденции... 1980: 10].

Итак, в методологическом плане распад советского образа жизни означает исчерпание познавательных возможностей анализа такого рода, вполне уместного в условиях авторитарного государства и массово безликой жизни, когда образ жизни каждого человека и социальной группы не только рассматривается с точки зрения его соответствия «принципиальной ориентации», но и всеми доступными средствами подгоняется под неё. Как показали наши всесоюзные и другие крупномасштабные исследования, делается это достаточно успешно [Советский образ жизни... 1984: 140–163; Советский простой человек ...1993: 13–65].

Тем не менее, насколько это было возможно, анализ повседневной жизни в ракурсе «принципиальной ориентации» ставил и решал важные теоретические и практические проблемы становления личности в конкретных социально-исторических условиях, её взаимодействия с микросредой и обществом в целом. Однако само «производство» образа жизни, его процессуальный характер оставались, по сути дела, за пределами научного осмысления, за исключением, пожалуй,

давнего спора о том, чем является исследуемый феномен: проявлением социального в индивидуальном или же индивидуального в социальном.

Уяснению сущности образа жизни мало способствовало и накопление узкоспециализированных локальных результатов. Понимание процесса в одной сфере или на микроуровне не давало существенного прироста знания на макроуровне.

А следовательно, малопригодным оказывается сегодня и главный инструмент рассматриваемого анализа: разбиение образа жизни на индивидуальный, групповой и общества в целом, позволившее в своё время описать реальное состояние советского образа жизни, выяснить особенности группового и личностного бытия господствующих общественных отношений, но вряд ли подходящее для рассмотрения процесса диверсификации образа жизни, становления его принципиально новых форм и субъектов. Прежде всего, потому что:

- трёхуровневый образ жизни с единой «принципиальной ориентацией» отражает исторически специфическую связь личности и общества, характерную для советского строя с его нивелировкой индивидуальности. И, скорее, массово-одиночным, нежели индивидуальным образом жизни личности социалистического типа;

- в основу классификации образа жизни и его субъектов кладётся не сама жизнедеятельность, а уровни организации общества и его социальная структура. В результате основное внимание уделяется во многом формальным, а не реально действующим субъектам жизнедеятельности, а её собственный анализ подменяется социоструктурным;

- рассматриваемое разбиение единого образа жизни по сути своей означает отрицание самой возможности появления моделей жизни, альтернативных господствующему. Поэтому естественно, что именно «развитие» и «совершенствование» являются тут главными знаковыми понятиями;

- наконец, вызывает возражения словосочетание «индивидуальный образ жизни» – противоестественное объединение в одно понятие единичного, отличающегося характерными признаками от других, и социально-типического, характеризующего способы (формы) совместной деятельности людей.

Словом, то, что годится для одного социального времени, неприемлемо для другого; что позволяет изучать статику, нередко препятствует анализу динамики. Однако именно распад советского образа жизни инициировал поиск механизмов, опосредующих взаимодействие общества и личности, а также моделей, описывающих эти опосредствования с учётом активной роли личности в формировании и изменении образа жизни.

Распад советского образа жизни инициировал поиск механизмов, опосредующих взаимодействие общества и личности, а также моделей, описывающих эти опосредствования с учётом активной роли личности в формировании и изменении образа жизни.

В поисках новой парадигмы

Необходимым условием нормального функционирования и развития любой общественной системы является внедрение её принципов в повседневную жизнь людей. Напомним в этой связи, что именно игнорирование сферы повседневной жизни не раз ввергало российское общество в серьёзные кризисные ситуации, равно как пристальное внимание к ней в западной цивилизации не раз спасало последнюю от социальных катаклизмов.

В обществе, претендующем на название демократического, повседневная жизнь человека не является лишь проявлением тотальной зависимости от господствующих институтов и структур, а образует достаточно автономные пласты обыденной жизни, конгломерат или систему, определённое сочетание («парадигму») «жизненных миров», во многом определяющих специфику формирующегося гражданского общества, социального производства и воспроизводства.

В плюралистическом цивилизованном обществе эти миры порой очень сильно различаются, а то и «борются» друг с другом за приоритетность своего социального качества, находясь при этом в состоянии взаимного приспособления, обеспечиваемого наличием центрального универсума – того, что в данном обществе считается само собой разумеющимся: общезначимых ценностей, норм, типов социального взаимодействия между людьми. То есть, образа жизни – той главной идентичности, которую мы потеряли и никак не можем обрести вновь. В совокупности с действием других факторов это привело к зримым результатам: деградации практически всех сфер общественной жизни: экономической, политической, культурной, духовно-нравственной и т. д. Причём в таких формах и масштабах, которые весьма трудно было представить в «благодарные» времена перестройки и гласности.

Отсюда – чрезвычайная важность формирования центрального универсума, новой российской идентичности, что само по себе является актуальной социально-политической задачей, необходимой предпосылкой солидарности и основой преодоления конфликтности. Условием её эффективного решения выступает знание (понимание) процесса становления жизненных миров, их взаимодействия между собой и системой. Иначе говоря, необходимо осмыслить образ жизни как процесс конструирования людьми социальной реальности, в результате которой возникает упорядоченность повседневной жизни.

И тут в силу интегративной сущности концепции образа жизни, призванной объединить различные представления в условиях неполноты информации об этом сложном объекте, мы будем принимать во внимание и использовать различные подходы.

Необходимым условием нормального функционирования и развития любой общественной системы является внедрение её принципов в повседневную жизнь людей.

Так, важная для нашего исследования марксистская теория социального воспроизводства и, в частности, известное положение о тождестве жизнедеятельности людей и того, «что они собой представляют» [Маркс, Энгельс 1955, т. 3: 440], должны быть дополнены анализом с точки зрения истины, высказанной ещё ветхозаветным автором: «Каковы мысли в душе его (человека), таков и он» [Библия 1995: 617].

Собственно, эта идея была всесторонне рассмотрена и развита М. Вебером в его «понимающей социологии», объектом которой является смысловая связь поведения независимо от степени её выраженности [Вебер 1990: 497] и которая помогает нам понять, какой субъективно подразумеваемый смысл связывает личность с другими личностями, на каком основании люди объединяются в группы, ассоциации и т. п.

Актуальными для нас являются другие положения социологии М. Вебера: о роли нравственно-религиозной реформации в жизни западного (шире – современного) общества, о двух типах капитализма, об идеально-типических конструкциях и т. д.

Поскольку предметом нашего исследования является деятельность человека в определённом социальном контексте, в результате чего возникает упорядоченная реальность повседневной жизни, для нас несомненный интерес представляет анализ процессов объективации, институционализации и легитимации, осуществлённый в рамках социологии знания (П. Бергер, Т. Лукман), а также мысли А. Шюца о повседневности, необходимости восстановления связи абстрактных научных понятий с «жизненным миром»; идеи Э. Гидденса о предмете социальных наук, которым является не индивидуальный опыт и не существование какой-либо социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени; концепция Ю. Хабермаса о диалектике взаимоотношений «жизненного мира» и социальных систем.

Для нашего анализа важны идеи социокультурной динамики П. Сорокина о роли ценностей и кризисе рационалистической евро-американской цивилизации. Попытка внедрения её принципов в наше общество и полученный результат, в общем и целом совпадающий с прогнозом П. Сорокина относительно западного общества, косвенно подтверждает его правоту.

И конечно же нам не обойтись без трудов отечественных авторов: В. А. Ядова (диспозиционная теория саморегуляции социального поведения личности), Л. П. Буевой, А. Н. Леонтьева, Ю. К. Плетникова, посвящённых анализу деятельной природы человека, но прежде всего авторов, внесших свой вклад в разработку проблем образа жизни и раскрытие сложности (многоплановости) как самого этого понятия, так и одноимённого процесса, им обозначаемого (К. А. Абульхановой-Славской, Е. А. Ануфриева,

И В. Бестужева-Лады, Г. М. Борисова, А. П. Бутенко, Ю. Е. Волкова, Л. А. Гордона, Б. А. Грушина, Ю. Н. Давыдова, Т. М. Дридзе, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, В. Ж. Келле, Э. В. Клопова, Ю. А. Левады, И. Т. Левыкина, Ю. М. Лотмана, Л. А. О니кова, Э. А. Орловой, Н. М. Римашевской, М. Н. Руткевича, Р. В. Рывкиной, Э. В. Струкова, В. И. Толстых, Ж. Т. Тощенко, А. С. Ципко, В. Н. Шубкина и многих других).

Необходимо отметить и социологов Восточной Европы, в совместных дискуссиях с которыми разрабатывались основные теоретико-методологические позиции (понятийный аппарат, конкретное содержание категорий анализа, основные показатели и т. п.) исследований образа жизни: В. Добриянова, С. Видершпиля, И. Мюллера, Ф. Патаки, А. Сициньского, З. Суфина, А. Ст. Тодорова, Т. Хан, Б. и И. Филипцевых, Х. Штайнера и других.

Что же касается наработок западных коллег, реализующихся в эмпирических исследованиях, то здесь ситуация гораздо сложнее, поскольку и сегодня наша социальная реальность чаще всего не поддаётся не только объяснению, но и описанию с позиций используемых ими концепций и методик.

В этой связи можно сослаться на фундаментальное исследование стилей жизни (проект VALS), впервые реализованное в 1980 г. в США по общенациональной выборке и воспроизведённое позже в ведущих странах Западной Европы: Великобритании, Германии, Италии, Франции и Швеции. В теоретико-методологическом плане оно основывается на сочетании двух подходов: иерархии потребностей А. Маслоу и концепции социального характера Д. Рисмена. На пересечении этих координат были сконструированы три базовых модели жизнедеятельности, в рамках которых вычленены восемь стилей жизни:

- **NEED-DRIVEN** (ведомые нуждой, люди, которыми руководят первичные потребности);
- *Survivor* («выживающие»; опустившиеся, обездоленные, без шансов подняться);
- *Sustainer* («поддерживающие» свою жизнь, они ещё борются, карабкаются – более молодые и менее депрессивные);
- **TRADITIONAL, OUTER-DIRECTED DEVELOPMENTAL PATH** (консервативные, внешне ориентированные в своём поведении);
- *Belongers* (консерваторы, не желающие выделяться, довольный средний класс, интегрированный в целостную систему общества, его образ жизни);
- *Emulators* (в противоположность «belongers» стремятся к более высокому социальному статусу и предпринимают немало усилий в направлении достижения этой цели);

- *Achivers* (ориентированные на успех, признание, материальные ценности, приятную жизнь в полном достатке);
- **CONTEMPORARY, INNER-DIRECTED DEVELOPMENTAL PATH** (современные, внутренне ориентированные в своём поведении);
- *I-Am-Me's* (переходная группа от внешне ориентированных к внутренне ориентированным: молоды, экспрессивны, нарциссичны, неординарны в поведении и стиле жизни);
- *Experimentals* (руководствуются, как правило, внутренними ценностями, но не столь эгоцентричны, как «I-Am-Me's»). Активны в видении, понимании и решении проблем в различных сферах деятельности. Играют важную роль в качестве законодателей мод и групп, с помощью которых успешно реализуются идеи и товары);
- *Societally conscious* (высшая степень развития внутренне ориентированных: люди, размышляющие о проблемах общества, об обществе как целостности в политическом и божественном смысле. Проявляют сильную активность в различных сферах деятельности на основе целостной системы ценностных ориентаций, единого мировоззрения. В стилях жизни аскетичны, придают большое значение реализации внутренних ценностей, развитию личностного потенциала);
- **INTERGRATED** (соединяют инструментальность и волю внешне ориентированных с эмпатией внутренне ориентированных. Они хорошо подходят к руководящим должностям, лучше других воспринимают чужие идеи и сглаживают конфликты). Это девятый тип личности и стиль жизни [Mitchell 1983: 4–26].

Таким образом, мы видим логично выстроенную, внутренне непротиворечивую модель стилей жизни, на основе которой может быть разработан некий социографический «профиль» страны, пригодный для сравнительных исследований. При наложении друг на друга ряда таких профилей, относящихся к различным временным промежуткам, можно оценить динамику изменений, происходящих в конкретной стране. А при сравнении профилей различных стран – оценить степень их сходства и различия.

Однако именно последний вид сравнительных исследований по стандартизированной запатентованной методике вызывает наибольшие сомнения ввиду достаточно серьёзных социокультурных различий между странами. Так, уже первый взгляд на конструкцию стилей жизни VALS позволяет отметить её «чужеродность» по отношению к реалиям России, поскольку в соответствии с ней большинство населения нашей страны, по всей видимости, окажется в рамках типа «ведо-

мых нуждой» («need-driven»), в то время как другие важные группы типологии вполне могут не получить статистически значимого наполнения в репрезентативных опросах.

Здоровый культурный релятивизм в отношении проекта VALS был продемонстрирован и западноевропейскими учёными, которые подвергли его критике по результатам проведённых в их странах исследований [Georg 1998: 130–134]. Всё это, разумеется, не означает, что следует пренебрегать опытом западных коллег при разработке программ и инструментария конкретных исследований образа жизни. Однако его использование имеет ряд ограничений (особенности социальной структуры, социокультурной динамики, менталитета и т. п.), которые предполагают достаточно серьёзную адаптацию западных методик к российской специфике.

Анализ трудов всех упомянутых выше авторов (в т. ч. критический) помогает нам глубже понять социальное пространство как явление, созданное и постоянно создаваемое в повседневном общении (взаимодействии) людей, осмыслить его в собственно человеческом бытии, в соотношении с идеями, представлениями, интересами и целями практически действующих личностей.

Динамическая, субъектно-деятельностная концепция образа жизни

«Модернизационный» прорыв советского образа жизни, преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, диверсификация образа жизни, становление его принципиально новых форм и субъектов сформировали запрос на концепцию, объясняющую происходящие изменения, на адекватное научное понимание процесса разложения и распада, становления и укрепления образа жизни; самого этого понятия, а также системы взаимосвязанных с ним категорий. Концепцию, которая являлась бы ключом к пониманию социальных процессов, происходящих в обществе на макро- и микроуровне; к выявлению доминант, альтернатив и складывающегося вектора общественного развития страны, движущейся пока ещё из «неведомо что» в «неведомо куда».

В поисках адекватной характеристики переходного периода многие учёные и политики обращаются к анализу исторического, экономического и политического развития России, даже её географического положения. Мы же полагаем, что сущность исследуемого транзита может быть лучше всего понята, исходя из антропологических особенностей, из определённого сочетания моделей жизнедеятельности людей, их жизненных миров как конгломерата или определённой

«Модернизационный» прорыв советского образа жизни, преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, диверсификация образа жизни и др. сформировали запрос на концепцию, объясняющую происходящие изменения, на научное понимание процесса становления и укрепления образа жизни; самого этого понятия и системы связанных с ним категорий.

системы значимых социальных практик, формирующих, отражающих и выражающих наши базовые мотивы, предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей.

С учётом всех перечисленных экспектаций к разрабатываемой концепции образа жизни можно определить её тип (динамическая, процессуальная, субъектно-деятельностная) и сформулировать основные принципы:

1. Именно различия в повседневной жизнедеятельности людей, а не их принадлежность к той или иной, во многом формальной социостатусной группе – суть главные критерии дифференциации и типологизации образа жизни, а также вычленения его субъектов. Нетрудно заметить, что здесь меняется логика анализа. Если обычно в социологических исследованиях сначала ставится вопрос «кто действует», а затем – «как, каким образом действует», мы акцентируем внимание на моделях жизнедеятельности, на анализе распространённости тех или иных способов самоорганизации жизни, которые только потом идентифицируются с социальными носителями. Такой подход позволяет выйти за рамки традиционных стратификационных представлений, учесть как старые, так и новые элементы сознания и поведения людей, интегрирующиеся в особые повседневные социальные практики, представляющие собой разновидности жизненных миров: специфические образцы восприятия и отношения к миру, возникающие на основе способов производства своей жизни, определённой трудовой мотивации, направленной на достижение своеобразных социальных и социально-экономических целей.

2. В центре субъектно-деятельностного подхода личность, действующая в разных масштабах своей жизни, которая именно в результате определённой целенаправленной деятельности приобретает статус субъекта и относится нами к тому или иному социальному или социально-психологическому типу, продуцирующему и производящему вполне определённые типы (модели) повседневной жизни.

Согласно же марксистской традиции, социальные качества личности порождаются способами производства своего материального бытия: способами труда и производства предметов существования, которые являются не только и не столько способами воспроизводства физического состояния индивидов, сколько основными способами реализации жизни. Они формируют определённые особенности личности, соответствующие типу жизнедеятельности общества. Это общий методологический принцип, применяемый нами для выделения личностей социальных и социально-психологических типов, «производящих» различные способы и стили жизни.

Идентификация этих типов осуществляется посредством определения того субъективного смысла, который человек вкладывает в свою деятельность; а также выделения

мотивационно-деятельностных характеристик, отражающих современные базовые установки личности в процессе производства своего материального бытия.

3. Образ жизни не есть нечто статичное. Это процесс, как сознательный, так и стихийный. Сознательный, поскольку люди сами выбирают модели жизнедеятельности, а то и творят их. Стихийный в том плане, что результат конкуренции этих моделей далеко не всегда предсказуем. Взаимодействуя между собой, образуя устойчивые сочетания конкретных типов повседневной жизнедеятельности, они формируют вполне определённые доминантные, эмпирически фиксируемые черты личности, семьи, мотивации труда, образцы самоидентификации, восприятия и отношения к миру, из которых выкристаллизовывается реальный образ жизни общества в целом.

Для описания и объяснения этой логики социального взаимодействия в научный оборот введена система категорий, отражающих интегративные и дезинтегративные процессы в жизнедеятельности людей, её статику и динамику. Система эта состоит из узнаваемых, но далеко не тождественных понятий: **образ, способ и стиль жизни**, которые нередко употребляются как синонимы, хотя таковыми в действительности не являются. Их соотношение практически не освещено в научной литературе и они до нас **прежде не рассматривались в качестве системной триады переходящих друг в друга категорий**, отражающих диалектику объективного и субъективного, общего, особенного и единичного, позволяющих моделировать образ жизни как изменяющуюся систему.

В таком понимании образ жизни, являясь строго научной, а не идеологической или же общежитейской конструкцией, возникает в результате взаимодействия (а нередко и «борьбы») доминирующих способов и стилей жизни, продуцируемых личностями определённых социальных типов, повседневная жизнедеятельность которых является исходным элементом собственно социологического анализа.

В рамках разработанной концепции дано строгое разграничение и развёрнутые определения понятий образ, способ и стиль жизни.

Итак, **образ жизни** – устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения. Он складывается в результате реализации и последующей объективации тех или иных многообразных способов и (или) стилей жизни, появления модальной личности, воспроизводящей отношение к миру, характерное для доминирующих моделей жизнедеятельности и консолидирующее основные сегменты социального пространства.

Образ жизни – устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения.

Наиболее общие черты образа жизни являются типичными чертами общества в целом. Именно они, несмотря на значительную дифференциацию по способам и стилям жизни, маркируют отличие одной цивилизации от другой. И именно в этом смысле мы говорили и говорим о социалистическом и буржуазном, христианском и мусульманском, американском и советском образе жизни.

Как показывает исторический опыт, образ жизни детерминирован социальным временем и характерен для обществ, выработавших свою социальную и (или) национальную, шире – цивилизационную определённость. Строго говоря, он не является объектом свободного личностного выбора, а выступает в виде более или менее ограниченной совокупности возможностей социальной адаптации, задающих и формирующих базовые типы жизнедеятельности в процессе социализации. Поэтому его функция – скорее организация, упорядочение, нежели самоорганизация жизни.

В условиях кризиса социальной системы, приводящего к разрушению устойчивых генерализованных связей, скрепляющих общество, образ жизни распадается и представляет собой мозаику альтернативных способов и стилей жизни, каждый из которых «борется» за приоритетность своего социального качества.

Изучение образа жизни обычно направлено прежде всего на выделение общих черт и прослеживание интегративных тенденций в жизнедеятельности членов общества.

Способ жизни является типом жизнедеятельности, складывающимся как под влиянием объективных условий, так и внутренних побудительных сил, и реализующим возможности, заложенные в образе жизни и его объективных условиях. Его суть «в построении соответствующей стратегии жизни» [Абульханова-Славская 1991: 7]. Именно поэтому в нашем понимании способ жизни всегда соотносим с реальной социальной ситуацией и определяется характером взаимодействия с ней. И в этом смысле является не только способом поддержания, воспроизводства, но также изменения социальных отношений; не только способом включения в социальную структуру, но важным фактором её динамики, поскольку взаимодействие с социальной ситуацией предполагает субъектность, целенаправленную активность (выбор профессии, рода занятий, места жительства и т. п.) на основе осознания своих особых интересов и имеющихся альтернатив.

Однако способы жизни характеризуют не просто специфические черты жизнедеятельности людей, но определённые системы своеобразных, конкретных, качественно отличных друг от друга, нередко альтернативных жизнепроявлений – типичные пути *социального самоопределения*, проявляющиеся в повседневной активности людей. Именно в этом плане мы говорим о городском, сельском, предпринимательском, фермерском и т. п. способах жизни.

Способ жизни является типом жизнедеятельности, складывающимся как под влиянием объективных условий, так и внутренних побудительных сил, и реализующим возможности, заложенные в образе жизни и его объективных условиях.

В свою очередь, в ситуациях реального плюрализма норм, ценностей, форм социально-экономической адаптации и самоидентификации неизбежно происходит диверсификация способов жизни, формирование личностей и групп, жизнь которых в силу различий конкретных жизненных ситуаций, флуктуации внешних и (или) внутренних условий, начинает отличаться (порой значительно) от той, что сложилась в том или ином способе жизни. Такие особые, сознательно избираемые или продуцируемые способы самоорганизации повседневной жизни, присущие, как правило, близким социальным субъектам (социально-психологическим типам), производящим своё материальное бытие в одной и той же форме (например, индивидуальной), но преследующим при этом разнопорядковые интересы и цели, мы называем **стилями жизни**. Это *личностное самоопределение в рамках социального*, осуществляемое в результате взаимодействия человека с жизненной ситуацией в процессе его самоидентификации и самодифференциации в микросреде.

Говоря более конкретно, стиль жизни характеризует лишь та часть повседневного поведения, ценностных ориентаций и создаваемой самим человеком среды обитания (жилище, вещи и т. п.), которая, с одной стороны, способствует его *идентификации* с определённой группой (её образом), а с другой – *выделяет* (отличает) ту или иную группу среди других человеческих групп. Стиль жизни, следовательно, субкультурное понятие, характеризующее микросреду и её особенности, реализуемые в определённой форме в деятельности людей. Являясь, как правило, результатом свободного выбора, характеризуя социальные позиции, притяжения и социальную дистанцию, стиль жизни отражает значительные, но незаметные глазу социального философа глубинные изменения в социальной структуре, определяя развитие способов жизни. Соотношение тех или иных стилей жизни (например, цивилизованного/нецивилизованного) отражает специфику и динамику определённого способа жизни (например, предпринимательского). Причём один и тот же способ жизни может быть связан с различными стилями жизни, выступающими по отношению к нему не только как специфические модификации, но имитации его существа в результате особенностей личностной самоорганизации (самоопределения, самоидентификации) жизнедеятельности. Например, в рамках фермерского способа жизни нами были вычленены четыре стиля жизни, весьма значимо отличающихся друг от друга: собственно фермерский, крестьянский и два их альтернативных подтипа: псевдофермерский и псевдокрестьянский [Возьмитель 1994].

Стиль жизни оказывается слабо связанным со способом жизни в тех случаях, когда он формируется вне трудовой деятельности, в свободное время. Именно туда смещается и там

Стиль жизни – это личностное самоопределение в рамках социального, осуществляемое в результате взаимодействия человека с жизненной ситуацией в процессе его самоидентификации и самодифференциации в микросреде.

ощущается подлинность бытия, именно там человек реализует (или пытается реализовать) себя как профессионал, мастер и т. п., будь то увлечение искусством, литературой, коллекционированием, любовными приключениями, охотой, рыбалкой, туризмом и т. д. Сегодня не редкость, когда это «замещение» становится основной трудовой деятельностью: фарцовщик превратился в официального предпринимателя; валютчик – в банкира; страстный турист – во владельца турбюро и т. д.

В стилях и способах жизни находят своё практическое выражение активность и направленность личности – устойчивая доминирующая система деятельности, интересов, мотивов, убеждений и идеалов, вкусов и т. п. Это особые структурные состояния системы образа жизни (репродуцированная социальная практика по Э. Гидденсу), представляющие собой потенциальную социальную структуру. В сегодняшней ситуации внутри них нередко разрабатываются новые стандарты (самонормирование), возникают новые социальные эталоны и культурные образцы, фиксирующие накопленный социальный опыт на основе освоения неведомых ранее форм и способов деятельности. В конечном итоге именно изучение этого процесса даёт возможность понять, как, каким образом определённые формы жизнедеятельности и способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции» (П. Сорокин), становление общества и личности определённого типа.

Итак, образ, способ и стиль жизни различаются как по объёму (широте) отражаемых ими явлений и процессов, так и по их характеру (общественные, социальные, социально-психологические); по своим социальным функциям (социализация, социальное и личностное самоопределение) и субъекту (модальный тип личности, личности определённых социальных и социально-психологических типов). Вместе с тем надо обратить внимание ещё на один аспект анализа: образ и стиль жизни могут выступать и реально выступают в качестве противоположностей. Образ жизни выражает существенную для данного общества связь, проявляющуюся в «доминантной форме интеграции», способах организации и функционирования совместной жизнедеятельности. Стили жизни в силу своей относительной автономности, независимости от социально-экономических и социально-политических условий нередко являются носителями и выразителями иной существенной связи и в этом смысле выступают главным источником изменений в образе жизни.

Это разные полюса анализа, которые не должны рассматриваться отдельно или в качестве слабосвязанных компонентов единой системы, а только как диалектически взаимосвязанные, реализующиеся через своё другое (способ жизни) и на его основе. Таким образом, способы жизни выступают не просто в качестве звена, опосредующего отношение образа и стилей жизни, но как их объединяющее начало. А процесс

В стилях и способах жизни находят своё практическое выражение активность и направленность личности – устойчивая доминирующая система деятельности, интересов, мотивов, убеждений и идеалов, вкусов и т. п.

познания сущности образа жизни (от анализа стилей – к способам жизни, а от них – к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии) совпадает с общим направлением процесса познания от изучения единичного к обнаружению особенного и раскрытию общего.

Сегодня, когда появилось реальное многообразие форм жизнедеятельности, вряд ли целесообразно для их обозначения и анализа пользоваться лишь одним многозначным, по преимуществу литературно-художественным и научно-публицистическим понятием «образ жизни». Последнее было введено в научный оборот прежде всего для подчёркивания не столько целостности, сколько единообразия, общности социальных процессов, когда любая их индивидуализация и разнообразие всячески игнорировались и третировались.

«Поле» образа жизни – общество в целом. Социологическое же изучение многообразия повседневной жизни целесообразно, на наш взгляд, вести на уровне стилей и способов жизни, где действуют конкретные социальные субъекты, «проклёвываются» различные альтернативы общественного развития, где крепнет солидарность и прорастает конфликтность. Собственно, только таким путём можно прийти к реальным характеристикам складывающегося в обществе образа жизни.

А следовательно, именно социологическое изучение личностей определённых типов становится основанием для определения общих для них черт жизнедеятельности, являющихся как специфическими по отношению к образу жизни общества в целом, так и генерализованными в зависимости от характеристик складывающейся социально-политической и социально-экономической ситуации.

Следует отметить естественность рассматриваемых категорий в целях анализа альтернатив общественного развития: все они изначально выступают как парные, сравнительные, имеющие различные полюса притяжения: образ жизни буржуазный и социалистический; способы жизни элиты и масс, в городе и на селе; стили жизни активно-деятельный и пассивно-потребительский, и т. п.

Введение в научный оборот системной триады «образ, способ и стиль жизни» позволяет, на наш взгляд, обеспечить проблемно-тематическую целостность огромного пласта исследований повседневной жизни, нащупать объяснения происходящих процессов и решить многие актуальные теоретико-познавательные задачи.

Взаимодействие способов и стилей жизни, а также влияние этого взаимодействия на состояние образа жизни и общество в целом наглядно отражено на рис. 1, 2 и 3.

Предваряя комментарий к этим рисункам, обратим внимание читателя на два принципиально важных положения.

1. Образ жизни не существует вне и помимо разнообразных способов и стилей жизни, представляя собой их единство в многообразии.

2. Плюралистическому обществу и его образу жизни для устойчивого развития необходим **центральный универсум**, включающий в себя базовые для данного общества, внутренне непротиворечивые установки, способы интеграции и мотивации, считающиеся само собой разумеющимися, а также частные универсумы (способы и стили жизни), сосуществующие, а то и борющиеся друг с другом.

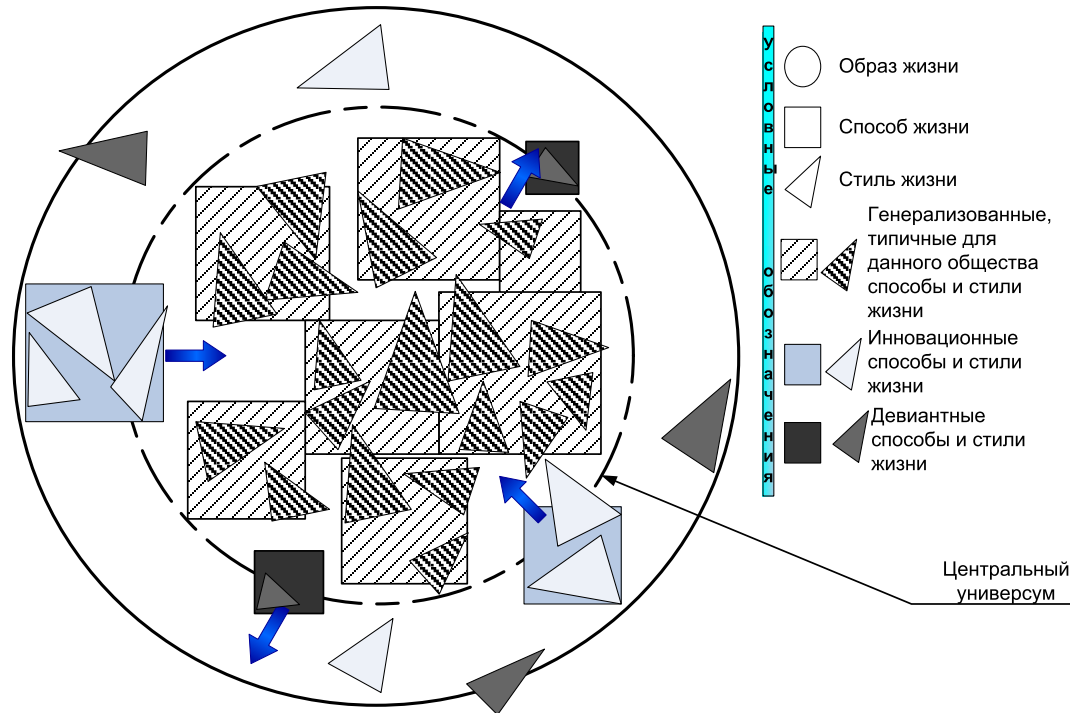

Рис. 1. Образ жизни стабильного общества

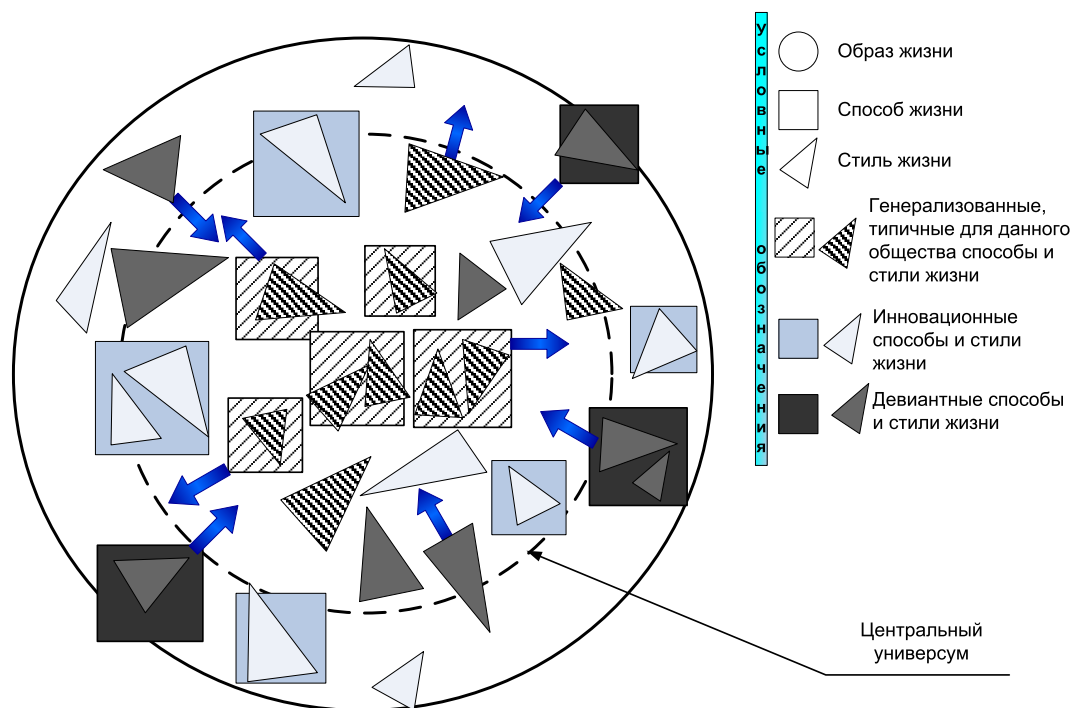

Рис. 2. Образ жизни нестабильного общества

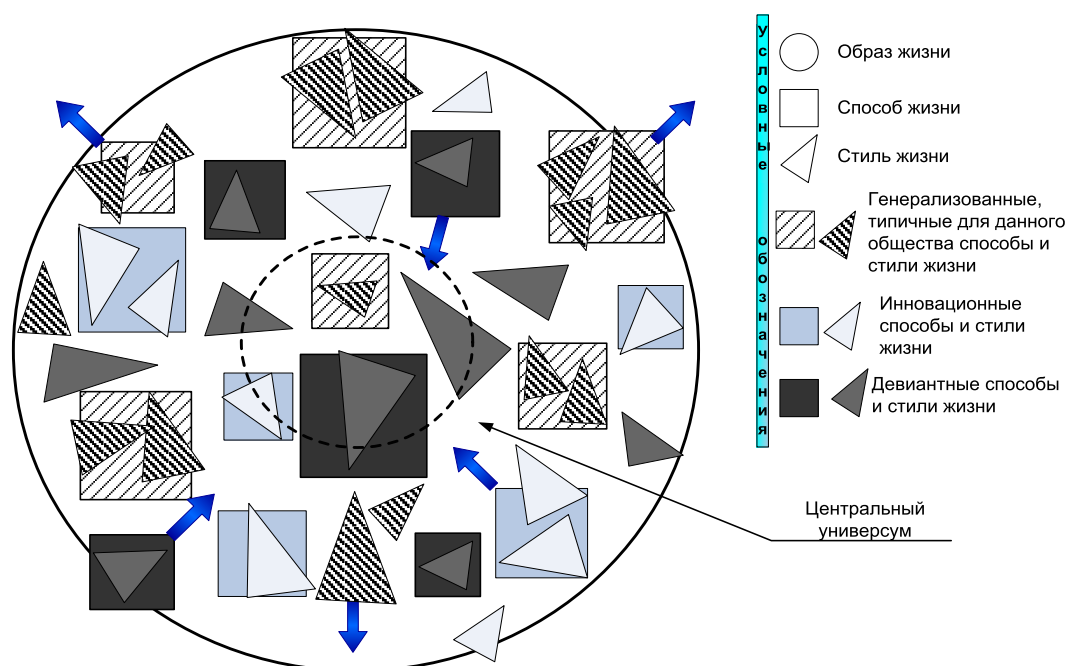

Рис. 3. Образ жизни кризисного общества

Как видно из представленного иллюстративного материала, в стабильном обществе девиантные формы социальной интеграции и мотивации вытесняются на периферию образа жизни. В то же время определённые социально приемлемые инновационные модели жизнедеятельности, не являющиеся альтернативными центральному универсуму, проникают в него, вызывая соответствующие социальные изменения, обеспечивая позитивную социальную динамику и преемственность в развитии общества и его образа жизни.

Нестабильное общество характеризуется активным проникновением в социальное пространство образа жизни девиантных, социально неодобряемых моделей жизнедеятельности. При этом генерализованные, типичные для данного общества способы и стили жизни продолжают доминировать в центральном универсуме, но постепенно сдают свои позиции.

В кризисном обществе пространство центрального универсума сужается, а то и вовсе исчезает. Происходит нарушение целостности образа жизни как единства в многообразии. Все смысложизненные установки, все способы социальной интеграции и мотивации, представленные различными моделями жизнедеятельности, приобретают как бы равный статус. Однако в результате столкновений и борьбы последних за приоритетность своего социального качества «побеждают» те из них, которые являются носителями и выразителями наиболее существенной для данного состояния общества социальной связи, в соответствии с которой формируются новые доминантные формы интеграции и способы отношения к миру. А, следовательно, идёт процесс становления качественно нового образа жизни.

Таким образом, отражая процесс становления объективных социальных феноменов на основе субъективного личного опыта, динамическая (субъектно-деятельностная)

Нестабильное общество характеризуется активным проникновением в социальное пространство образа жизни девиантных, социально неодобряемых моделей жизнедеятельности.

концепция образа жизни восстанавливает связь абстрактных научных понятий с жизненным миром, миром повседневного знания и деятельности.

Как следует из представленной концепции, социологическое изучение стилей и способов жизни, а также характеристик реально складывающегося образа жизни осуществляется с помощью анализа деятельности субъектов в определённых ситуациях: социетальной, социальной и жизненной.

Ситуация (в рассматриваемом нами контексте) – это особая констелляция условий, формирующая определённую типичность человеческих судеб со схожими проблемами, восприятием своего жизненного мира и отношением к нему, детерминирующая тот или иной характер активности субъекта.

При анализе ситуации следует учитывать:

- объективные условия – экономические, социальные, культурные, экологические;

- субъективные условия – различные состояния сознания людей, их восприятие окружающей действительности и отношение к ней, потребности, интересы, ценности, мотивы, цели, социальные установки и т. п., характеризующие жизненную позицию человека.

Различные ситуации складываются в результате взаимодействия объективных условий и деятельности определённых социальных субъектов.

Социетальная ситуация используется для анализа образа жизни на уровне общества в целом для прояснения его состояния, базовых доминантных черт и основных тенденций развития. Конструируется из экономической, политической, социальной, культурной, демографической, экологической ситуаций, в каждой из которых действуют свои субъекты жизнедеятельности.

Социальная ситуация используется для анализа способов жизни людей, принадлежащих к одной территориальной общности, типу поселения, а также формирующихся в различных сферах трудовой деятельности.

Жизненная ситуация используется для анализа стилей жизни на уровне взаимодействия личностей определённых социально-психологических типов с их непосредственными условиями жизнедеятельности.

В рамках анализа ситуации каждого типа (социетальной, социальной, жизненной) подбираются соответствующие массивы данных, характеризующие объективные и субъективные условия жизни людей. На этой основе идёт разработка конкретных показателей и методических приёмов эмпирического социологического исследования, направленных прежде всего на выявление механизмов взаимодействия людей с определёнными условиями и способов решения ими актуальных проблем.

Восходя от стилей к способам, а от них – к образу жизни, мы воспроизводим состояние этого феномена как бы в разрезе его базовых черт, присущих или не присущих его субъектам разного уровня и типа; отслеживаем новации в мотивациях, ценностных ориентациях и социальном поведении людей, выявляем важнейшие социальные проблемы, депривации, конфликты и т. п. Это даёт возможность выявить тенденции развития как отдельных моделей образа жизни, так и всей его конструкции в целом.

Таким образом ситуация, входя в язык описания объекта, выступая средством его анализа, а также отражая реальные обстоятельства жизнедеятельности субъекта, обладает как категориальным, так и онтологическим статусом.

Важными показателями анализа выступают личностные смыслы, придаваемые людьми определённым ситуациям; разносторонние оценки этих ситуаций и входящих в них объективных условий, включая удовлетворённость различными их сторонами и ситуацией в целом; отношение к субъектам ситуации, направленности и функциям их деятельности и т. п.

Именно в таком ключе анализировалась нами современная социально-политическая ситуация в России [Возьмитель 2015; 2016].

Что же касается динамики образа жизни в сравнении с доперестроечным периодом, то тут мы используем традиционные сквозные показатели, разработанные нами ранее (в методике первого всесоюзного исследования образа жизни), характеризующие уровень и качество жизни, микросреду, терминальные и инструментальные ценности, состояние социальной инфраструктуры и т. п.

Следует отметить, что названные выше традиционные единицы анализа хорошо вписываются в ситуационный анализ. Они использовались нами для описания отличительных характеристик способов и стилей жизни в постсоветском социальном пространстве [Возьмитель 2002: 97–113; Возьмитель 2012: 117–144].

Своеобразие изучения состояния и динамики общественных отношений через призму образа жизни состоит в том, что все социально-экономические, социально-политические, духовные и т. п. процессы анализируются через жизнедеятельность социальных субъектов, качественной характеристикой которой выступает *активность личности*, действующей в разных сферах и масштабах своей жизни. Эта активность проявляется в формах деятельности, поведения, общения и отношения с определённой интенсивностью, характером и направленностью (+/-), что даёт возможность содержательного сквозного целостного её анализа вне зависимости от сферы и масштаба приложения сил субъекта.

Заключение

Итак, в ходе реконструкции исследуемого явления был прослежен процесс становления объективных социальных феноменов на основе субъективного опыта, от личностных субъективных его значений до высокогенерализованных, интересубъективно обоснованных конструкций, содержащих эти значения в преобразованном «снятом» виде.

В созданной концепции чётко проведена идея целостности жизнедеятельности и её комплексного анализа, а разработанные категории выступают как диалектически взаимосвязанные, взаимопереходящие друг в друга. Соответственно процесс познания сущности образа жизни (от анализа стилей – к способам жизни, а от них – к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии) совпадает с общим процессом познания: от изучения единичного – к обнаружению особенного и раскрытию общего. Это научный анализ моделей образа жизни, осваивающих наличное социальное пространство и содержащих в себе его будущее состояние.

Таким образом, социология образа жизни является целостным концептуальным конструктом, проясняющим внутренние закономерности становления, формирования и распада образа жизни, позволяющим понять, как те или иные формы жизнедеятельности людей и способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции», становление модальной личности и общества современного типа.

Библиографический список

Абульханова-Славская К. А. 1991. Стратегия жизни. М.: Мысль. 299 с.

Бестужев-Лада И. В. 1980. Опыт типологии социальных показателей образа жизни // Социологические исследования. № 2. С. 3-9.

Бестужев-Лада И. В. 1983. Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности / Под ред. Л. П. Буевой. М.: Наука. С. 82-96.

Библия. М.: Библейские общества. 1995. 1346 с.

Вебер М. 1990. Избранные произведения. Пер. с нем. / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс. 808 с.

Возьмитель А. А. 2002. Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве) // Мир России. Социология. Этнология. № 1. С. 97-113.

Возьмитель А. А. 1991. Образ жизни: от старого подхода к новому // Социально-политические науки. № 1. С. 85–91.

Возьмитель А. 2012. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН. 230 с.

Социология образа жизни является целостным концептуальным конструктом, проясняющим внутренние закономерности становления, формирования и распада образа жизни, позволяющим понять, как те или иные формы жизнедеятельности людей и способы социального действия начинают определять «доминантную форму интеграции».

Возьмитель А. А. 2015. Рейтинги и их социологический анализ // Власть. № 8. С. 44–51.

Возьмитель А. А. 2016. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России // Власть. № 8. С. 5–13.

Возьмитель А. А. 1994. Социальные типы фермеров и тенденции развития фермерского движения // Социологические исследования. № 10. С. 43-50.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Госполитиздат. 629 с.

Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980. 394 с.

Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. А. Левады. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.

Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей / Под. ред. И. Т. Левыкина и А. А. Возьмителя. М.: ИСИ АН СССР, 1984. 164 с.

Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни. Вопросы методологии и методов исследования / Отв. ред. И. Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР. 1980. 197 с.

Социалистический образ жизни. М.: Политиздат. 1984. 318 с.

Тощенко Ж. Т. 1980. Социальное планирование в СССР. М.: Политиздат. 320 с.

Тощенко Ж. Т. 1983. Идеология и жизнь. М.: Советская Россия. 192 с.

Ципко А. С. 1979. Философский смысл проблемы образа жизни // Проблемы методологии исследования образа жизни в социалистических странах / Под ред. З. Суфина и А. Ципко. Варшава: Институт основных проблем марксизма-ленинизма ЦК ПОРП, Институт философии и социологии ПАН. С. 10-35.

Georg W. 1998. Soziale lage und lebensstil. Eine typologie. Opladen: «Leske+Budrich». 256 p.

Mitchell A. 1983. The nine American lifestyles. Who we are and where we're going. N.Y.: Macmillan. 302 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.479

The Conceptual Foundations for the Sociology of Lifestyle

Vozmitel Andrey Andreyevich

Doctor of Sociological Sciences, main researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: Vozmitel@isras.ru

Abstract. A “modernizational” breakthrough in the Soviet way of life, transformation of a single-style culture into a multi-style one, diversification of lifestyle, together with the emergence of the latter’s absolutely new forms and subjects have created the need for a conception which could explain the changes occurring, the need for an adequate scientific understanding of processes such as the decay and collapse or the emergence and fortification of a lifestyle, as well as of the very term itself together with the system of categories which are interconnected with it; for a conception which would serve as a key for understanding the social processes occurring in society on a macro and micro-scale, as well as for determining the dominants, alternatives and the emerging vector in terms of social development. In this regard the article presents a consistent re-conceptualization of the sociological approach towards studying lifestyle, a re-conceptualization which would reflect the dynamics of certain social processes taking place in the country; provided is a modern scientific (in contrast to an ideological or an ordinary) understanding of its essence, it being a process of reproducing certain social relations and creating appropriate types of personalities; established is a transition from a structural-functional lifestyle dynamic conception towards a subject-activity based one. Within the established conception the idea of integrity in living together with its comprehensive analysis is clearly drawn out, while the developed categories act as dialectically interconnected and transferring into one another. Thus the process of understanding the essence of lifestyle (from lifestyle analysis to ways of living, and from the latter to the emerging characterization of lifestyle as a unity within diversity) corresponds to the general process of learning, which starts with examining the individual and goes toward discovering the peculiar and unraveling the common. This is a scientific analysis of life models which develops the current social space and contains within its future state. Thereby sociology of lifestyle is an integral conceptual construct which allows understanding how certain manners of social action begin defining the “dominant form of integration”, as well as the emergence of modal personality and a modern type of society.

Keywords: Sociology, conception, living; image, manner and style of living; re-conceptualization.

References

Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni* [The Strategy of Life]. Moscow, Mysl', 1991. 299 p.

Bestuzhev-Lada I. V. *Opyt tipologii sotzial'nykh pokazateley obraza zhizni* [[An Experience in typology of social indicators of society way of life. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1980, no. 2, pp. 39.

Bestuzhev-Lada I. V. *Soderzhanie, struktura i tipologiya obrazov zhizni* [The content, structure and typology of lifestyles]. *Sotzial'naya struktura sotzialisticheskogo obschestva i vsestronnee razvitie lichnosti*. Ed. by L. P. Bueva. Moscow, Nauka, 1983, pp. 82–96.

Bibliya [The Holy Bible]. Moscow, Bibleyskie obshchestva, 1995. 1346 p.

Georg W. *Soziale lage und lebensstil. Eine typologie*. Opladen, Leske+Budrich, 1998. 256 S.

Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Oevres]. Second edition. Vol. . Moscow, Gospolitizdat, 1955. 629 p.

Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoy derevni [Methodology of systematic study of the Soviet village]. Ed. by T. I. Zaslavskaya, I. V. Ryvkina. Novosibirsk, Nauka, 1980. 394 p.

Mitchell A. *The nine American lifestyles. Who we are and where we're going*. New York, McMillan, 1983. 302 p.

Sostoyanie i osnovnye tendentsii razvitiya sovetskogo obraza zhizni. Voprosy metodologii i metodov issledovaniya [Status and main trends of the development of the Soviet lifestyles. Questions of methodology of research]. Ed. by I. T. Levykin. Moscow, ISI publ., 1980. 197 p.

Sotzialisticheskii obraz zhizni [The socialistic lifestyle]. Moscow, Politizdat, 1984. 318 p.

Sovetskiy obraz zhizni. Sostoyanie, mneniya i otsenki sovetskikh liudey [Soviet lifestyle. The state, opinions and assessments of Soviet people]. Ed. by I. T. Levykin, A. A. Vozmitel. Moscow, ISI publ., 1984. 164 p.

Sovetskiy prostoy chelovek. Opyt sotzial'nogo portreta na rubezhe 90-kh [Soviet simple man. The experience of social portrait at the turn of the 90's]. Ed. by Y. A. Levada. Moscow, Mirovoy okean, 1993. 300 p.

Toschenko Zh. T. Ideologiya i zhizn' [*Ideology and Life*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1983. 192 p.

Toschenko Zh. T. Sotzial'noe planirovanie v SSSR [*The Social Planning in the USSR*]. Moscow, Politizdat, 1980. 320 p.

Tzipko A.S. Filosofsky smysl problemy obraza zhizni [Philosophical meaning of the problem of lifestyle]. Problemy metodologii issledovaniya obraza zhizni v sotzialisticheskikh stranakh. Ed. by Z. Sufin, A. Tzipko. Warsaw, Institut osnovnykh problem marksizma-leninizma CK PORP, Institut filosofii i sotziologii PAN, 1979, pp. 10–35.

Veber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Ed. by Y. N. Davydov. Moscow, Progress, 1990. 808 p.

Vozmitel A. A. Diversifikatsiya obraza zhizni [Diversification of lifestyle]. Mir Rossii. Sotziologiya, etnologiya, 2002, no 1, pp. 97–113.

Vozmitel A. A. Obraz zhizni: ot starogo podkhoda k novomu [Lifestyle: from the old approach to the new one]. Sotzial'no-politicheskie nauki, 1991, no 1, pp. 85–91.

Vozmitel A. A. Obraz zhizni: tendentsii i kharakter izmeneniy v poreformennoy Rossii [Lifestyle: trends and patterns of change in post-reform Russia]. Moscow, IS RAS publ., 2012. 230 p.

Vozmitel A. A. Reytingi i ikh sotziologicheskyy analiz [Ratings and their sociological analysis]. Vlast, 2015, no 8, pp. 44–51.

Vozmitel A. A. Sotzial'noe neravenstvo i ego riski v sovetskoy i postsovetskoy Rossii [Social inequality and its risks in Soviet and post-Soviet Russia]. Vlast, 2016, no 8, pp. 5–13.

Vozmitel A. A. Sotzial'nye tipy fermerov i tendentsii razvitiya fermerskogo dvizheniya [Social types of farmers and trends in the development of farmers' movement]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 1994, no 10, pp. 43–50.

Т е м а н о м е р а : К м е т о д о л о г и и н а у ч н ы х и с с л е д о в а н и й

Т е о р е т и ч е с к и е п о д х о д ы к и з у ч е н и ю а д а п т а ц и и м и г р а н т о в в п р и н и м а ю щ е м о б щ е с т в е : з а р у б е ж н ы й о п ы т

Эндрюшко Анна Александровна –
младший научный сотрудник,
Центр исследования межнациональных
отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва

E-mail: anna.endryushko@mail.ru

Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.480

Аннотация. В статье¹ рассматриваются подходы к пониманию процессов адаптации и интеграции мигрантов и их динамика на материалах зарубежной литературы. Представлено развитие подходов от социологов Чикагской школы (Р. Парк, У. Томас, Ф. Знанецкий) до современного понимания процесса адаптации в рамках концепции транснационализма. Адаптация прошла путь от прямолинейного, однонаправленного процесса, при котором предполагалось изменение культуры мигрантов только в направлении «ассимиляции», концепции «плавильного котла» до понимания её в рамках транснационализма, «гибкой» аккультурации, при которой человек может иметь две и более культурных идентичностей и быть вовлечённым сразу в несколько социальных контекстов. Особое внимание уделено одной из доминирующих моделей в современных исследованиях – модели аккультурации Берри, предлагающей четыре возможности аккультурации – ассимиляция, интеграция, сепарация или сегрегация, маргинализация. Также рассматриваются трансформированная в 1990-е гг. концепция ассимиляции Р. Альбы и В. Ни, теория сегментной ассимиляции, изучающая детей современных мигрантов (А. Портес, М. Чжоу, Р. Румбо), теория кросс-культурной адаптации (Й. Ким) и концепция «гибкой» аккультурации (Я. Питерс). Последняя предлагает множественные схемы идентификации и интеграции. Специально рассматривается транснационализм как наиболее современный подход к пониманию адаптации мигрантов в новой среде, допускающий, что мигранты могут существовать в нескольких социальных контекстах, меняя страну пребывания, но не теряя полностью связи со страной выхода. Работа направлена на расширение информационной базы для изучающих адаптацию мигрантов, и адресована практикам, реализующим задачи «Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г.» в отношении мигрантов.

Ключевые слова: адаптация мигрантов, ассимиляция, аккультурация, теория сегментной ассимиляции, кросскультурная адаптация, мультикультурализм, интеграция, гибкая аккультурация, транснационализм

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 14-18-01963 П.

*Когда люди мигрируют,
важно, чтобы они чувствовали себя
частью своего нового общества.*
А. Падила и У. Перес

Миграции людей, став глобальным процессом, не только изменили состав населения во многих странах, но и добавили социальных и психологических проблем мигрантам, вынужденным адаптироваться к новой социокультурной среде, и принимающему сообществу. В гуманитарных науках адаптация не сводится только к биологическому привыканию индивида к новым условиям. Как отмечал П. Сорокин, человек по своей природе является существом интегральным, его жизнь складывается под влиянием целого комплекса разных факторов (биологических, психологических, социокультурных) [Сорокин 1992].

В современном российском обществе отношение к приёму мигрантов неоднозначно. До сих пор нет единой чёткой позиции относительно того, какие мигранты нужны стране и как к ним следует относиться – только с точки зрения экономических интересов или также и гуманистических принципов открытости общества, уважения к правам человека при соблюдении законности, справедливости.

В советский период российской наукой изучались главным образом проблемы приживаемости новосёлов (В. И. Переведенцев, Ж. А. Зайончковская, Л. Л. Рыбаковский, Т. И. Заславская). Исследования проблем адаптации внешних мигрантов были стимулированы ростом потоков мигрантов в 1990-х гг., после распада СССР. Исследования А. Г. Вишневого, Т. Е. Ворожейкиной, М. Б. Денисенко, Ж. А. Зайончковской, И. М. Кузнецова, Н. В. Мкртчяна, В. И. Мукомеля, Е. В. Тюрюкановой, Т. Н. Юдиной создали эмпирическую базу по изучению современного состояния миграционных процессов в России. В своих исследованиях они использовали работы западных учёных, но по отдельным сюжетам. Проблема состоит в том, что часто авторы естественно используют те подходы, которые соответствуют их представлениям, и читатели не имеют возможности узнать какие-то альтернативные концепты. В этом отношении историографические работы представляют учёным и практикам относительно полную картину методологии изучения, в нашем случае, адаптации мигрантов.

Регулирование миграционных процессов и адаптации мигрантов в России не раз передавалось от одного ведомства к другому. Летом 2017 г. эти функции переданы из МВД в ФАДН, и по поручению Президента РФ должны осуществляться региональными властями вплоть до муниципали-

Проблема состоит в том, что часто авторы естественно используют те подходы, которые соответствуют их представлениям, и читатели не имеют возможности узнать какие-то альтернативные концепты.

тетов. Однако сотрудники муниципальных органов не имеют достаточных знаний и квалификации. Существует нехватка профессиональных кадров и в сфере управления национальной политикой. Разработка специальных программ обучения только планируется¹. Но пока не существует стандартов, по которым будут учить специалистов. В этой связи данная статья может пополнить знания работников госучреждений в подходах к адаптации мигрантов, опираясь на мировой опыт.

Рассмотрим основные концепции адаптационных процессов мигрантов и их динамику в зарубежной литературе. Цель состоит в том, чтобы представить их разнообразие и в современных условиях, когда регулирование межнациональных отношений осуществляется муниципалитетами, дать как можно больше информации по данной теме людям, реализующим политику в данной сфере. Учитывая, что отечественный опыт по приёму внешних мигрантов в условиях рыночной экономики не такой большой, как в других странах, важно изучить их позитивные примеры и как можно скорее, адаптировав их к нашим условиям, иметь возможность применить эти знания на практике.

Начало изучения. Ассимиляция как доминирующий тренд

Ни в отечественных, ни в зарубежных социальных науках до сих пор не существует единой теории адаптации мигрантов. Й. Ким [Kim 1988] писал, что в литературе, посвящённой межкультурным исследованиям, встречается множество терминов для описания одного и того же явления: адаптация, аккультурация, ассимиляция, приспособление, интеграция. В докладе «Интеграция: карта участников» [Castles et al. 2002] говорится об отсутствии общего понимания процесса «интеграции» и способах его измерения. Нередко исследователи используют определения *адаптация*, *ассимиляция*, *инкорпорация* (или включение) как синонимы. Между тем для описания адаптационных процессов важно учитывать различия в концепциях ассимиляции, аккультурации и интеграции.

В зарубежной литературе исследования в области адаптационных процессов мигрантов сосредоточены на изучении культурных установок, их изменений в процессе адаптации к новой среде, особенностях аккультурации различных групп мигрантов, их встроенности в структуры принимающих

¹ «Регионы получают субсидии на межнациональные проекты по новым правилам». Интервью И. В. Барина, руководителя Федерального агентства по делам национальностей на пресс-конференции 25 июля 2017 г. // Национальный акцент. 25 июля 2017. URL: <http://nazaccent.ru/content/24847-regiony-poluchat-subsidii-na-mezhnacionalnye-proekty.html> [Дата посещения: 05.08.2017].

Ни в отечественных, ни в зарубежных социальных науках до сих пор не существует единой теории адаптации мигрантов.

В зарубежной литературе исследования адаптационных процессов мигрантов сосредоточены на изучении культурных установок, их изменений в процессе адаптации, особенностях аккультурации различных групп, их встроенности в структуры принимающих стран, и направлены на их включение в принимающее сообщество.

стран, и направлены на включение их в принимающее сообщество. Результатом таких процессов становится либо потеря мигрантами своей этнической принадлежности [Handlin 1951], либо в той или иной мере «приспособление» к нормам и представлениям большинства [Gans 1979; Alba 1990].

Одной из первых концепций в области адаптации мигрантов была американская концепция ассимиляции, идеи которой отражены в трудах социологов Чикагской школы. Её представители исследовали этнические группы в США, дискриминацию, межнациональные браки и т. д. Роберт Парк, изучив людей из разных культур при контакте друг с другом, предложил модель, известную как «цикл расовых отношений». Она состоит из трёх этапов: контакт, размещение и ассимиляция [Park 1950]. Контакт мигрантов с доминирующей культурой ведёт к их приспособлению, сводя к минимуму возможность конфликта. Длительное приспособление приводит к росту числа межнациональных браков и включению иммигрантских групп в принимающее сообщество.

Классикой социологии считается работа У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», написанная в 1918 г. На биографических материалах польских иммигрантов в США авторы исследовали причины и механизмы миграции, анализировали род занятий мигрантов, изменения в их установках через истории отдельных людей [Thomas, Znaniecki 1996]. Это было первое многоаспектное исследование адаптации и интеграции европейских иммигрантов. Авторы сделали вывод о том, что польские иммигранты включаются в американскую среду, но остаются американцами польского происхождения [Костенко 2014].

Американская концепция ассимиляции называлась политикой «плавильного котла» и предполагала, что иммигранты должны отказаться от своих традиционных связей, привычного образа жизни и принять «американский». Уже ранние исследования (1914–18 гг.) рассматривали процесс адаптации в целом (в трудовой и неформальной сфере жизни, а также в культуре) как нечто единое, что должно стать объединяющим началом для иммигрантов и принимающего сообщества. В российском обществе некоторые мигранты также стремились ассимилироваться с большинством и быть как все, например, евреи или армяне. Последние даже меняли окончания фамилий, чтобы они звучали как русские, что могло помочь в продвижении по службе.

В 1936 г. Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц [Redfield et al. 1936] признали важность приспособления для понимания того, как взаимодействуют разные группы, и утверждали, что ассимиляция не является неизбежной. К тому же, по мнению авторов, адаптация – результат социального взаимодействия между группами; это деятельность, воз-

Авторы сделали вывод о том, что польские иммигранты включаются в американскую среду, но остаются американцами польского происхождения.

Адаптация – результат социального взаимодействия между группами; это деятельность, возникающая, когда люди разных культур вступают в непосредственный контакт, приводящий к изменениям в оригинальных образцах культуры тех и других.

никающая, когда люди разных культур вступают в непосредственный контакт, приводящий к изменениям в оригинальных образцах культуры тех и других. То есть, приспосабливаются обе стороны – и мигранты, и члены принимающего сообщества.

В 1950 г. Исследовательский совет по социальным наукам (SSRC) расширил определение аккультурации, обратив внимание на то, что есть много аспектов, поддающихся изменению и оказывающих влияние на то, как индивид реагирует на новую культуру. Более того, одни аспекты наиболее устойчивы к изменениям (например, система ценностей), а другие могут находиться в процессе выбора. Человек сам может выбрать, какие элементы культуры сохранить, а какие, адаптируясь, изменить.

Р. Теске и Б. Нельсон [Teske, Nelson 1974] предложили социально-психологический взгляд на аккультурацию. По их мнению, она включает изменения не только в материальной культуре, нормах, моделях поведения и, главное, ценностях, но также и институциональные изменения. Авторы более полно раскрыли то, что было сделано до них, рассмотрев с точки зрения психологии принятие новых образов. Однако Теске и Нельсон на этом остановились, не продолжив изучать, как члены разных групп приспосабливаются друг к другу.

М. Гордон, основываясь на теории Р. Парка, в 1960-х гг. написал работу «Ассимиляция в американской жизни», где выделил 7 типов ассимиляции:

1. *Аккультурация* – вновь прибывшие принимают язык, одежду и повседневные обычаи новой культуры (включая нормы и ценности);

2. *Структурная ассимиляция* – крупномасштабный вход в узкие круги, клубы и учреждения принимающего сообщества;

3. *Брачная ассимиляция* – широкое распространение смешанных браков;

4. *Идентификационная ассимиляция* – меньшинство чувствует себя связанным с большинством;

5. *Ценностная ассимиляция* – отсутствие предрассудков;

6. *Поведенческая ассимиляция* – отсутствие дискриминации;

7. *Гражданская ассимиляция* – отсутствие конфликта между внутренними представлениями индивида и ценностями принимающей страны [Gordon 1964]. Конечным результатом этого прямолинейного процесса в определении Гордона должна быть потеря домашней культуры, принятие новых ценностей, языка и, наконец, полная ассимиляция с принимающим большинством.

Аккультурация включает изменения не только в материальной культуре, нормах, моделях поведения и, главное, ценностях, но также и институциональные изменения.

От «плавильного котла» к признанию разнообразия

Концепция ассимиляции в США постоянно подвергалась критике. Работа Н. Глейзера и Д. Мойнихана «Вне плавильного котла» показала, что этнические группы не ассимилировались в американском обществе в той мере, как ожидалось. По их мнению, этничность – это новая социальная форма, связанная с общим социальным контекстом. Этничность теперь становится более значимой, чем класс и род занятий [Glazer, Moynihan 1970].

Более поздние критики концепции ассимиляции говорили, что она не может в полной мере объяснить интеграцию мигрантов, так как сохраняются важные различия на макроуровне [Alba, Nee 1997]. Несмотря на все доказательства сохранения этнической культуры, некоторые учёные утверждали, что ассимиляция имеет место и может рассматриваться как концепция включения мигрантов, когда они становятся частью принимающего общества (например, [Alba, Nee 1997; 2003]).

Р. Альба и В. Ни предложили не отбрасывать политику ассимиляции как устаревшую модель, а переопределить её и сделать полезной для изучения иммигрантов. Они признали недостаточность теории М. Гордона и расширили её. Во-первых, они изменили аспект изучения, принятый М. Гордоном и предполагающий, что группа меньшинства будет ассимилироваться доминирующей группой, и утверждали, что ассимиляция возможна группами других меньшинств. Во-вторых, они предложили поменять представление о том, что мигранты ассимилируются со средним классом. В него попадают не все мигранты, чаще они оседают в беднейших слоях.

Определение М. Гордона, по мнению Р. Альбы и В. Ни, было слишком статичным и предполагало изменение только культуры мигрантов. Они же утверждают, что различие между мигрантами и принимающим населением со временем сокращается, индивиды обеих групп испытывают изменения. Наконец, ассимиляция по Гордону не учитывает профессиональную мобильность и включённость в экономическую сферу деятельности, которые являются ключевыми аспектами социально-экономической включённости в принимающее сообщество.

Новое понимание ассимиляции Р. Альбой и В. Ни предполагает сокращение культурных и этнических границ между мигрантами и принимающим сообществом. Но концепт авторов всё же подразумевал существование доминирующей культуры. Они утверждали, что, несмотря на расовые различия, иммигранты продолжают и будут продолжать ассимилироваться, как это делали прошлые поколения [Alba, Nee 2003].

Этничность – это новая социальная форма, связанная с общим социальным контекстом. Этничность теперь становится более значимой, чем класс и род занятий.

Учёные предложили поменять представление о том, что мигранты ассимилируются со средним классом. В него попадают не все мигранты, чаще они оседают в беднейших слоях.

Теория сегментной ассимиляции

Данная теория заложила основы для понимания процесса, с помощью которого новое второе поколение (дети современных мигрантов) включается в систему стратификации принимающего сообщества. А. Портес и М. Чжоу в ходе исследования наблюдали три возможных разнонаправленных вида адаптации, которые, скорее всего, встречаются среди современных иммигрантов и их потомков: один из них повторяет историческое описание растущей аккультурации и параллельной интеграции в «белый» средний класс; второй ведёт прямо в противоположную сторону – к постоянной бедности и включению в «андер-класс»; третий ассоциируется с быстрым экономическим прогрессом, преднамеренным сохранением ценностей иммигрантской общины и устойчивой солидарности [Portes, Zhou 1993: 82]. Это и есть «сегментная ассимиляция», которая учитывает ряд индивидуальных и контекстуальных факторов (образование, знание языка, возраст иммигрантов, расовый статус, социально-экономическое положение семьи) и пытается определить, в каком сегменте принимающего общества определённая группа иммигрантов может интегрироваться.

Исследование под руководством А. Портеса и Р. Румбо, посвящённое второму поколению мигрантов, длилось с 1990-х гг. и в 2006 г. завершилось работой, синтезирующей результаты всей продольной исследовательской программы [Portes, Rumbaut 1996; Porters et al. 2009]. Они сделали вывод, что вскоре один из четырёх молодых американцев будет иммигрантом или ребёнком иммигранта. Некоторые учёные (например, [Alba, Nee 2003]) выдвигают оптимистичные прогнозы, что дети иммигрантов полностью ассимилируются в английском и американском образах жизни, продвинувшись в учёбе и карьере, займут достойные места в обществе. Но авторы концепции сегментной ассимиляции утверждают, что оптимистичные прогнозы не учитывают, что у групп меньшинств нет возможности справляться со всеми жизненными проблемами. Несправившиеся формируют сегменты, не способствующие их мобильности. Жизненный путь этих людей соответствует концепции «нисходящей ассимиляции», которая акцентирует внимание на социальных ролях государства в процессе адаптации мигрантов. Поскольку экономика нуждается в малооплачиваемой низкоквалифицированной рабочей силе, бедные иммигранты будут востребованы, а проблемы, связанные с низким человеческим капиталом и негативными способами инкорпорации – сохраняться. Более 40% юношей в выборке исследования А. Портеса и Р. Румбо были обременены преждевременным деторождением, а 20% мексиканско-американских,

Три возможных разнонаправленных вида адаптации, встречающиеся среди современных иммигрантов: один повторяет историческое описание растущей аккультурации и параллельной интеграции в «белый» средний класс; второй ведёт к постоянной бедности и включению в «андер-класс»; третий ассоциируется с быстрым экономическим прогрессом, преднамеренным сохранением ценностей иммигрантской общины и устойчивой солидарности.

Поскольку экономика нуждается в малооплачиваемой низкоквалифицированной рабочей силе, бедные иммигранты будут востребованы, а проблемы, связанные с низким человеческим капиталом и негативными способами инкорпорации – сохраняться.

среднеамериканских и западноиндийских молодых мужчин были заключены в тюрьму за преступление. В долгосрочной перспективе исследователи считали эти результаты неприемлемыми, т. к. они ведут к большему социальному расслоению общества и расширению районов бедности, где проживают конкретные этнические группы. По мнению авторов, приоритетом государственной политики должно быть «выравнивание» образа жизни и сфер деятельности детей-иммигрантов, чтобы у них был шанс достичь «американской мечты». Менее «сегментная» ассимиляция является общественным благом не только для мигрантов и их детей, но и для всего общества.

В 2014 г. в Испании было проведено «Пролонгированное исследование второго поколения», в котором испанские социологи в сотрудничестве с американскими коллегами (А. Портес) применили опыт США. Они определяли степень интеграции детей мигрантов, родившихся в Испании, которых опросили в 13–15 лет и через четыре года – в 17–19 лет [Соколова 2017]. Рассматривались факторы, оказывающие влияние на процесс интеграции, чтобы проверить ценность выводов американских коллег (А. Портеса, Р. Румбо) на европейском материале. В опросе, помимо самих подростков, принимали участие их родители, 48,5% из которых были уверены в успехе своих детей, т. к. связывали его с их длительным проживанием в Испании и лучшим знанием испанского языка по сравнению с родителями. Больше половины самих подростков идентифицировали себя испанцами. Исследователи разработали «Индекс нисходящей ассимиляции», включающий показатели проблемной адаптации. К ним отнесли тех, кто бросил школу, ушёл из семьи, не имел работы или образования, имел заключённых или арестованных детей. Оказалось, что среди опрошенных (средний возраст 18 лет) 78,4% не имели ни одного из этих показателей. Таким образом, учёные сделали вывод о том, что между детьми иммигрантов и испанскими подростками нет существенных различий, они принадлежат к единому социокультурному пространству. Это является показателем благоприятной адаптации. Пример Испании с позиции сегментной ассимиляции оказался позитивным.

Более глубокое понимание ассимиляции с учётом вышеизложенной концепции показало значение связи адаптации с общим социальным контекстом и наличие того факта, что мигранты сохраняют связь со своей культурой.

Л. Элдеринг [Eldering 2005], развивая идеи Н. Глазера и Д. Мойнихана, обратил внимание на то, что все модели включения мигрантов в принимающее сообщество явно или неявно проводят различия между культурными и структурными компонентами. Первые включают в себя изменения культурных шаблонов (поведение, роли, отношения, материальные объекты

Все модели включения мигрантов в принимающее сообщество явно или неявно проводят различия между культурными и структурными компонентами.

и т. д.), а вторые связаны с входом в институты принимающего общества. Структуры и институты принимающей страны ориентируют общество на отношение к мигрантам.

В США разрабатывались разные способы аккультурации конкретных этнических групп. С. Сью и Д. Сью [Sue, Sue 1973] предложили модель аккультурации, которая позднее будет признана аналогичной модели Дж. Берри (о которой речь пойдёт дальше). Она касалась только азиатов, проживающих в США. Исследователи изучали, как адаптируются мигранты (китайцы-американцы), когда они принимают какие-то нормы американского общества, но сохраняют традиционные ценности. Авторы выделили три типа личности среди иммигрантских групп: традиционалисты, маргиналы, азиато-американцы. Типы формируются в процессе принятия решения либо подчиниться, либо восстать против «родительских» ценностей. Традиционалистская личность имеет абсолютную преданность своей семье. Маргиналы – это те, у которых нет абсолютного послушания традиционным ценностям. Они аккультурируются в доминирующем сообществе, но с неустойчивыми ценностями и нормами. Азиатско-американский тип личности, по мнению авторов, вероятно, создаст новую идентичность, которая объединит их опыт с нынешними условиями и включит их в принимающее общество при сохранении каких-то элементов традиционной культуры. Авторы показали особенность разных культур в процессе адаптации.

Разработка типологии включения мигрантов в принимающее общество

Дж. Берри (Berry J. W.) в 1977 г. предложил двумерную модель аккультурации, согласно которой мигрант реально сохраняет связь с родной культурой, но одновременно осваивает элементы культуры принимающего сообщества. Аккультурация в этой двумерной модели – процесс, приводящий к изменениям как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальных структур и институтов, с которыми мигранты находятся в контакте, взаимодействуют.

Дж. Берри выделил три фазы процесса аккультурации: контакт, конфликт и адаптация. Сначала, чтобы аккультурация имела место, должен быть контакт между двумя культурными группами. Затем, если есть сопротивление внутри индивида или группы, возникает конфликт, и третий этап – адаптация, с помощью которой люди уменьшают или стабилизируют конфликт [Berry 1980].

Его концепция представляет адаптацию как процесс, в котором мигрант поддерживает свою культуру и адаптируется к новой культурной среде, используя одну из сле-

Три типа личности среди иммигрантских групп: традиционалисты, маргиналы, азиато-американцы. Типы формируются в процессе принятия решения либо подчиниться, либо восстать против «родительских» ценностей.

Три фазы процесса аккультурации: контакт, конфликт и адаптация. Чтобы аккультурация имела место, необходим контакт между двумя культурными группами. Затем, если есть сопротивление внутри индивида или группы, возникает конфликт, и третий этап – адаптация, которая уменьшает или стабилизирует конфликт.

дующих четырёх стратегий: 1 – ассимиляция (assimilation); 2 – интеграция (integration); 3 – сепарация (separation) или сегрегация; 4 – маргинализация (marginalization) [Berry 1980].

Ассимиляция происходит, когда люди дистанцируются от своей культуры, традиций, ценностей и переходят в культуру более крупного общества. Это может происходить через включение меньшинства в доминирующую группу, либо в новое общество в целом (оно может быть поликультурным).

Интеграция – включение мигрантов в принимающее сообщество при сохранении некоторых элементов своей культуры. Таким образом, в принимающем сообществе взаимодействуют несколько этнических групп, контактирующих внутри крупного социального контекста на основе единых законов. Интеграция не означает обязательной потери «родной» культуры.

Сепарация или *сегрегация*. *Сегрегация* происходит, когда мигрантские группы замыкаются из-за того, что доминирующая культура их выталкивает, навязывая им образцы поведения с целью держать «других» на «своём месте». *Сепарация* – это выбор самой группы, она может быть и желанной для людей какой-то группы меньшинства, тогда они сохраняют в повседневной жизни свои традиции вне доминирующего общества и существуют относительно обособленно (сепаратистские движения).

Маргинализация означает потерю идентичности, замешательство и стресс на личностном уровне, ощущение отчуждённости. Группа теряет контакт и со своей культурой, и с культурой большинства. Возможны выступления против общества.

Берри выделил два вида изменений в мигрантских группах при переходе мигрантов из одной культуры в другую: *поведенческие сдвиги* и *культурный стресс*.

Поведенческие сдвиги заключаются в изменении ранее усвоенных моделей поведения и принятии моделей нового общества. Это довольно длительный процесс, включающий в себя изучение норм поведения новой культуры и отказ от старых норм.

Культурный стресс (Берри называет его «аккультурационным» стрессом) происходит после ряда стрессовых ситуаций, переживаемых мигрантом в новом сообществе. Мигранты часто ощущают потерю ресурсов, изменение образа жизни, систем идей и норм, адаптируясь к новой социальной среде. Аккультурационный стресс, согласно И. Аль-Иссе, «влияет как на физическое, так и на психическое здоровье и может быть связан с плохой адаптацией» [Al-Issa 1997: 14]. Он влияет и на социальные аспекты адаптации. Поэтому уровень адаптации должен регулироваться обществом и помогать включению мигранта в новую среду [Berry, Kim et al.

Два вида изменений в мигрантских группах при переходе мигрантов из одной культуры в другую: поведенческие сдвиги и культурный стресс.

1987]. Дж. Берри обращает внимание на влияние возможного снижения социально-экономического статуса при вхождении мигранта в новую среду, языковые проблемы, отсутствие социальной поддержки, вероятной культурной несовместимостью принимающего сообщества (в семейных взаимоотношениях, неформальных связях). Всё это может спровоцировать снижение чувства собственного достоинства, общую удовлетворённость жизнью [Berry 1997].

Сильное влияние на адаптационный процесс мигрантов оказывает также общий социальный контекст, отношения между группами иммигрантов и принимающим сообществом. Берри отмечал, что эти отношения могут рассматриваться со стороны тех и других по-разному [Berry 1989]. Это расширило теорию адаптации и ориентировало на необходимость учёта не только стратегии самих прибывших иммигрантов, но и ожиданий членов принимающего общества [Berry 2001]. Их ожидания тоже связаны с готовностью к межгрупповому контакту и степенью освоения культуры принимающего сообщества мигрантами.

Значимость теории аккультурации для понимания процесса адаптации отмечалась многими учёными. Так, М. Имамура и Я. Чжан в своём исследовании адаптации китайских иностранных студентов в американском обществе показали, что американцы больше склонны общаться с китайцами, если понимают, что они интегрируются или готовы к ассимиляции [Imamura, Zhang 2014].

Ряд учёных предложили поправки к модели Дж. Берри. Например, Т. Кульман считает, что модель Дж. Берри является неполной, поскольку не включает анализ экономических переменных, которые «выступают решающим аспектом в проблемах мигрантов из стран третьего мира» [Kuhlman 1991: 13]. Они не могут интегрироваться или ассимилироваться в новом сообществе, потому что не готовы в полной мере участвовать в экономике принимающей страны в связи с ограниченностью имеющихся у них навыков и возможностей для обеспечения уровня жизни, отвечающего минимальным ожиданиям, установленным в данном обществе.

М. Дас Гупта обратила внимание на ущербность рассмотрения процесса культурной интеграции мигрантов в США изолированно от текущих отношений и исторических связей между принимающим государством и направляющими странами. По её мнению, культура была представлена как нечто статичное, вневременное и внеисторическое, а Запад рассматривался как точка отсчёта и маргинализирующий фактор. [Das Gupta 1997]. Адаптация представлена в виде упрощённого процесса – без сложностей, динамики их преодоления и наличия амбивалентностей, которыми обычно наполнен миграционный опыт людей.

Критики Дж. Берри [Schwartz et al. 2010] подвергли сомнению применение четырёх стратегий аккультурации для изучения всех мигрантов, вне зависимости от этнической принадлежности или того, являются они добровольными или вынужденными мигрантами.

Л. Хант, С. Шнайдер и Б. Комер [Hunt, Schneider, Comer 2004] утверждают, что отсутствует теоретическое разъяснение того, что представляет собой культура, какие её черты имеют отношение к меньшинству, а какие к «основной» культуре, что влечёт за собой адаптация. Также они считают, что большая часть исследований по аккультурации осуществлялась на очень небольшой группе этнических меньшинств, которые видели в аккультурации прогресс для меньшинства, отход от традиционных представлений и принятие «западных» образцов жизни.

С. Бхатия и А. Рам [Bhatia, Ram 2009] полагают, что Дж. Берри и его коллеги описывают стратегию интеграции как конечную цель аккультурации мигрантов, не объясняя процесс, с помощью которого такая конечная цель будет достигнута. Стратегия интеграции, по их мнению, должна пояснять, как конфликты, политика власти и асимметрия возможностей влияют на процесс адаптации мигрантов. Этот процесс не всегда представляет собой целенаправленную траекторию с видимой конечной точкой, он непрерывно обсуждается и изменяется.

Д. Финни [Phinney 1990] описал аккультурацию как процесс, в котором должны учитываться как связь с традиционной или этнической культурой, так и с новой или доминирующей культурой, и эти две связи могут быть независимыми. Он назвал это *бикультурализмом*, при котором человек заинтересован в сохранении своей первоначальной культуры и во взаимодействии с новой культурой. Бикультурализм позволяет человеку выбирать, какие аспекты из новых норм ему подходят, а какие он предпочитает не принимать.

А. Падилья и С. Киф [Padilla 1987; Keefe, Padilla 1987] предложили многомерную модель аккультурации, в которой акцент сделан на степени знаний и способностей мигранта говорить на языке принимающего сообщества. Более аккультурированными считаются те, кто знают «новую» культуру лучше, чем свою родную.

Важно понимать, что иммигрантам приходится находить баланс между принятием доминирующей культуры и сохранением своей. Как показывает пример Испании, родители и дети могут аккультурироваться по-разному. Дети быстрее осваивают и адаптируются к культуре принимающей страны. Например, в Испании дети китайских мигрантов находятся в постоянном контакте со сверстниками и учителями в школе, изучают испанский язык.

Бикультурализм позволяет человеку выбирать, какие аспекты из новых норм ему подходят, а какие он предпочитает не принимать.

В то же время их родители трудятся в коллективах со своими соотечественниками и далеки от испанской культуры. Иммигранты в Испании, согласно исследованиям социологов, считают важным сохранять родную культуру, ценности и обычаи, но и поддерживать дружеские отношения с испанцами [Соколова 2017].

Теория кросскультурной адаптации

Долгосрочный эффект межкультурного взаимодействия рассматривается в работах Й. Кима [Kim 1988, 2001, 2005]. В 1980 г. он провёл обширное исследование адаптации корейских мигрантов и предложил основанную на концепции коммуникации теорию кросскультурной адаптации. Адаптация возможна путём обмена информацией. Он исходит из того, что: 1) люди – открытые системы; 2) каждый человек является динамичной и саморефлексивной системой, которая адаптируется к изменению окружающей среды; и 3) адаптация – это сложный и динамичный процесс, который приводит к качественной трансформации личности.

Адаптация может происходить на индивидуальном уровне через мысли, эмоциональные и поведенческие процессы, а также на уровне группы через языковое общение, историю, традиции и обычаи. Она требует как аккультурации, или приобретения элементов новой культуры, так и деаккультурации или «отучивания», «потери чего-то старого» [Kim 2008].

Процесс адаптации рассматривается Й. Кимом в развитии «*стресс-адаптация-рост*». Стресс возникает, когда возможности индивида не соответствуют требованиям новой среды. В период стресса мигранты склонны «смотреть назад», в сторону своей родной культуры, чтобы избежать проблем, связанных со стрессом. На данном этапе они находятся между стрессом и адаптацией, ищут способы отвечать на вызовы новой среды, чтобы в итоге соответствовать её требованиям. Стресс – это не только страдание, но и стимул для личной трансформации. Поэтому Ким утверждает, что «без стресса... адаптация не происходит» [Kim 2008: 73]. То, что Ким описывал как стресс, похоже на определение общего культурного шока К. Оберга: «беспокойство, которое происходит из-за потери всех ваших знакомых знаков и символов социального общения» [Oberg 1960: 178]. Данный подход показывает адаптацию как динамичный процесс, который демонстрирует единство стресса и изменений культуры личности.

Описывая структуру кросскультурной адаптации, Й. Ким выделял три взаимосвязанных аспекта коммуникативной деятельности личности:

1. Host communication – коммуникативная деятельность личности в принимающей среде, в том числе языковая компетентность, знания о нормах культуры принимающей страны.

2. Host social communication – межличностное общение с членами принимающего сообщества и СМИ. Первое описывает личную связь с членами нового общества, а второе иллюстрирует опыт общения с большей социальной средой через посреднические каналы – радио, телевидение, газеты и т. п.

3. Ethnic communication – общение с соотечественниками и опыт их родной культуры. Это и межличностное общение, и коммуникация через средства массовой информации, связанные с родной культурой.

Й. Ким рассматривает адаптацию преимущественно на уровне личности мигранта, а не группы. Он пишет, что «нет двух людей, которые приспосабливаются тождественно». Личное и социальное общение являются основными видами адаптивных процессов. Например, в России, подобно Испании, дети мигрантов находятся в большей связи с русскими подростками и молодёжью во время обучения в школе/университете. У них появляются друзья среди представителей принимающего сообщества. В то время как родители зачастую предпочитают поддерживать и рабочие, и дружеские отношения с представителями своих национальностей.

На адаптацию оказывают влияние разные факторы; одни из них выталкивают мигрантов из принимающего сообщества, но, в конечном счёте, изменяют их через новый опыт. В идеале, результат кросскультурной адаптации – это сочетание старого и нового, которое помогает людям вписаться в принимающее сообщество, сохраняя при этом элементы их собственной культуры [Kim 2001].

Работая в концепции Й. Кима, К. Уорд и коллеги выделили три основных аспекта адаптации: психологический, социально-культурный и экономический [Ward, Bochner, Furnham 2001]. Психологическая адаптация относится к эмоциональному благополучию во время культурного перехода, она связана с восприятием одиночества и возможной дискриминацией. В свою очередь одиночество и дискриминация связаны со снижением удовлетворенности жизнью. Социально-культурная адаптация связана с умением «вписываться» и эффективно взаимодействовать в новой культурной среде. Она включает образование, доход, свободное владение языком и контакты с местным сообществом. Наконец, экономическая адаптация – это наиболее долгий процесс, так как мигранты сталкиваются с большими препятствиями для экономического успеха, чем местные (трудность признания квалификации и профессионального опыта).

Исследования Й. Кима, К. Уорда и коллег используются до сих пор. Подход Й. Кима важен тем, что он ориентирует на изучение процесса межкультурной адаптации, который позволяет учитывать особенности конкретных групп людей (например, женщин, молодых мигрантов и т. д.). Исследования К. Уорда и коллег подчеркнули важность социальных навыков для выживания в новых условиях.

Гибкая аккультурация

Ещё одной важной концепцией прошлого столетия был мультикультурализм, который, применительно к адаптационным процессам мигрантов, допускал этнический и культурный плюрализм. Его использовали как термин по отношению к государственной политике, в которой признаются «другие» культуры, но критиковали за возможность капсулирования культур меньшинств.

Как отмечает Я. Питерс (Jan Pieterse), современный мультикультурализм сильно отличается от прошлого. Раньше люди выбирали между двумя средами, которые обычно кардинально отличались друг от друга. Теперь, благодаря общению и путешествиям, они перемещаются между двумя или несколькими поликультурными средами [Pieterse 2007]. В связи с этим, важным понятием в изучении межнациональных отношений становится «гибкость». Я. Питерс предложил концепцию «гибкой аккультурации» (flexible acculturation). Он говорит о том, что многоэтничность более привычное и нормальное явление, чем национальные государства. А аккультурация схожа с эпохой субкультур, которые предлагали переменную аккультурацию. Новым в подходе Питерса является акцент на объёме и степени идентификации. В США многие чернокожие живут в плохих условиях, получают не соответствующее нормам образование, но они принимают участие в других сферах – религиозных, музыкальных (блюз и хип-хоп), в спортивном мире – там, где крутятся их «звёзды». Такие схемы обеспечивают чувство принадлежности и дома. Гибкая аккультурация – одна из форм, обеспечивающих выбор культурной принадлежности в условиях глобальной культуры [Pieterse 2007].

Важна также роль социальных игроков, которые имеют отношение к взаимодействию между группами (мигрантов и принимающего сообщества). Понятие социального игрока должно включать в себя многие гибкие аспекты, присутствующие мигрантам. Например, большинство экономических и политических институтов общества работают с гражданами, а у мигрантов чаще всего гражданство отсутствует, но при этом они нуждаются в аккультурационных стратегиях для решения проблем в процессе адаптации. Поэтому гиб-

Важной концепцией прошлого столетия был мультикультурализм, который, применительно к адаптационным процессам мигрантов, допускал этнический и культурный плюрализм.

Гибкая аккультурация – одна из форм, обеспечивающих выбор культурной принадлежности в условиях глобальной культуры.

кая аккультурация связана не только с политическими или экономическими элитами, у которых больше социального капитала, но также применима и к маргинальным социальным группам [Pieterse 2007]. Государство или нация (политическая нация), представляющие различные социальные группы и институты (гражданские общества, капиталистов, правительства и т. д.), играют важную роль в формулировании культурных стратегий.

Глобальная мультикультура, а соответственно и гибкость аккультурационных стратегий, обеспечивает множественные схемы идентификации и интеграции, которые хотя бы символически могут компенсировать социальное отчуждение. Альтернативные схемы становятся привлекательными, когда происходит отчуждение из основного круга общения. Это называется интерактивной аккультурацией. Таким образом, чем шире разрыв между многокультурной риторикой и реальной социально-экономической интеграцией, тем выше привлекательность и альтернативных символических пространств идентификаций. В этом и состоит основная геометрия гибкой аккультурации [Pieterse 2007]. Например, во Франции мигранты обращаются к исламу не только в силу верности ценностям и религии своих родителей, но также и потому, что это даёт им смысл существования в том обществе, которое постоянно стремится их исключить.

Гибкая аккультурация использует и гибкие методы (переключение и смешивание культурной терминологии, чередование принадлежности), следуя общей цели – быть дома во всём мире. Она является разнонаправленной и осуществляется как самими мигрантами, так и властями и другими субъектами, которые чередуют дискурсы и политику, применяемые к мигрантам и гражданам иммигрантского происхождения.

Переход к транснационализму

В современных условиях, когда повсеместно развиваются технологии, становятся доступными авиабилеты и развивается интернет, переезд на новое место жительства перестаёт восприниматься как полный разрыв связей с родиной. Исследователи устанавливают транснациональный характер значительной части современных миграций [Foner 2000]. Транснационализм как концепция зародилась в Европе в 1990-е гг. Она заключается в представлении, что этничности в привычном смысле (как устойчивости) больше нет, структура межнациональных связей изменилась, и теперь следует говорить о транснациональных сетях [Костенко 2014]. Н. Глазер и Д. Мойнихан, например, не использовали термин «транснациональный»,

Альтернативные схемы становятся привлекательными, когда происходит отчуждение из основного круга общения. Это называется интерактивной аккультурацией.

В современных условиях, когда повсеместно развиваются технологии, становятся доступными авиабилеты и развивается интернет, переезд на новое место жительства перестаёт восприниматься как полный разрыв связей с родиной.

но во многих случаях они, опережая своё время, рассматривали влияние транснациональных и глобальных процессов на этническую идентичность [Foner 2000].

Транснационализм сегодня затрагивает так много групп мигрантов, что его нельзя игнорировать. Современные мигранты могут быть одновременно включены в институты принимающей страны, но и сохранять плотные связи с родиной. Они без особых преград летают домой, чтобы навещать родственников и друзей, обмениваются с ними видеозаписями и фотографиями важных жизненных событий через интернет, и даже имеют бизнес вне границ государств пребывания [Foner 2000]. То есть, являясь полноценными членами нового общества, они остаются так же и членами отправляющего общества.

Вопросы, которые возникают в рамках транснационализма, могут касаться того, в какой мере индивид вовлечён в принимающее и отправляющее сообщества. В современном понимании принимающее сообщество ответственно за мигрантов, их формальные права и возможность участия во всех основных сферах жизни, но и сами мигранты должны участвовать в процессе интеграции без потери своей идентичности [Мукомель 2016]. Для этих целей в Европе используется «Индекс миграционной политики» (MIREX), скреплённый министрами стран Европейского союза в Сарагосской декларации. Он учитывает 167 индикаторов интеграции мигрантов и позволяет сравнивать интеграционную политику разных стран. Индикаторы делятся на 8 направлений, среди которых доступ к рынку труда, образование, участие в жизни страны, долгосрочность пребывания, воссоединение с семьёй, гражданство, доступность здравоохранения и защита от дискриминации [Мукомель 2016].

Таким образом, современный мигрант рассматривается как человек, имеющий две и более идентичности и включённый сразу в несколько социальных контекстов.

Выводы

Теории и подходы к исследованию адаптационных процессов мигрантов имеют давнюю историю изучения в зарубежной литературе. От социологов Чикагской школы, предложивших модель ассимиляции, «плавильного котла» до современных теорий, изучающих механизмы адаптации в условиях межкультурных переходов. Исследователи шли от понимания адаптации как прямолинейного, однонаправленного процесса, при котором изменяется только культура мигрантов, к пониманию, что в чём-то изменяется и культура принимающего общества, существует связь между адаптацией и окружающей средой. Изучение окружающей среды и общего социального контек-

Транснационализм сегодня затрагивает так много групп мигрантов, что его нельзя игнорировать.

Современный мигрант рассматривается как человек, имеющий две и более идентичности и включённый сразу в несколько социальных контекстов.

ста становятся важным предметом исследований (например, Н. Глазер, Д. Мойнахан). Развивая их идеи, Л. Элдеринг добавляет к общему социальному контексту идеи структур и институтов общества как важных субъектов, ориентирующих общество на адаптацию мигрантов. Концепции сегментной ассимиляции акцентируют роль сегментов общества, в которых адаптируются мигранты. Зачастую мигранты попадают в такие сектора общества, которые не способствуют их жизненному успеху. Концепция кросскультурной адаптации Й. Кима подчёркивает важность коммуникации в процессе адаптации мигрантов. В современных теориях (Й. Ким, К. Уорд и коллеги) выделяются три аспекта адаптации: психологический, социально-культурный и экономический. Современное состояние иммиграции рассматривается в рамках транснационализма, когда человек свободно перемещается между принимающим и отправляющим сообществом и может иметь несколько идентичностей.

В российском обществе второго десятилетия XXI в. этап привыкания к мигрантам разных культур ещё не завершён. В обществе важно укреплять понимание того, что в условиях глобализации и рыночной экономики увеличение поликультурности в государствах неизбежно, и необходимо не только вырабатывать механизмы адаптации мигрантов, но и формировать гуманистическое отношение к людям других культур. В свою очередь, те мигранты, которые приезжают в Россию и останутся здесь жить, должны понимать, что в процессе адаптации им придётся пройти определённые этапы, занимающие достаточно длительное время, особенно в условиях, когда общество ещё не сформировало относительно них однозначной позиции ввиду отсутствия опыта.

В заключение хочется добавить, что современная массовая миграция США, начавшаяся в 1960-х гг., имеет второе поколение, выходящее на рынок труда; оно находится под пристальным вниманием исследователей (например, Portes, Rumbaut) не только Америки, но и Европы (пример Испании). Поскольку в России наплыв мигрантов начался в 1990-х гг., массовое второе поколение у нас появится позже, что позволит также использовать опыт зарубежных коллег в вопросах изучения их адаптации и этнической идентичности.

Библиографический список

Зайончковская Ж. А. 1972. Новосёлы в городах: Методы изучения приживаемости. М.: Статистика. 163 с.

Вишневский А. Г. 2012. Должна ли миграционная статистика учитывать этническую принадлежность мигрантов? // Демоскоп Weekly. № 531–532. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit02.php> [Дата посещения: 10.08.2017].

Мукомель В. И. 2016. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. № 5. С. 69–79.

Кузнецов И. М. 2006. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): автореф. дисс. к. соц. н. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1840> [Дата посещения: 17.08.2017].

Костенко В. В. 2014. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVII. № 3. С. 62–76.

Переведенцев В. И. 1966. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирское отд. 191 с.

Рыбаковский Л. Л. 1987. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука. 199 с.

Рыбаковский Л. Л. 2009. Миграционный потенциал: понятие и критерии оценки // Социологические исследования. № 2. С. 29–36.

Рязанцев С. В. 2014. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. № 9. С. 25–29.

Соколова В. М. 2017. Проблемы адаптации мигрантов в Испании в исследованиях зарубежных социологов // Социологическая наука и социальная практика. Т. 5. № 2 (18). С. 118–135.

Сорокин Питирим. 1992. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. № 10. С. 134–139.

Alba R. 1990. Ethnic identity: The transformation of white America. New Haven, UK: Yale University Press. 374 p.

Alba R., Nee V. 1997. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration // International Migration Review. Vol. 31 (4). P. 826–874.

Alba R., Nee V. 2003. Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration. Cambridge. Mass.: Harvard University Press. 359 p.

Al-Issa I. 1997. Ethnicity, immigration, and psychopathology. New York: Plenum Press. P. 13–16.

Berry J. 2001. A psychology of immigration // Journal of Social Issues. № 57. P. 615–631.

Berry J. W. 1980. Acculturation as varieties of adaptation // A. Padilla (Ed.). Acculturation: Theory, models and some new findings. Boulder: Westview Press. P. 9–25).

Berry J. 1997. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. № 46 (1). P. 5–34.

Berry J. 1989. Imposed etics, emics, derived etics: The operationalization of a compelling idea // International Journal of Psychology. № 24. P. 721–735.

Berry J., Sam D. 1997. Acculturation and Adaptation // Handbook of Cross-Cultural Psychology. MA: Allyn and Bacon. Vol. 3. P. 291–326.

Bhatia S., Ram A. 2009. Theorizing identity in transnational and diaspora cultures: A critical approach to acculturation // International Journal of Intercultural Relations. № 33 (2). P. 140–149.

Castles S., Korac M., Vasta E., Vertovec S. 2002. Integration: Mapping the field. University of Oxford, Centre for Migration and Policy Research and Refugee Studies. Home office Online report. № 29 (3). P. 115–118.

Das Gupta M. 1997. What is Indian about you? A gendered, transnational approach to ethnicity // Gender and Society. № 11 (5). P. 572–593.

Eldering L. 2005. The Bhojpuri diaspora: A rich field for comparative acculturation research // Psychology and Developing Societies. № 17 (2). P. 237–247.

Foner N. 2000. Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture // The International Migration Review. Vol. 34. № 1. P. 255–262.

Gans H. J. 1979. Symbolic ethnicity: The future of ethnic groups and cultures in America // Ethnic and Racial Studies. № 2 (1). P. 1–20.

Glazer N., Moynihan D. 1970. Beyond the Melting Pot, 2nd Edition. Cambridge: The MIT Press, 1970. 363 p.

Gordon M. 1964. The Nature of Assimilation // Assimilation in American Life. New York: Oxford University Press. Ch. 3. P. 60–83.

Handlin O. 1951. The uprooted. Boston, MA: Little, Brown. 333 p.

Hunt L., Schneider S., Comer B. 2004. Should «acculturation» be a variable in health research? A critical review of research on US Hispanics // Social Science Medicine. № 59 (5). P. 973–986.

Imamura M., Zhang Y. 2014. Functions of the common ingroup identity model and acculturation strategies in intercultural communication: American host nationals' communication with Chinese international students // International Journal of Intercultural Relations. № 43. P. 227–238.

Keefe S., Padilla A. 1987. Chicano ethnicity. Albuquerque: University of New Mexico Press. 238 p.

Kim Y. Y. 2005. Adapting to a new culture: An integrative communication theory // W. Gudykunst (Ed.). Theorizing about intercultural communication. Thousand Oaks: Sage. P. 375–400.

Kim Y. Y. 2001. Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage. 342 p.

Kim Y. Y. 1988. *Communication and Cross-cultural Adaptation: An Integrative Theory*. Clevedon, United Kingdom: Multilingual Matters. 232 p.

Kim Y. Y. 2008. Intercultural personhood: Globalisation and way of being // *International Journal of Intercultural Relations*. № 32. P. 359–368.

Kuhlman T. 1991. The economic integration of refugees in developing countries: a research model // *Journal of refugee studies*. № 4 (1). P. 1–20.

Oberg K. 1960. Culture shock: adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. Vol. 7. P. 177–182.

Padilla A. M., Perez W. 2003. Acculturation, social identity and social cognition: A new perspective // *Hispanic Journal of Behavioural Sciences*. № 25. P. 35–55.

Padilla A. M. 1987. Acculturation and stress among immigrants and later generation individuals. In D. Frick (Ed.), *The quality of urban life: Social, psychological, and physical conditions*. Berlin: Walter de Gruyter. P. 101–120.

Park P. *Race and Culture*. Glencoe: Free Press, 1950. 456 p.

Pfafferott I., Brown R. 2006. Acculturation preferences of majority and minority adolescents in Germany in the context of society and family // *International Journal of Intercultural Relations*. № 30 (6). P. 703–717.

Phinney J. S. 1990. Ethnic Identity in adolescence and adults: a review of research // *Psychological Bulletin*. № 108. P. 499–514.

Pieterse J. N. 2007. Global Multiculture, Flexible Acculturation // *Globalizations*. March. Vol. 4. № 1. P. 65–79.

Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W. 2009. The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. № 35 (7). P. 1077–1104.

Portes A., Rumbaut R. G. 1996. *Immigrant America: A Portrait*. Berkeley: University of California Press, 1990. 300 p.

Portes A., Zhou M. 1993. The new second generation: Segmented assimilation and its variants among post-1965 immigrant youth // *Annals of American Academy of Political and Social Science*. № 530. P. 74–98.

Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. 1936. Memorandum for the Study of Acculturation // *American Anthropologist*. Vol. 38. № 1. P. 149–152.

Schiller N. G., Basch L., Szanton B. C. 1995. From immigrant to transmigrant: Theorizing transnational migration // *Anthropological Quarterly*. № 68. P. 48–63.

Schwartz S., Unger J., Zamboanga B., Szapocznik J. 2010. Rethinking the concept of acculturation: implications for theory and research // *American Psychologist*. № 65. P. 237–25.

Sue S., Sue D. W. 1973. Chinese-American personality and mental health. *Asian-Americans Psychological Perspectives*. Ben Lomand, CA: Science and Behavior Books. P. 111–124.

Teske R. H., Nelson B. H. 1974 Acculturation and assimilation: A clarification // *American Ethnologist*. № 17. P. 218–235.

Thomas W. I., Znaniecki F. 1996. *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 2. University of Illinois Press, 1996. 127 p.

Ward C., Bochner S., Furnham A. 2001. *The psychology of culture shock*. Hove, UK: Routledge. 384 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.480

Theoretical Approaches Towards Examining the Adaptation of Migrants to the Host Society: Foreign Practices

Endryushko Anna Aleksandrovna

Junior fellow, Center for the study of interethnic relations, Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: anna.endryushko@mail.ru

Abstract. This article examines approaches towards understanding the adaptation processes and integration of migrants, as well as their dynamics, based on material from foreign literature. Presented is the development of approaches all the way from sociologists of the Chicago school (R. Park, W. Thomas, F. Znanetskiy) and up until the contemporary understanding of adaptation processes within the framework of transnationalism concepts. Adaptation has undergone a path from a straightforward, one-directional process, which assumes that changes in migrants' culture would only occur by direction of "assimilation" (i.e. the concept of a "melting-pot"), towards being understood within the framework of transnationalism, "flexible" acculturation, when a person can have two or more cultural identities and be involved in several cultural contexts at once. Special attention is paid to one of the dominant models in contemporary studies – Berry's acculturation models, which propose four possibilities for acculturation – assimilation, integration, separation (or segregation) and marginalization. Also considered are the assimilation conception by R. Alba and V. Nee which was transformed in the 1990's, the segmented assimilation theory which studies the children of contemporary migrants (A. Portes, M. Zhou, R. Rumbold), the theory of cross-cultural adaptation (Y. Kim) and the conception of "flexible" acculturation (I. Peters). The latter proposes multiple schemes of identification and integration. Transnationalism is specifically examined as the most modern approach towards understanding the adaptation of migrants to a new environment, which accepts that migrants can exist in several social contexts, changing their country of residence while not completely losing touch with their country of origin. The study is aimed towards broadening the base of information for those learning about migrant adaptation, and is addressed to practitioners who are carrying out tasks under the "Strategy for state national policy for the period up to the year 2025" in regards to migrants.

Keywords: Migrant adaptation, assimilation, acculturation, the theory of segmented assimilation, cross-cultural adaptation, multiculturalism, integration, flexible acculturation, transnationalism.

References

Alba R. *Ethnic identity: The transformation of white America*. New Haven, Yale University Press, 1990. 359 p.

Alba R., Nee V. *Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration*. Cambridge (Mass), Harvard University Press, 2003.

- Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *International Migration Review*, 1997, vol. 31 (4), pp. 826–874.
- Al-Issa I. *Ethnicity, immigration, and psychopathology*. New York, Plenum Press, 1997, pp. 13–16.
- Berry J. A psychology of immigration. *Journal of Social Issues*, 2001, no. 57, pp. 615–631.
- Berry J. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 1997, no. 46 (1), pp. 5–34.
- Berry J. Imposed etics, emics, derived etics: The operationalization of a compelling idea. *International Journal of Psychology*, 1989, no. 24, pp. 721–735.
- Berry J. W. *Acculturation as varieties of adaptation*. Ed. by A. Padilla. Boulder, Westview, 1980, pp. 9–25.
- Berry J., Sam D. *Acculturation and Adaptation*. *Handbook of Cross-Cultural Psychology*. MA, Allyn and Bacon, 1997, Vol. 3, pp. 291–326.
- Bhatia S., Ram A. Theorizing identity in transnational and diaspora cultures: A critical approach to acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 2009, no. 33 (2), pp. 140–149.
- Castles S., Korac M., Vasta E., Vertovec S. *Integration: Mapping the field*. Oxford (UK), University of Oxford, Centre for Migration and Policy Research and Refugee Studies, 2002, pp. 115–118.
- Eldering L. The Bhojpuri diaspora: A rich field for comparative acculturation research. *Psychology and Developing Societies*, 2005, no 17(2), pp. 237–247.
- Foner N. Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture. *The International Migration Review*, 2000, vol. 34, no 1, pp. 255–262.
- Gans H. J. Symbolic ethnicity: The future of ethnic groups and cultures in America. *Ethnic and Racial Studies*, 1979, no 2 (1), pp. 1–20.
- Glazer N., Moynihan D. *Beyond the Melting Pot*. New York, Cambr. (Mass.), 1963. 363 p.
- Glick, Schiller N., Basch L., Szanton B. C. From immigrant to transmigrant: Theorizing transnational migration. *Anthropological Quarterly*, 1995, Vol. 68, pp. 48–63.
- Gordon M. *The Nature of Assimilation*. *Assimilation in American Life*. New York, Oxford University Press, 1964, ch. 3, pp. 60–83.
- Gupta Das M. What is Indian about you? A gendered, transnational approach to ethnicity. *Gender and Society*, 1997, no 11 (5), pp. 572–593.
- Handlin O. *The uprooted*. Boston, Little, Brown, 1951. 333 p.
- Hunt L., Schneider S., Comer B. Should «acculturation» be a variable in health research? A critical review of research on US Hispanics. *Social Science Medicine*, 2004, no 59 (5), pp. 973–986.
- Imamura M., Zhang Y. Functions of the common ingroup identity model and acculturation strategies in intercultural communication: American host nationals' communication with Chinese international students. *International Journal of Intercultural Relations*, 2014, Vol. 43, pp. 227–238.
- Keefe S., Padilla A. *Chicano ethnicity*. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1987. 238 p.
- Kim Y. Y. Adapting to a new culture: An integrative communication theory. Theorizing about intercultural communication. Ed. by W. Gudykunst. Thousand Oaks, Sage, 2005, pp. 375–400.
- Kim Y. Y. *Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation*. Thousand Oaks, Sage, 2001. 342 p.
- Kim Y. Y. *Communication and cross-cultural adaptation: An integrative theory*. Clevedon, Multilingual Matters, 1988. 232 p.
- Kim Y. Y. Intercultural personhood: Globalisation and way of being. *International Journal of Intercultural Relations*, 2008, Vol. 32, pp. 359–368.

Kostenko V. V. Teorii migracii: ot assimilyacii k transnacionalizmu [Migration theories: from assimilation to transnationalism]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014, Vol. XVII, no 3, pp. 62–76.

Kuhlman T. The economic integration of refugees in developing countries: a research model. *Journal of refugee studies*, 1991, no 4 (1), pp. 1–20.

Kuznetsov I. M. Adaptacionnye strategii migrantov v usloviyakh megapolisa (na primere g. Moskvy): avtoref. diss. [Adaptation strategies of migrants in a metropolis (in the example of Moscow): Abstract. Diss.], Moscow, 2006. The IS RAS Official website, URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1840> [date of visit: 19.09.17].

Mukomel' V. I. Problemy integratsii vnutrirossiyskikh inoetnichnykh migrantov [Integration problems of internal ethnic migrant workers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no 5, pp. 69–79.

Nederveen Pieterse J. *Global Multiculture, Flexible Acculturation*. *Globalizations*, 2007, Vol. 4, no 1, pp. 65–79.

Oberg K. Culture shock: adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*, 1960, Vol. 7, pp. 177–182.

Padilla A. M., Perez W. Acculturation, social identity and social cognition: A new perspective. *Hispanic Journal of Behavioural Sciences*, 2003, Vol. 25, pp. 35–55.

Padilla A. M. Acculturation and stress among immigrants and later generation individuals. *The quality of urban life: Social, psychological, and physical conditions*. Berlin, Walter de Gruyter, 1987, pp. 101–120.

Park P. *Race and Culture*. Glencoe, Free Press, 1950. 1913 p.

Perevedencev V. I. Migraciya naseleniya i trudovye problemy Sibiri [Migration of population and labor problems of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1966. 191 p.

Pfafferott I., Brown R. Acculturation preferences of majority and minority adolescents in Germany in the context of society and family. *International Journal of Intercultural Relations*, 2006, no 30 (6), pp. 703–717.

Phinney J.S. Ethnic Identity in adolescence and adults: a review of research. *Psychological Bulletin*, 1990, Vol. 108, pp. 499–514.

Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W. The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2009, Vol. 35 (7), pp. 1077–1104.

Portes A., Rumbaut R.G. *Immigrant America: A Portrait*. University of California Press, 1996, pp. 74–98.

Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants among post-1965 immigrant youth. *Annals of American Academy of Political and Social Science*, 1993, Vol. 530, pp. 74–98.

Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation. *American Anthropologist*, 1936, Vol. 38, no 1, pp. 149–152.

Ryazantsev S. V. O yazykovoy integracii migrantov kak novom orientire migracionnoy politiki Rossii [Migrants' language integration as a new benchmark in Russia migration policies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no 9, pp. 25–29.

Rybakovsky L. L. Migracionny potencial: poniatie i kriterii ocenki [Migration potential. The term and evaluative criteria]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, no 2, pp. 29–36.

Rybakovsky L. L. Migraciya naseleniya: prognozy, faktory, politika [Migration of the population: forecasts, factors, policy]. Moscow, 1987.

Schwartz S., Unger J., Zamboanga B., Szapocznik J. Rethinking the concept of acculturation: implications for theory and research. *American Psychologist*, 2010, Vol. 65, pp. 237–250.

Sokolova V. M. Problemy adaptatsii migrantov v Ispanii v issledovaniyakh zarubezhnykh sotziologov [Problems of Adaptation of Migrants in Spain in the Studies of Foreign Sociologists]. *Sotziologicheskaya nauka I sotzialnaya praktika*, 2017, no 2 (18), pp. 118–135.

Sorokin P. Moya filosofiya – integralizm [Integralism is my Philosophy]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 1992, no 10, pp. 134–139.

Sue S., Sue D. W. Chinese-American personality and mental health. Asian-Americans Psychological Perspectives. Ben Lomand (Ca.), Science and Behavior Books, 1973, pp. 111–124.

Teske R. H., Nelson B. H. Acculturation and assimilation: A clarification. American Ethnologist, 1974, Vol. 17, pp. 218–235.

Thomas W. I., Znanietzki F. The Polish Peasant in Europe and America. Chicago, University of Illinois Press, 1996. Vol. 2.

Vishnevsky A. G. Dolzhna li migracionnaya statistika uchityvat' ehtnicheskuyu prinadlezhnost' migrantov? [Should migration statistics take into account the ethnicity of migrants?]. Demoskop Weekly, 2012, Vol. 531–532.

Ward C., Bochner S., Furnham A. The psychology of culture shock. Hove (UK), Routledge, 2001. 384 p.

Zayonchkovskaya J. A. Novosely v gorodakh: Metody izucheniya prizhivaemosti [New settlers in the cities: Methods of studying survival]. Moscow, Statistika publ., 1972, pp. 9–10.

Т е м а н о м е р а : К м е т о д о л о г и и н а у ч н ы х и с с л е д о в а н и й

М е т о д и к а п о с т р о е н и я и м и т а ц и о н н о й м о д е л и (н а п р и м е р е с р е д н е г о б а л л а Е Г Э в р о с с и й с к и х р е г и о н а х)

Филипова Александра Геннадьевна –
доктор социологических наук, ведущий
научный сотрудник, доцент, Дальневосточный
федеральный университет, Владивосток

Email: alexgen77@list.ru

Высоцкая Алёна Валерьевна –
и.о. заведующего кафедрой «Информационные
системы», Комсомольский-на-Амуре
государственный университет,
Комсомольск-на-Амуре

Email: Al-w-buaa@rambler.ru

Методика построения имитационной модели (на примере среднего балла ЕГЭ в российских регионах)

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.481

Аннотация. В статье¹ представлена методика моделирования ситуации со средними баллами ЕГЭ в российских регионах. Из трёх подходов имитационного моделирования выбран подход системной динамики, позволяющий работать с неполными данными, отслеживать изменения модели во времени, а также выстраивать причинно-следственные связи между факторами, оценивать силу их взаимных влияний. Этапы работы включают обоснование методологии системной динамики, построение концептуальной модели системной динамики средних баллов ЕГЭ, упрощение полученной модели и установление причинно-следственных связей математико-статистическими методами, реализацию модели в программной среде AnyLogic и проигрывание сценариев её развития. Использование языка имитационного моделирования позволило выразить через потоки и накопители элементы моделируемой системы. Средний балл ЕГЭ выбран в качестве накопителя, он соединяет в себе ресурсы системы общего образования (кадровые, технологические, финансовые). В концептуальной модели выделены три уровня анализа: демографический, институциональный, экономико-инфраструктурный, в соответствии с которыми сформирован набор из 17 управляющих факторов, воздействующих на результативность ЕГЭ (целевой фактор). Управляющие факторы преобразованы в модели системной динамики в «потоки» и «параметры». Периодом наблюдения был выбран 2013/14 учебный год. Статистические данные для изучения взяты из сборников «Регионы России», единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также информационно-аналитических отчётов региональных центров обработки информации. Выборочная совокупность в итоге представлена 78 российскими регионами, из рассмотрения выпали 5 субъектов РФ по причине отсутствия статистических данных по отдельным факторам. Использование методов корреляционного и регрессионного анализа позволило свести количество управляющих факторов к трём – уровню городского населения, количеству благоустроенных школ и количеству вечерних школ. Данные факторы стали параметрами, определяющими потоки в модели системной динамики. При этом влияние двух первых положительно сказывается на росте определённого параметра в качестве накопителя среднего балла ЕГЭ. Третий параметр формирует поток обратного направления, снижающий значение накопителя. Согласно коэффициентам регрессионного уравнения, его влияние сильнее двух предыдущих. Построенная в AnyLogic модель «Средний балл ЕГЭ в регионах» включает один накопитель (уровень ЕГЭ), один параметр с нерегулируемым значением (уровень городского населения) и два – с регулируемым (уровни благоустроенных и вечерних школ). В программной среде были проведены две серии экспериментов.

Ключевые слова: общее образование, ЕГЭ, субъекты РФ, средний балл ЕГЭ, региональные факторы, имитационное моделирование, корреляционный анализ, регрессионный анализ, модель системной динамики, накопители, потоки, параметры

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041).

Имитационное моделирование является современным инструментом исследования сложных систем, состоящих из большого числа взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Оно представляет собой логико-алгоритмическое описание поведения отдельных элементов системы и правил их взаимодействия, а также последовательность событий, возникающих в моделируемой системе [Имитационное моделирование...] Например, при исследовании работы медицинского учреждения метод имитационного моделирования помогает оценить качество работы медицинского учреждения, а также описать время, проведённое клиентом в учреждении, длину очереди, процент занятости персонала и т. д.

На сайте AnyLogic (программного продукта для имитационного моделирования) разработчик так характеризует имитационное моделирование: «[Оно]... решает проблемы реального мира безопасно и разумно. Это удобный инструмент для анализа: он нагляден, прост для понимания и проверки» [AnyLogic].

Для имитационного моделирования наряду с AnyLogic используются такие разработки зарубежных и отечественных IT-специалистов, как Simplex II, Simplex ++, Arena, AutoMod, AnyLogic, Matlab, iThink, PowerSim, GPSS World, Simulink и др. Эти программные продукты отличаются функциональными возможностями, наличием встроенных аппаратов многопараметрической оптимизации, удобством экспорта/импорта данных, наличием поддержки со стороны разработчиков и др.

Обзор отечественных работ в области имитационного моделирования показал широту диапазона использования данного инструмента. В большей степени он востребован при моделировании производственных процессов, бизнес-процессов, управлении цепями поставок, перевозок [Баязитов, Гибадуллин 2011; Пинаева 2016]. Однако в последние годы растёт интерес к экспериментам с социальными системами. Инструменты имитационного моделирования успешно применяются в здравоохранении [Здравоохранение... 2017], науке и образовании [Социальные процессы... 2017], региональных исследованиях [Филипова, Еськова, Штефан 2017; Филипова, Еськова 2017].

Интерес теоретиков и практиков к имитационному моделированию иллюстрирует ставшая уже традиционной научно-практическая конференция по имитационному моделированию и его применению в науке и промышленности. В октябре 2017 г. восьмая конференция прошла в Санкт-Петербурге [Восьмая всероссийская... 2017].

Задачи имитационного моделирования реализуются на базе одного из трёх подходов – дискретно-событийного, агентного и системно-динамического. Для первого характерно то, что состояние моделируемой системы может меняться только в моменты свершения событий, поэтому выделяются наиболее значимые точки. К примеру, движение поезда из

точки А в точку В будет представлено двумя событиями: отправлением и прибытием, а само движение станет «задержкой» (интервалом времени). Второй подход отличается тем, что используется для описания децентрализованных систем, когда глобальные правила и законы являются результатом персональной активности агентов. В качестве примера можно привести ситуацию с эпидемией. Агентное моделирование помогает отобразить разнородные контакты между людьми (носителями инфекции) и в итоге построить прогнозные сценарии распространения эпидемии. Третий вариант – системная динамика – используется для построения графических диаграмм причинных связей и глобальных влияний одних параметров на другие во времени [Sterman 2000].

Целью нашего исследования является имитационное моделирование уровня средних баллов ЕГЭ в российских регионах. Средний балл ЕГЭ в региональном аспекте может служить средством фиксации региональных различий систем общего образования, а также экономико-инфраструктурных и демографических особенностей субъектов РФ. Из трёх направлений имитационного моделирования мы выбрали системную динамику, поскольку она помогает выявить причинно-следственные отношения между объектами, оценить силу влияний одних факторов на другие, проследить изменения системы во времени, а также построить прогнозные варианты поведения системы. Кроме того, как справедливо отмечает Н. Лычкина, системная динамика обладает возможностью построения модели при отсутствии полной информации о системе [Лычкина 2009].

Задачи настоящего исследования: обосновать методологию системной динамики; построить концептуальную модель системной динамики средних баллов ЕГЭ; упростить полученную модель, выделив наиболее значимые её компоненты средствами математико-статистического анализа; реализовать модель в программной среде AnyLogic; сформировать сценарии развития имитационной модели.

Методология системной динамики исходит из того, что на историю развития системы во времени в большей степени оказывает влияние её информационно-логическая структура, которая охватывает физические и технологические составляющие процессов, политики и традиций, прямо или косвенно влияющих на процесс принятия решений [Модели системной... 2009].

Методология системной динамики была построена так, чтобы сделать применимой на практике философию развития. Для большинства системно-динамических проектов создаются формальные потоковые диаграммы, представляемые в виде систем дифференциальных уравнений. Как потоковые диаграммы, так и системы уравнений выражают управленческие

связи посредством двух категорий: накопителей и потоков. Накопители – это объекты реального мира, в которых сосредотачиваются некоторые ресурсы: знания (идеи), фонды, источники рабочей силы и т. п. Потоки – это все активные компоненты системы: потоки усилий (попыток), информационные потоки, расходные платежи и т. п. [Системная динамика... 2005].

Для дальнейшей работы мы будем использовать термины имитационного моделирования – накопители, потоки, параметры. Накопители характеризуют целевые показатели, их значения являются решающими для устойчивости модели, её положительной динамики. На накопители влияют потоки: потоки прямой направленности увеличивают значение накопителей, обратной направленности – уменьшают. Параметры представляют собой переменные, влияющие на изменение темпа потоков или непосредственно воздействующие на накопители. Они могут быть зависимыми переменными или константами [Sterman 2000].

Средний балл ЕГЭ рассматривается нами как накопитель, поскольку он соединяет в себе ресурсы системы общего образования (кадровые, технологические, финансовые). Кроме того, ЕГЭ стал инструментом оценки эффективности работы общеобразовательных организаций (высокие баллы ЕГЭ – одно из оснований стимулирующих выплат учителям), а также фактором социальной мобильности выпускников (возможность поступить в престижный вуз, уехать из села в город, из города Сибири и Дальнего Востока – в город европейской части России), что стало возможным с 2009 г. после вступления в силу поправок в законы «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (от 9 февраля 2007 г. № 17-ФЗ).

Как отмечает С. Станченко¹, «за последние годы процедура проведения ЕГЭ была значительно усовершенствована, что позволяет говорить о высокой степени объективности результатов, а также о равенстве условий, в которых проводится экзамен. Это даёт возможность использовать результаты ЕГЭ в целях анализа» [Цит. по: Кряжев 2017].

Средний балл ЕГЭ определён пока как единственный накопитель для построения сценариев развития региональных систем общего образования. Мы выбрали экзамены по русскому языку и математике в силу их обязательного характера, поэтому рассчитываем значение накопителя как среднее от средних баллов ЕГЭ в регионах по этим двум предметам.

Построение концептуальной модели динамики средних баллов ЕГЭ предполагает выделение целевых и управляющих факторов, а также уровней анализа. Целевым фактором («накопителем» в терминах системной динамики) обозна-

¹ Глава Центра национальных и международных исследований качества образования, руководитель проектов Национальных исследований качества образования и Всероссийских проверочных работ.

чен средний балл ЕГЭ. По материалам аналитических отчетов региональных центров обработки информации (РЦОИ), научных публикаций, а также экспертных интервью со специалистами органов управления образованием, учителями общеобразовательных организаций выделены три уровня концептуальной модели: демографический, институциональный, экономико-инфраструктурный.

В соответствии с выделенными уровнями был сформирован набор из 17 управляющих факторов, воздействующих на результативность ЕГЭ (целевой фактор). Управляющие факторы будут преобразованы в модели системной динамики в «потoki» и «параметры».

Уровень «Демография» включает 4 показателя:

x1 – процент населения с доходами ниже прожиточного минимума;

x2 – удельный вес городского населения в общей численности населения, (в %);

x3 – количество жителей с высшим образованием на 1 тыс. чел.;

x4 – число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения.

Уровень «Общее образование», являясь базовым для модели, состоит из девяти показателей:

x5 – процент обучающихся в общеобразовательных организациях во вторую и третью смены;

x6 – удельный вес численности детей, получающих услуги дополнительного образования, в общей численности детей в возрасте от 5 до 18 лет, (в %);

x7 – удельный вес частных общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций, (в %);

x8 – отношение средней заработной платы учителей к средней заработной плате в регионе, (в %);

x9 – удельный вес вечерних общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций, (в %);

x10 – отношение числа обучающихся к числу учителей общеобразовательных организаций;

x11 – удельный вес благоустроенных общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций, (в %);

x12 – отношение расходов консолидированного бюджета региона на образование ко всем региональным расходам;

x13 – число ПК образовательных организаций с доступом к интернету на 100 учащихся.

Уровень «Экономика и инфраструктура региона» включает 4 показателя:

x14 – ВРП на душу населения;

x15 – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, (в кв.м);

x16 – библиотечный фонд на 1000 человек населения, (экз.);

x17 – удельный вес домохозяйств, имеющих ПК с доступом к интернет.

Количественное наполнение этих 17-ти управляющих факторов, а также обозначенного в качестве «накопителя» целевого фактора (средний балл ЕГЭ), осуществлялось посредством обращения к источникам статистической информации. Периодом наблюдения был выбран 2013/14 учебный год. Статистические данные для изучения были взяты из сборников «Регионы России» [Регионы России... 2015], единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) [Единая межведомственная...], а также информационно-аналитических отчётов РЦОИ. Всего были изучены данные 82 отчётов РЦОИ за 2013/2014 учебный год. Начиная с 2013 г., сводная информация по данным ЕГЭ в региональном аспекте перестала публиковаться. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки объясняет это воспроизводством регионального неравенства: информация о баллах ЕГЭ по регионам ставит последние в заведомо неравное положение, влияет на их имидж и привлекательность в глазах молодёжи, поскольку везде свои условия [Берсенева 2015].

Отсутствие статистических данных по отдельным показателям заставило исключить из рассмотрения пять субъектов РФ: Архангельскую, Сахалинскую, Тюменскую области, Республику Алтай, Чукотский автономный округ. Таким образом, для анализа данных использовались сведения из 78 субъектов РФ. Имеющиеся абсолютные значения показателей были преобразованы в относительные значения для сравнения данных по регионам.

Поскольку рассматриваемые показатели имеют разные единицы измерения, то их необходимо нормализовать. Это позволит привести все используемые числовые значения переменных к одной области значений. В работе была использована линейная нормализация, осуществляемая путём деления разности фактического значения показателя региона и среднего значения по 78 регионам РФ на стандартное отклонение рассмотренной совокупности.

Следующий этап работ связан с выделением наиболее значимых элементов построенной концептуальной модели средствами математико-статистического анализа, а также установлением связей между элементами редуцированной модели, их описанием на языке математических формул.

Использование методов многомерного статистического анализа на этапе обработки данных предъявило определённые требования к эмпирическому материалу – количественному выражению переменных, недопустимости пропусков их значений, поэтому на данном этапе исследования из рассмотрения пока выпали субъективные оценки (родителями и детьми) факторов, влияющих на успешность сдачи ЕГЭ.

Для выявления взаимосвязей целевого фактора (накопителя) с управляющими факторами (потоками, параметрами) был использован коэффициент линейной корреляции Пирсона. Расчёты производились посредством встроенной функции Excel. Полученные данные приведены на рис. 1.

	Y	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	X11	X12	X13	X14	X15	X16	X17
Y	1,00																	
X1	-0,37	1,00																
X2	0,57	-0,46	1															
X3	0,16	-0,30	0,51	1,00														
X4	0,26	0,11	0,42	-0,05	1,00													
X5	-0,37	0,29	-0,34	-0,33	0,16	1,00												
X6	0,37	-0,25	0,32	-0,01	0,08	-0,38	1,00											
X7	0,08	-0,23	0,33	0,67	-0,11	-0,09	-0,10	1,00										
X8	0,25	-0,42	0,39	0,27	0,08	-0,26	0,06	0,20	1,00									
X9	-0,17	0,20	0,08	-0,10	0,33	0,16	0,01	-0,03	-0,04	1,00								
X10	0,33	-0,29	0,51	0,33	0,35	0,05	0,05	0,42	0,33	0,25	1,00							
X11	0,53	-0,56	0,53	0,27	0,02	-0,37	0,29	0,24	0,30	0,04	0,50	1,00						
X12	-0,16	0,20	-0,25	-0,37	0,08	0,26	0,06	-0,28	-0,27	0,04	-0,22	-0,39	1,00					
X13	0,26	-0,42	0,52	0,41	0,05	-0,25	0,22	0,17	0,30	-0,08	0,23	0,33	-0,31	1,00				
X14	0,10	-0,29	0,28	0,18	0,03	0,00	0,15	0,03	0,25	-0,16	0,08	-0,03	-0,28	0,49	1,00			
X15	0,37	-0,42	0,35	0,03	0,00	-0,60	0,27	-0,10	0,20	-0,14	-0,01	0,52	-0,17	0,17	-0,14	1		
X16	0,12	0,13	0,20	-0,02	0,10	-0,43	0,24	-0,18	0,00	0,08	-0,35	-0,03	-0,14	-0,03	-0,05	0,42	1	
X17	0,48	-0,42	0,68	0,38	0,48	-0,43	0,33	0,13	0,37	0,09	0,39	0,51	-0,14	0,46	0,29	0,31	0,13	1

Рис. 1 Коэффициент корреляции целевого фактора (y) и управляющих факторов (x1-x17)

Рисунок показывает, что наиболее сильные корреляционные связи обнаружены между целевым фактором и управляющими факторами 2, 11, 17.

Далее управляющие факторы были исследованы на мультиколлинеарность, т. е. линейную зависимость управляющих факторов. Обнаружение сильной связи двух управляющих факторов x2 и x17 позволило сделать выбор в пользу x2, поскольку его связь с целевым фактором оказалась более значимой. Таким образом, количество управляющих факторов сократилось до 16-ти, нумерация осталась прежней.

Для выведения математической формулы, лежащей в основе связи данных управляющих факторов с целевым фактором (средний балл ЕГЭ), обратимся к инструменту регрессионного анализа. Регрессия позволит не только математиче-

ски обосновать связь между факторами, но также сократить их количество. Для расчёта использовалась встроенная функция Excel «Анализ данных». В таблице 1 представлен фрагмент регрессионного анализа, где значения столбцов позволят проанализировать силу и значимость связи управляющих факторов (x1-16) с целевым (y).

Управляющие факторы были исследованы по фактору значения показателя Р-значение (меньше заданного уровня значимости $\alpha=0,05$). Также было произведено сравнение по модулю коэффициентов a_i со стандартными ошибками (см. таблицу 1). Эти две аналитические процедуры позволили оставить для дальнейшей работы три фактора, которые были включены в итоговую модель: x2 – удельный вес городского населения в общей численности населения; x9 – удельный вес вечерних организаций в общем количестве общеобразовательных организаций; x11 – удельный вес благоустроенных общеобразовательных организаций в общем их количестве. Под благоустроенными общеобразовательными организациями, согласно данным статистических сборников, мы понимаем, во-первых, организации, не требующие капитального ремонта на момент сбора статистической информации, во-вторых, – организации, имеющие водопровод, центральное отопление и канализацию. Показатели экономико-инфраструктурного уровня не попали в модель.

Таблица 1

Фрагмент результатов регрессионного анализа в MS Excel

Показатель	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Переменная X 1	-0,027062016	0,135844982	-0,199212478	0,842759087
Переменная X 2	0,373587331	0,17944999	2,081846484	0,041559391
Переменная X 3	-0,185552422	0,147894557	-1,254626444	0,214400348
Переменная X 4	0,172554231	0,125333964	1,37675556	0,173620021
Переменная X 5	-0,220353291	0,138080718	-1,595829554	0,115695168
Переменная X 6	0,087289045	0,109005636	0,800775518	0,426369599
Переменная X 7	-0,044504067	0,132611779	-0,335596639	0,738326575
Переменная X 8	-0,017316653	0,104993438	-0,164930814	0,869543788
Переменная X 9	-0,31347345	0,102251239	-3,065717855	0,003233503
Переменная X 10	0,112770608	0,147699967	0,763511399	0,448101476
Переменная X 11	0,322246869	0,157698157	2,043440934	0,045334551
Переменная X 12	0,008659557	0,116326184	0,074442027	0,940902255
Переменная X 13	-0,04482593	0,12054285	-0,371867185	0,711280429
Переменная X 14	-0,038671578	0,122232162	-0,316378091	0,752795663
Переменная X 15	-0,147960747	0,15173198	-0,975145428	0,333339461
Переменная X 16	0,044502344	0,13686166	0,325162972	0,746170377

В результате повторного ввода данных в Excel, функция «Анализ данных» (входной интервал $Y - y$; входной интервал $X - x_2, x_9, x_{11}$) было построено регрессионное уравнение:

$$Y_1 = 37,12 + 0,17x_2 - 0,78x_9 + 0,075x_{11}$$

Результаты расчётов, произведённых с помощью пакета анализа MS Excel, показали, что $R^2 = 0,4432$, т. е. 44,32% общей вариации результативного признака объясняется вариацией обозначенных факторных признаков. Рассчитанный уровень значимости $\alpha_p = 0,00049 < 0,05$, что подтверждает значимость R^2 . $F_{\text{выч}} = 19,63$, что больше $F_{\text{крит}} = 1,66$, следовательно, гипотеза об отсутствии связи признаков отклоняется и делается вывод о существенности данной связи. Уравнение регрессии признаётся статистически значимым.

Поскольку на долю неучтённых факторов, оказывающих своё влияние на средний балл ЕГЭ в регионах, приходится более 55%, в уравнение регрессии была введена константа, равная 37,12.

Так как модель изначально строилась с использованием нормализованных данных, полученные коэффициенты позволяют не только охарактеризовать среднее изменение результата в зависимости от изменения соответствующего фактора на единицу при закреплённом значении других факторов, но и провести сравнительную оценку силы влияния изменения каждого фактора на изменение результативного признака.

Наибольшее влияние на изменение результативного признака оказывает фактор x_9 (удельный вес вечерних организаций в общем количестве общеобразовательных). Отрицательный знак коэффициента говорит об обратном влиянии фактора: дополнительное увеличение значения x_9 на одну условную единицу при фиксированных значениях остальных параметров влечёт за собой уменьшение y в среднем на 0,78 условных единицы.

Для реализации построенной концептуальной модели с установленными математическими связями (y и x_2, x_9, x_{11}) в программной среде AnyLogic опишем присутствующие в регрессионном уравнении целевой и управляющие факторы в терминах системной динамики, т. е. перекодируем их в «накопители» и «параметры». Полученные данные представлены в таблице 2.

В модели выделены следующие основные уровни (блоки) информационно-логической структуры, которые согласно принятым в системной динамике обозначениям представлены на рис. 2: «Городское население» (гор_нас), «Благоустроенные школы» (благоустр_шк), «Вечерние школы» (вечерн_шк), «ЕГЭ». Показатели B_1, B_2 и B_3 – коэффициенты регрессии соответствующих факторных признаков – взяты из построенного уравнения регрессии, где $B_1 = 0,170152$; $B_2 = -0,7813$;

$B3=0,075187$. Также в модель введена динамическая переменная «А», отражающая свободный коэффициент 37,12 в уравнении линейной регрессии, т. е. влияние на успешность сдачи ЕГЭ всех неучтённых в модели факторов.

Таблица 2

Элементы модели «Средний балл ЕГЭ в регионах»

Фактор	Элемент модели	Единица измерения
Средний балл ЕГЭ в регионе	Накопитель	Балл
Удельный вес городского населения в общей численности населения	Параметр, константа	%
Удельный вес вечерних организаций в общем количестве общеобразовательных организаций	Параметр, регулируемое значение	%
Удельный вес благоустроенных общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций	Параметр, регулируемое значение	%

Фрагмент построенной имитационной модели приведён на рис. 2. Отметим, что данная схема является обобщённой и требует дальнейшей конкретизации.

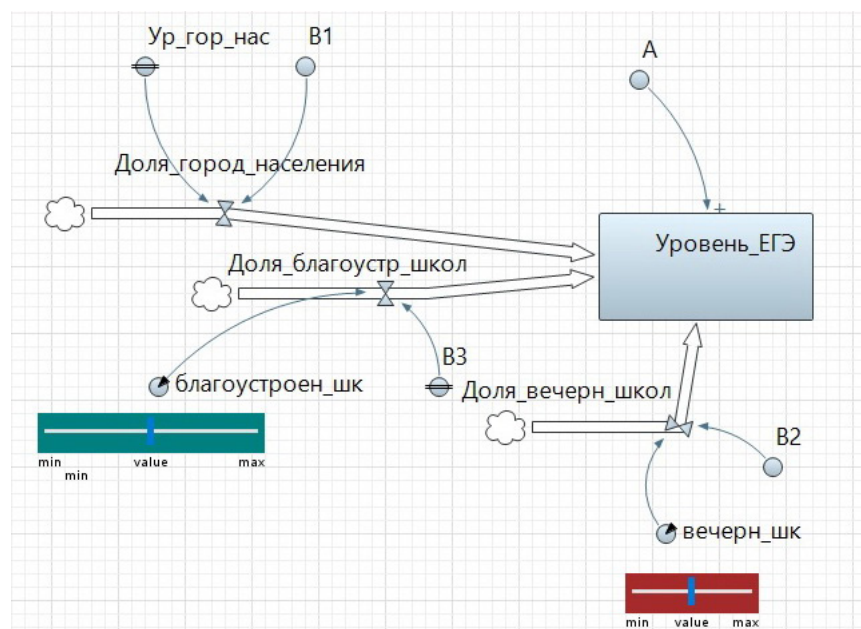

Рис. 2. Фрагмент модели системной динамики «Уровень ЕГЭ в российских регионах»

Для измерения темпа прироста уровня ЕГЭ в регионе введён дополнительный элемент управления – «бегунок», прикрепленный к двум изменяемым параметрам – уровням «Благоустроенные школы» и «Вечерние школы». Знаки коэффициентов при данных переменных указывают на их направленность: в первом случае – это поток прямого направления,

усиливающий целевой индикатор (средний балл ЕГЭ), во втором – поток обратного направления, уменьшающий средний балл ЕГЭ.

В таблице 3 приведены выборочные статистические данные по трём управляющим факторам (потокам) модели, используемые в дальнейшем для проведения экспериментов в AnyLogic.

Таблица 3

Статистические данные по параметрам модели
(выборочная совокупность – 78 регионов, в %)

Значение	x2 = «ур_гор_нас»	x9 = «вечерн_шк»	x11 = «благоустроен_шк»
Min	34,80	0,2589	10,00000
Max	100,00	7,6000	99,80000
Среднее	70,09	2,4380	79,39487

На заключительном этапе исследования переходим к проигрыванию разных сценариев развития имитационной модели.

Для начала зададим исходные данные для указанных параметров модели. Было решено начальные значения переменных «вечерн_шк» и «благоустроен_шк» взять как max и min, соответственно, по выборке из 78 регионов (см. таблицу 3), т. е. их влияние на накопитель будет работать на понижение среднего балла ЕГЭ.

Влияние целевых уровней «Благоустроенные школы» и «Вечерние школы» складывается как произведение значений переменных «вечерн_шк» и «благоустроен_шк» и констант В2 и В3, соответственно. На темп изменения потока обратного направления влияет параметр «вечерн_шк», который в момент моделирования может менять своё значение от 0 до 1 (это соответствует значению от 0 до 100%). Исходное значение параметра задано равным 0,076, что соответствует 7,6% – максимальному показателю числа вечерних школ по выборке.

Поток «Влияние благоустроенных школ» – это поток прямого направления. На темп его изменения влияет параметр «благоустр_шк», который в процессе моделирования может изменяться от минимального значения 0 до максимального 1 (0 до 100%). Исходное значение параметра «благоустр_шк» задано в 0,1, что соответствует 10% благоустроенных школ – минимальному значению показателя по 78 регионам.

Поток «Влияние городского населения» складывается как произведение уровня городского населения и В1. Численность городского населения значительно труднее поддается внешним управляющим воздействиям, нежели рассмотренные ранее уровни «Благоустройство школ» и «Вечерние школы», поэтому мы решили принять его значение за кон-

станту и взять в качестве расчётного среднее по 78 регионам, равное 70%. Кроме того, поток «Влияние городского населения» в дальнейшей работе потребует деления на уровни в зависимости от размеров населённого пункта, а значит поиска дополнительных статистических данных и их соответствующей математико-статистической обработки.

В результате работы в AnyLogic были смоделированы шесть ситуаций: одна – без изменения факторов, пять – с комплексным изменением параметров x_9 «удельный вес вечерних организаций в общем количестве общеобразовательных организаций» и x_{11} «удельный вес благоустроенных общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций».

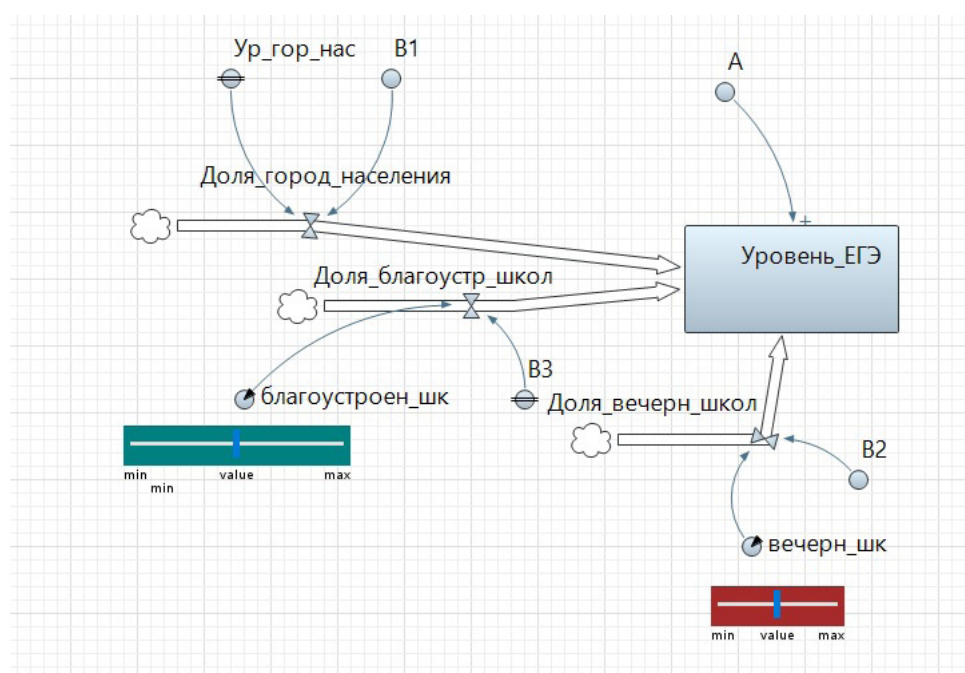

Рис. 3. Результат изменения среднего балла ЕГЭ

В первом случае предполагалось, что никаких новых управляющих воздействий на накопитель не оказывается, а внешняя и внутренняя среда меняются незначительно. Полученный результат изменения среднего балла ЕГЭ за период 50 модельных единиц (это условное логическое время, которое является базовым в системах имитационного моделирования) представлен на рис. 3.

Как видим, при сохранении показателей «вечерн_шк» на уровне 7,6%, «благоустроен_шк» – 10%, показатель «уровень ЕГЭ» через 50 модельных единиц достигает значения 55,464 баллов. Сопоставление этого значения со средним по 78 регионам в 53,11 баллов демонстрирует предсказательный потенциал модели в 95,8%. Имитационная модель может использоваться для построения прогнозов, так как оперирует не только статистическими данными, но и причинно-следственными связями между элементами системы.

Вторая серия экспериментов была связана с усилением влияния уровня «Благоустроенные школы» (с 10 до 99,8%) и снижением влияния уровня «Вечерние школы» (с 7,6 до 0,2589%) на накопитель «уровень ЕГЭ». Она была разбита на четыре этапа, каждый из которых предполагал изменение регулируемых параметров на 20-25% в сторону увеличения/уменьшения. В таблице 4 приведены результаты четырёх экспериментов (модели 2.1–2.4). На пятом этапе (модель 2.5) значения параметров были приведены к средним значениям по выборке из 78 регионов ($x_9=2,43\%$ и $x_{11}=79,39\%$).

Таблица 4

Результаты имитационного моделирования

Показатель	Модель 2.1	Модель 2.2	Модель 2.3	Модель 2.4	Модель 2.5
Значение x_9 , %	6,08	4,56	3,04	1,52	2,43
Значение x_{11} , %	19,00	39,92	59,88	79,84	79,39
Уровень ЕГЭ, балл	56,39	57,77	59,12	60,46	60,09
Абсолютный прирост, балл	-	1,38	1,35	1,34	-0,37
Относительный прирост, %	-	2,45	2,34	2,27	-0,61

Анализ данных, представленных в таблице 4, показывает, что при одновременном снижении неблагоприятного фактора «удельный вес вечерних организаций в общем количестве общеобразовательных организаций» и повышении фактора «удельный вес благоустроенных общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций» наблюдается устойчивый рост показателя «уровень ЕГЭ». Однако снижение и рост факторов x_9 и x_{11} были заданы с темпом плюс/минус 20-25%, а прирост результирующего показателя наблюдается на уровне 2%, кроме того, начиная с третьего шага, относительный прирост баллов ЕГЭ падает, что говорит о сопутствующем влиянии других факторов. Выявление этих сопутствующих факторов (об их наличии говорит и полученное уравнение регрессии) будет осуществляться на следующем этапе работы с привлечением качественных данных (интервью с экспертами, родителями и выпускниками общеобразовательных организаций).

Сравнение показателей моделей 2.1-2.5 позволяет сделать выбор в пользу последней модели. Средние баллы ЕГЭ в моделях 2.4 и 2.5 отличаются на 0,61%, но пятая модель позволяет сохранить вечерние школы на уровне 2,43%, что важно для учащихся, совмещающих обучение с работой. Под значение показателя x_9 ниже 1,52% попадают только 20 регионов Российской Федерации из 78 проанализированных.

Остановка эксперимента на значении среднего балла ЕГЭ – 60,09 баллов (модель 2.4) – связана с достижением нижней границы проходного балла в российские вузы. Как отметила в своём интервью газете «Московский комсомо-

лец» министр образования и науки РФ Ольга Васильева, «Средний вступительный балл ЕГЭ в российских вузах не должен быть ниже 60 баллов в условиях демографической ситуации, где каждый второй выпускник обеспечен бюджетным местом в учебном учреждении» [Лемуткина 2017].

Таким образом, на основе данных корреляционного и регрессионного анализов с использованием программной среды AnyLogic была построена имитационная модель, описывающая воздействие факторов «уровень городского населения», «уровень благоустроенных школ» и «уровень вечерних школ» на заданный в качестве накопителя средний балл ЕГЭ в регионах. Влияние первых двух факторов – положительное, третьего – отрицательное. Третий фактор оказывает наибольшее воздействие на накопитель. Эксперименты с построенной моделью осуществлялись в направлении снижения влияния фактора «Уровень вечерних школ» и усилении фактора «Уровень благоустроенных школ».

Методы многомерного статистического анализа данных позволили сократить количество управляющих факторов, воздействующих на выбранный целевой фактор (средний балл ЕГЭ), с 17 до 3. Выбранные факторы относятся к двум уровням управления, обозначенным как демографический и институциональный. Факторы третьего экономико-инфраструктурного уровня не были включены в модель.

Построенная модель является первым шагом на пути к имитационному моделированию системы общего образования в российских регионах. В дальнейшем перечень накопителей будет дополнен другими показателями (количество школьников-победителей региональных олимпиад, количество медалистов; количество выпускников, получивших аттестат, и др.), а потоки и параметры будут дополнены факторами экономико-инфраструктурной группы. Построенная регрессионная модель позволила уловить немногим более 44% факторов, влияющих на средний балл ЕГЭ. Поэтому важной задачей остаётся выявление других региональных факторов, влияющих на успешность сдачи ЕГЭ. Факторы, не отображённые в статистических сборниках или не имеющие разбивки по регионам, нуждаются в других методах сбора, обработки и интерпретации данных. Предположительно, в дальнейшем инструментами работы с качественными данными станут метод экспертного интервью (выявление дополнительных управляющих факторов) и метод экспертных оценок с ранжированием предложенных управляющих факторов по силе влияния на целевой фактор.

Использование инструментов корреляционного и регрессионного анализов в настоящем исследовании позволило решить задачу обработки большого массива данных. 17 управляющих и один целевой фактор по 78 регионам дали выборку из 1404 наблюдений, не считая промежуточных данных.

А имитационное моделирование стало инструментом построения аналитической модели, установления причинно-следственных связей и учёта вероятностных параметров.

Библиографический список

Баязитов Г. А., Гибадуллин А. Р. 2011. Моделирование транспортных решений // Официальный сайт междисциплинарной школы-конференции Института проблем передачи информации им. А. А. Харкевича Российской академии наук. URL: http://itas2017.iitp.ru/media/papers/1570390944_k89pv8U.pdf [Дата посещения: 09.09.2017].

Берсенева А. 2015. Битва за высокий балл // Официальный сайт АО «Газета.Ру». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/06/11/6837493.shtml> [Дата посещения: 21.07.2017].

Восьмая всероссийская научно-практическая конференция по имитационному моделированию и его применению в науке и промышленности «Имитационное моделирование. Теория и практика». 2017 // Официальный сайт некоммерческого партнёрства «Национального общества имитационного моделирования». URL: http://simulation.su/static/ru-immod-2017.html?utm_source=AnyLogic+Newsletter&utm_campaign=5cdb212b23-EMAIL_CAMPAIGN_2017_10_10&utm_medium=email&utm_term=0_2961a0e400-5cdb212b23-44327657 [Дата посещения: 04.09.2017].

Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru> [Дата посещения: 16.09.2017].

Здравоохранение. 2017 // Официальный сайт The AnyLogic Company URL: <https://www.anylogic.ru/healthcare/> [Дата посещения: 11.09.2017].

Имитационное моделирование. История, принципы, примеры // Веб-сайт «Вспомогательной информации для студентов и школьников». URL: <https://ek-ek.jimdo.com> [Дата посещения: 03.09.2017].

Кряжев А. 2017. Эксперт: оценка качества образования не может быть основана только на ЕГЭ // Официальный сайт «РИА Новости». URL: https://ria.ru/sn_educ/20170905/1501806092.html [Дата посещения: 06.09.2017].

Лемуткина М. 2017. Минобрнауки не разрешит брать в вузы с ЕГЭ ниже 60 баллов // Официальный сайт ЗАО «Редакция газеты «Московский Комсомолец». URL: <http://www.mk.ru/social/2017/02/15/minobrnauki-ne-razreshit-brat-v-vuzy-s-ege-nizhe-60-ballovo.html> [Дата посещения: 10.02.2017].

Лычкина Н. Н. 2009. Ретроспектива и перспектива системной динамики. Анализ динамики развития // Бизнес-информатика. № 3. С. 55–67.

Модели системной динамики. 2009. // Официальный сайт Радиомастер.ру. URL: <http://radiomaster.ru/articles/view/262/> [Дата посещения: 01.09.2017].

Пинаева А. 2016. Имитационное моделирование: оптимизируем бизнес-процессы // Официальный сайт группы компаний «Современные технологии управления» URL: http://www.businessstudio.ru/articles/article/primeneniye_imitatsionnogo_modelirovaniya_na_prakti/ [Дата посещения: 10.09.2017].

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.

Системная динамика. 2005 // Официальный сайт «Проект HR-Portal». URL: <http://www.hr-portal.ru/article/sistemnaya-dinamika> [Дата посещения: 08.09.2017].

Системная динамика. Статьи экспертов и сотрудников фирмы ТОРА-Центр // URL: http://bigc.ru/publications/other/metodology/system_dinamic.php [Дата посещения: 11.09.2017].

Социальные процессы. 2017 // The AnyLogic Company. URL: <https://www.anylogic.ru/social-processes/> [Дата посещения: 11.09.2017].

Филипова А. Г., Еськова А. В. 2017. Прогнозные варианты развития системы «Социальный потенциал детства в регионе». О возможностях имитационного моделирования // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях. Материалы VII международной социологической Грушинской конференции. М.: АО ВЦИОМ. С. 90-93.

Филипова А. Г., Еськова А. В., Штефан Ч. А. 2017. Модель системной динамики «социальный потенциал региона» // Многомерные статистические модели и их применение в социологических исследованиях детства: Материалы Всероссийской молодёжной научной школы-конференции. Владивосток. Санкт-Петербург: Астерион. С. 236-242.

AnyLogic // Официальный сайт The AnyLogic Company URL: <https://www.anylogic.ru/use-of-simulation/> [Дата посещения: 08.09.2017].

Sterman J. 2000. Business Dynamics: Systems Thinking and Modeling for a Complex World.: McGraw Hill. 982 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.481

The Method for Imitation Model Structuring (Using the Unified State Exam Average Score in Russian Regions as an Example)

Filipova Alexandra Gennadievna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: alexgen77@list.ru

Vysockaya Alena Valerevna

Acting Head of the Department “Information Systems”, Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amure, Russia. E-mail: al-w-buaa@rambler.ru

Abstract. This article presents a method for modeling situations in terms of unified state exam average scores in Russian regions. A system dynamics approach was chosen out of three imitation-modeling approaches, which allows working with insufficient data, monitoring changes to the model in time, as well as constructing causations between various factors and evaluating the power of their mutual influences. Stages of work include substantiating the methodology of system dynamics, constructing a conceptual model of unified state exam average score system dynamics, simplifying the established model, determining the causations using mathematical and statistical methods, implementing the model within AnyLogic software environment, and playing out scenarios for its development. Using the language of imitation modeling allowed for expressing elements of the modeled system via pathways and means of storage. Unified state exam average scores were chosen as a means of storage, which links within itself resources of the general education system (personnel, technological, financial). Three levels of analysis were highlighted in the conceptual model: demographical, institutional, economic-infrastructure, and an according set of 17 control factors was created, which impact unified state exam performance (the target factor). The control factors within the system dynamics model were transformed into “pathways” and “parameters”. The 2013–2014 academic year was chosen as the observation period. Statistical data for examination was sourced from “Russian regions” compilations, the unified interagency information and statistical system (UIISS), as well as informational-analytical reports from regional information processing centers. The final sample is comprised of 78 Russian regions, while 5 constituent entities of the Russian Federation did not undergo any examination due to a lack of statistical data on various factors. Utilizing correlation and regression analysis methods allowed for reducing the amount of control factors to just three – the level of urban population, the amount of well-furnished schools and the amount of evening schools. These factors became the parameters which determine the pathways in the system dynamics model. The influence of the first two has a positive effect on the growth of a certain parameter in the pathway quality of the unified state exam average score. The third parameter generates a reverse direction pathway, which decreases the storage means’ value. According to the coefficients in the regressive equation, it has a stronger influence than the previous two. The “unified state exam average score in Russian regions” model which was constructed in AnyLogic includes one means of storage (unified state exam level), one parameter with an unregulated value (level of urban population), and two with regulated values (well-furnished school and evening schools levels). Two series of experiments were conducted within the software environment.

Keywords: General education, unified state exam, constituent entities of the Russian Federation, unified state exam average score, regional factors, imitation modeling, correlation analysis, regression analysis, system dynamics model, means of storage, pathways, parameters.

References

Bayazitov G. A., Gibadullin A. R. Modelirovaniye transportnykh resheniy [Modeling of transport decisions]. IPTI RAS Official website, 2011. URL: http://itas2017.iitp.ru/media/papers/1570390944_k89pv8U.pdf [date of visit: 09.09.17].

Berseneva A. Bitva za vysokiy ball [The battle for a high score]. The web portal Gazeta.Ru, 2015. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/06/11/6837493.shtml> [date of visit: 21.07.17].

Edinaya mezhvedomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema [Unique interdepartmental information and statistical system]. The web portal. URL: <https://fedstat.ru> [date of visit: 16.09.17].

Filipova A. G., Yes’kova A. V. Prognoznyye varianty razvitiya sistemy «Sotzial’ny potencial detstva v regione». O vozmozhnostiakh imitacionnogo modelirovaniya. [Forecasting options for the development of the system “Social Potential of Childhood in the Region”. On the possibilities of simulation modeling]. Navstrechu buduschemu. Prognozirovaniye v sotziologicheskikh issledovaniyakh. Materialy VII mezhdunarodnoy Grushinskoy konferentsii. Moscow, RCMPO publ., 2017, pp. 90–93.

Filipova A. G., Yes’kova A. V., Shtefan Ch. A. Model’ sistemnoy dinamiki «sotzial’nyy potencial regiona». [Model of system dynamics “social potential of the region”] Mnogomernyye statisticheskiye modeli i ikh primeneniye v sotziologicheskikh issledovaniyakh detstva. Vladivostok, 2017, pp. 236–242.

Imitacionnoye modelirovaniye. Istoriya, printsipy, primery [Imitative modeling. History, principles, examples]. Vspomogatel'naya informaciya dlia studentov i shkol'nikov. The website. URL: <https://ek-ek.jimdo.com> [date of visit: 03.09.17].

Kriazhev A. Expert: ocenka kachestva obrazovaniya ne mozhet byt' osnovana tol'ko na EGE [Expert: the evaluation of the quality of education can not be based solely on the USE]. RIA Novosti Official website, 2017. URL: https://ria.ru/sn_educ/20170905/1501806092.html [date of visit: 06.09.17].

Lemutkina M. Minobrnauki ne razreshit brat' v vuzy s EGE nizhe 60 ballov [The Ministry of Education and Science will not allow students to enter universities with an exam of less than 60 points]. Moskovskiy Komsomoletz Official website, 2017. URL: <http://www.mk.ru/social/2017/02/15/minobrnauki-ne-razreshit-brat-v-vuzy-s-ege-nizhe-60-ballov.html> [date of visit: 10.02.17].

Lychkina N. N. Retrospektiva i perspektiva sistemnoy dinamiki. Analiz dinamiki razvitiya [Retrospective and perspective of system dynamics. Analysis of the dynamics of development]. Biznes-informatika, 2009, no 3. pp. 55–67.

Materialy VIII vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Imitacionnoye modelirovaniye. Teoriya i praktika» [Working papers of the Eighth All-Russian Scientific and Practical Conference on Imitative Modeling and its Applications in Science and Industry Imitation Modeling. Theory and practice], 2017. The website [Simulation.su](http://simulation.su). URL: http://simulation.su/static/ru-immod-2017.html?utm_source=AnyLogic+Newsletter&utm_campaign=5cdb212b23-EMAIL_CAMPAIGN_2017_10_10&utm_medium=email&utm_term=0_2961a0e400-5cdb212b23-44327657 [date of visit: 04.09.17].

Modeli sistemnoy dinamiki [Models of system dynamics]. The website [Radiomaster.ru](http://radiomaster.ru), 2009. URL: <http://radiomaster.ru/articles/view/262/> [date of visit: 01.09.17].

Piniaeva A. Imitacionnoye modelirovaniye: optimiziruyem biznes-processy. [Imitative modeling: optimizing business processes]. “Sovremennyye tekhnologii upravleniya” Official website, 2016. URL: <http://www.businessstudio.ru/articles/article/primenenie-imitatsionnogo-modelirovaniya-na-prakti> [date of visit: 10.09.17].

Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskiye pokazateli 2015 [Regions of Russia. Socio-economic indicators 2015]. Moscow, Rosstat, 2016. 1326 p.

Sistemnaya dinamika [System dynamics]. The website HR-Portal, 2005. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/sistemnaya-dinamika> [date of visit: 08.09.17].

Sotzial'nyye processy [Social processes]. The AnyLogic Company Official website, 2017. URL: <https://www.anylogic.ru/social-processes/> [date of visit: 11.09.17].

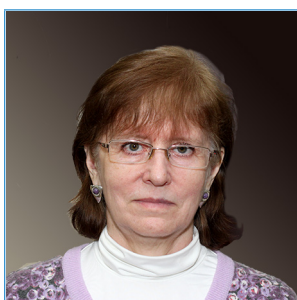
Sterman J. Business Dynamics: Systems Thinking and Modeling for a Complex World. McGraw Hill, 2000. 982 p.

The AnyLogic Company Official website. URL: <https://www.anylogic.ru/use-of-simulation> [date of visit: 08.09.2017].

Zdravookhraneniye [Health care] The AnyLogic Company Official website, 2017. URL: <https://www.anylogic.ru/healthcare> [date of visit: 11.09.17].

Экологическое образование в современной России

Экологическое образование и образование для устойчивого развития в российской школе: настоящее и будущее

Иванова Лариса Юрьевна –
кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник,
Сектор социальных проблем здоровья,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: Lariv2005@yandex.ru

Экологическое образование и образование для устойчивого развития в российской школе: настоящее и будущее

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.483

Аннотация. Позади десятилетие образования в интересах устойчивого развития. В России 2017 год объявлен Годом экологии, что и определяет актуальность рассматриваемого вопроса (история, состояние и перспективы школьного экологического образования и образования в интересах устойчивого развития (ОУР) в нашей стране). Состояние экологического образования неразрывно связано с отношением к экологической проблематике в обществе и государстве. На фоне внимания к экологическим вопросам в первой половине 90-х гг. предмет «Экология» был введён в школе как обязательный. Во второй половине 90-х гг. ситуация изменилась. На сегодня огромный багаж, накопленный ранее в области школьного экологического образования, фактически не востребован и используется только учителями-энтузиастами. Существует несоответствие между документами, утверждёнными на самом высоком уровне, и практикой экологического образования в нашей стране. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) выдвигают высокие требования к результатам образования в области экологической проблематики. Однако достижение этих результатов сомнительно. Не выстроена система экологизации школьных предметов. Предмет «Экология» является предметом по выбору в старших классах и не пользуется популярностью. По мнению экспертов, для полноценного экологического образования в школе необходим обязательный специальный предмет. Нужны, исследования эффективности различных образовательных программ и учебных пособий. В статье приводятся мнения экспертов (ведущих специалистов в области экологического образования) о его настоящем и перспективах, а также о вкладе семьи, СМИ, общественных организаций в экологическое просвещение.

Ключевые слова: экологическое образование, образование в интересах устойчивого развития (ОУР), экспертные мнения, социальные институты

В XX в. стало очевидным, что техногенная цивилизация не только стремительно меняет облик планеты, наращивая объём потребляемых ресурсов, но и увеличивает количество токсичных отходов, уничтожает экосистемы, ухудшая тем самым состояние окружающей среды и разрушая биосферу, что отрицательно влияет на качество жизни и здоровье людей. Осознание обострения противоречий между человеком и природой обусловило становление современного экологического образования и образования в интересах устойчивого развития (ОУР). В Декларации, принятой на первой Конференции ООН по проблемам окружающей среды (Стокгольм 1972 г.), отмечена важность ознакомления подрастающего поколения и взрослых с проблемами окружающей среды для её охраны и улучшения [Декларация Конференции... 1972].

Концепцию устойчивого развития предложила Международная комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР) в докладе «Наше общее будущее» (1987 г.), определив «устойчивое развитие» как отвечающее «потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [Наше общее... 1987].

Видный российский эколог В. И. Данилов-Данильян отмечает, что перевод *sustainable development* с английского на русский язык как устойчивое развитие часто критикуется, но важно договориться о содержании самого понятия, используя более точный перевод («непрерывно поддерживаемое долговременное развитие») для объяснения краткого термина [Устойчивое развитие... 2015: 25].

Идейные предпосылки Концепции устойчивого развития были заложены Римским клубом. Доклад «Пределы роста» показал ограниченность ресурсов планеты и стал основой для дискуссии по вопросам устойчивого состояния общества и поиска альтернативы безудержному росту – от роста к развитию. Основатель Римского клуба А. Печчеи считал, что надвигающаяся глобальная катастрофа антропогенного характера вызвана кризисом человека. Но этот кризис можно преодолеть, если люди научатся смотреть дальше интересов ныне живущих поколений, заботиться о будущем и будут готовы принять меры, которые обеспечат выживание человеческого сообщества. Вопрос изменения человека рассматривался как вопрос выживания – «измениться или исчезнуть» [Печчеи 1985: 241]. О сложности продвижения в направлении устойчивого развития предупреждали авторы знаменитой книги «За пределами роста» – «перейти к устойчивому миру возможно и, может быть, технически и экономически даже просто, но <...> как это пугающе сложно с политической и психологической точек зрения» [Медоуз 1994: 16].

Вторая конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) приняла «Повестку дня на XXI век», где формальное и неформальное образование названы незаменимыми факторами для решения проблем в области устойчивого развития [Повестка дня... 1992: раздел 36.3]. 2005 г. были объявлены ООН Всемирным десятилетием образования в интересах устойчивого развития. В 2005 г. Экономической комиссией ООН для Европы (ЕЭК ООН) была принята «Стратегия образования для устойчивого развития». В этом же году была принята «Национальная стратегия образования для устойчивого развития в Российской Федерации» [Национальная стратегия... 2005].

Позади десятилетие ОУР. 2017 г. объявлен в России Годом экологии. Это и определило интерес к вопросу состояния и перспектив экологического образования (ЭО) и ОУР в нашей стране. Автором была проанализирована научная литература, законодательство РФ, Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), в 2016 г. проведены глубинные интервью с ведущими экспертами в области школьного ЭО: А. Н. Захлебным, Н. М. Мамедовым, В. А. Самковой, С. В. Суматохиным¹.

История вопроса

В нашей стране ЭО в его современном понимании берёт свое начало в 70-е гг. XX в., когда под влиянием Стокгольмской Конференции ООН (1972 г.) в мире начинала осознаваться роль антропогенного фактора в деградации окружающей среды. В СССР точный перевод «environmental education» (образование в области окружающей среды) не получил распространения. Использовалось понятие «экологическое образование», «что не могло не сузить диапазон социоприродных систем и явлений, составляющих предмет учебной деятельности, в значительной степени связав его именно с экологией как естественнонаучной дисциплиной» [Ермаков, Суравегина 2005: 54]. Целью ЭО провозглашалось

¹ Анатолий Никифорович Захлебный – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, председатель научного совета по проблемам экологического образования при президиуме РАО, главный редактор журнала «Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы»; Низами Мустафаевич Мамедов – доктор философских наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук и Российской экологической академии, эксперт ЮНЕСКО, директор Института глобализации и устойчивого развития Академии МНЭПУ, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, соавтор учебника для старших классов по экологии и УР; Виктория Анатольевна Самкова – кандидат педагогических наук, редактор журнала «Биология в школе», автор учебников по окружающему миру, биологии, экологии; Сергей Витальевич Суматохин – доктор педагогических наук, профессор, главный редактор журнала «Биология в школе», соавтор учебника по экологии для старшекласников.

формирование ответственного отношения личности к природе. Эта формулировка была созвучна Декларации Стокгольмской Конференции, в которой подчёркнуто, что человек «несёт главную ответственность за охрану и улучшение окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений» [Декларация Конференции Организации Объединенных Наций...]. Развитию школьного ЭО в СССР способствовало создание концепции экологизации учебных дисциплин, методических основ внеклассной работы по экологии и охране природы, кроме того использовались традиционные формы работы с детьми: «природоохранные мероприятия, юннатские кружки, «зелёные» и «голубые» патрули» [Ермаков, Суравегина 2005: 54].

В 1994 г. на основании постановлений Правительства РФ (1993 г.) в учебный план для старших классов школ РФ как обязательный был введён курс «Экология». В середине 1990-х гг. требования к результатам ЭО были сформулированы во Временном государственном образовательном стандарте общего среднего образования (образовательная область «Экология»). В 1998 г. курс «Экология» для старших классов школ РФ был исключён из федеральной части учебных планов. Это произошло на фоне ослабления внимания к экологическим проблемам со стороны государства и общества. Во второй половине 1990-х гг. был понижен статус госструктур, занимавшихся природоохранными вопросами и способствовавших развитию ЭО¹: *«Сначала Министерство экологии преобразовали в Комитет. Через два года и его ликвидировали. Эти структуры влияли на экологическое образование»* (из интервью с Н. М. Мамедовым).

ЭО 1990-х гг. опиралось на серьёзную научно-методическую базу: *«Была фундаментальная школа с чёткой концепцией. Педагоги её понимали и могли по ней работать. Много делалось, чтобы обучить кадры на местах. Сейчас научно-методического ядра в центре нет, но выходцы из этой школы создают свои школы на местах. Так произошло в Нижнем Новгороде, в Ульяновске, в Иркутске, в Кемерово»* (из интервью с В. А. Самковой). В 1990-х гг. на русский язык переводились зарубежные учебные пособия по ЭО, разрабатывались курсы «Экологии». Большое внимание уделялось созданию интерактивных методик для работы со школьниками

¹ Государственный Комитет по охране природы СССР образован в 1988 г., Министерство экологии и природопользования РФ – в 1991 г. (до 25 декабря 1991 г. – РСФСР). На базе этого ведомства в 1992 г. образовано Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, которое в 1996 г. разделено на Государственный Комитет РФ по охране окружающей среды и Министерство природных ресурсов РФ (последнее создано на базе комитета РФ по водному хозяйству и Комитета РФ по геологии и использованию недр). В 2000 г. этому Министерству переданы функции, упразднённого Государственного Комитета РФ по охране окружающей среды, а также Рослесхоза, Роскомзема и Роскомгидромета. В 2008 г. на базе этого Министерства образовано Министерство природных ресурсов и экологии РФ. В настоящее время в РФ нет самостоятельного ведомства по охране окружающей среды или экологии.

(мониторинговая, исследовательская работа, проблемные ситуации, дискуссии, ролевые и деловые игры, в том числе игры, демонстрировавшие связь экономики, экологии и нравственности), а также «вопросам экологической безопасности, адаптации и здоровья школьников, в связи с состоянием окружающей среды» [Ермаков, Суравегина 2005: 54]. В наше время некоторые НКО используют экотропы в своей образовательной и просветительской деятельности [Актуализированные ценности... 2015: 122]. Методология и алгоритм создания экотроп как формы работы с детьми и подростками была разработана А. Н. Захлебным для школы ещё в прошлом веке [Захлебный 1996].

В Стратегии ЕЭК ООН для ОУР (2005 г.) отмечено, что ОУР продолжает формироваться как концепция, «охватывая связанные между собой экологические, экономические, и социальные проблемы. Она расширяет концепцию экологического образования (ЭО), которая во всё большей степени ориентируется на широкий круг вопросов развития» [Образование в интересах... 2005: 95]. Именно таким путём шло школьное ЭО России в 1990-х гг. По мнению экспертов, интерактивные методики, созданные в 1980-90-е гг., сейчас мало используются: *«Востребованы, но очень незначительно»* (из интервью с А. Н. Захлебным). *«То, что было наработано, используется фрагментарно, не системно, только учителями энтузиастами»* [из интервью с С. В. Суматохиным].

ЭО затрагивало вопросы социальной экологии и устойчивого развития, поэтому книги по ОУР начали выходить в России ещё до подписания Европейской стратегии (ЕЭК ООН) по ОУР и до начала десятилетия ОУР. К саммиту по устойчивому развитию в Йоханесбурге (2002 г.) по инициативе и под редакцией Н. М. Мамедова начали издавать серию книг «Образование для устойчивого развития». С 2002 по 2004 гг. вышло 6 книг.

Законодательство РФ и программные документы в области экологического образования и ОУР

В статье 71 Федерального Закона РФ «Об охране окружающей среды» (2002 г.) указано: «В целях формирования экологической культуры и профессиональной подготовки специалистов в области охраны окружающей среды устанавливается система всеобщего и комплексного экологического образования, включающая в себя общее образование, среднее профессиональное образование, высшее образование и дополнительное профессиональное образование» [Об охране окружающей среды...]. В 2008 г. Президент РФ Д. А. Медведев подписал Указ № 889, предписывающий «рассмотреть вопрос о включении в федеральные

государственные образовательные стандарты основного общего образования основ экологических знаний» [Указ Президента РФ...]. После этого «Министерство образования провело ряд всероссийских совещаний, посвящённых реализации этого Указа. Однако до сих пор ничего не изменилось» (из интервью с Н. М. Мамедовым). Утверждены и другие программные документы, касающиеся ЭО и ОУР. В Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утверждена Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г.) одним из направлений перехода названо «формирование эффективной системы пропаганды идей устойчивого развития и создание соответствующей системы воспитания и обучения» [Концепция перехода... 1996]. Однако Закон о переходе к устойчивому развитию «разрабатывался 23 года. Но после второго чтения не рассматривался. Лежит в архивах Думы» (из интервью с Н. М. Мамедовым). В Экологической доктрине Российской Федерации (одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г.) ЭО и просвещение рассматриваются в качестве средств реализации государственной политики в области экологии, отмечается необходимость создания «государственных и негосударственных систем непрерывного экологического образования и просвещения» [Экологическая доктрина...]. Формирование экологической культуры, развитие ЭО и воспитания, указаны в числе основных задач «Государственной политики в области экологического развития» (документ утверждён Президентом РФ 30 апреля 2012 г.) [Основы государственной политики... 2012]. К механизмам её реализации относится «обеспечение направленности процесса воспитания и обучения в образовательных учреждениях на формирование экологически ответственного поведения, в том числе посредством включения в федеральные государственные образовательные стандарты соответствующих требований к формированию основ экологической грамотности у обучающихся» [Основы государственной политики... 2012]. На третьем этапе реализации Национальной стратегии образования для устойчивого развития в РФ (до 2015 г. и далее) «Российская Федерация в целом и субъекты Федерации должны добиться существенного прогресса в осуществлении ОУР» [Национальная стратегия...2005].

Эксперты о вкладе семьи, СМИ, общественных организаций в экологическое просвещение и воспитание

В литературе по проблемам формирования экологической культуры внимание фокусируется на гармонизации отношений человека и природы, ответственном поведении, духовности. Однако современный человек разрушает природу, как

правило, не столько в индивидуальном общении с ней, сколько будучи включённым в производственный процесс, а также через потребление ресурсов и товаров массового спроса. Активность населения в сфере потребления всячески стимулируется.

На образование возлагаются очень большие надежды относительно изменения отношения людей к природе, формирования новой этики и культуры хозяйствования. Но только средствами школьного образования эти задачи решить невозможно в антиэкологичном социуме. В Экологической доктрине РФ в числе основных факторов деградации природной среды в стране указан «низкий уровень экологического сознания и экологической культуры населения страны» [Экологическая доктрина... 2002].

Интервью предусматривало вопросы о вкладе социальных институтов в экологическое просвещение и воспитание подрастающего поколения. Эксперты подтвердили предположение о том, что экологически грамотное поведение не всегда находит отклик в семьях школьников и даже у педагогов. *«По заказу организации “Чистая Москва” были разработаны модули для начальной и основной школы о важности раздельного сбора мусора. Изучался зарубежный опыт. Мы бесплатно раздавали тетрадки в школах, обучали. Столкнулись с негативным отношением родителей. Дети рассказывали о заданиях дома, взрослые говорили: не будем измерять количество разных отходов. Нам подарили видеоролик о запуске и работе мусоросортировочного завода по селективной обработке отходов в Липецке. Дети посмотрели. В комментариях один ребёнок сказал: как собирал мусор, так и буду собирать, а чтобы сортировать, у нас есть бомжи. На семью влиять сложно. Даже с подростками проще, потому что у них авторитет родителей несколько снижается, появляются референтные группы, значимые другие (взрослые, сверстники и т. д.). Они книги читают. Поэтому очень важно именно с подростками работать. Маленькие всё с удовольствием схватывают. Для них в первую очередь значимы родители и им больше всего бывает, когда дома их не поддерживают. Есть лекторий и всеобуч для родителей. Но пока это всё как-то не эффективно»* (из интервью с В. А. Самковой). Тем не менее, работа в этом направлении ведётся: *«Созданы не только учебники и рабочие тетради для детей, но и книга для семейного чтения»* (из интервью с А. Н. Захлебным).

Эксперты отметили деятельность общественных организаций в сфере образования. *«Мне кажется, что больше делается вне рамок формального образования. Это общественные объединения, молодёжные организации»* (из интервью с В. А. Самковой).

Просветительскую деятельность СМИ эксперты оценили крайне низко. Невнимание СМИ к тематике устойчивого развития – общемировая проблема: «Даже Конференция ООН «Рио+20», самый представительный форум за последние годы, осталась практически незамеченной для СМИ, а, следовательно, и для населения» [Устойчивое...2015: 208]. Для освещения в СМИ проблем устойчивого развития нужна соответствующая подготовка журналистов. Совсем недавно некоторые СМИ подвергали сомнению антропогенную природу парникового эффекта, связывая глобальное потепление с циклическими колебаниями температуры на планете. Сейчас в СМИ много говорится о развитии экотуризма, но не уделяется внимания самим экологическим проблемам. Для формирования экологической культуры подрастающего поколения образование должно дополняться массовым просвещением и системой экономических мер.

Состояние образования для устойчивого развития

Россия участвует в международных мероприятиях, связанных с ОУР. Эти мероприятия проводятся регулярно (Вильнюс 2005 г., Вена 2006, Белград 2007, Бордо 2008, Бонн 2009 и др.). В информации об участии России в Боннской конференции указано, что министр образования и науки РФ А. А. Фурсенко в своём выступлении «отметил преемственность ОУР и экологического образования в России» [Всемирная конференция... 2009]. В том же сообщении об этой конференции подчёркнута заинтересованность многих стран в партнёрстве с Россией в деле активизации продвижения ОУР: «Особенно востребован наш отечественный опыт развития экологического образования, успех которого общепризнан в мире, а также опыт его трансформации в собственно ОУР, накопленный нами в течение последнего десятилетия» [Всемирная конференция... 2009].

Мнения тех, кто делает акцент не на прошлом, а на состоянии ОУР в настоящем, отличается от официальной точки зрения. По данным международной оценки реализации задач Стратегии Европейской Экономической Комиссии (ЕЭК) для ОУР, Россия оказалась в последней из трёх групп стран [Черкашин, Уланова 2013]. Российские специалисты также отмечают, что «несмотря на ряд попыток внедрить образование для устойчивого развития... в школы РФ, оно не получило широкого распространения, и даже в течение Декады ООН не вышло за пределы единичных образовательных площадок и круглых столов на тематических конференциях» [Корякина 2014: 38]. Осведомлённость об ОУР низкая даже в педагогической среде.

«Мы опросили учителей, что такое образование в интересах устойчивого развития. Около 1% учителей ответили, что они об этом что-то слышали, остальные даже не слышали» (из интервью с А. Н. Захлебным). «Сейчас мало кто понимает, что такое ОУР. Получается, что традиции экологического образования порушили, а новое (ОУР) ещё не построили» (из интервью с В. А. Самковой). Цель ОУР «пока недостаточно осмыслена дидактически, планируемый результат с трудом поддаётся оценке, поскольку нет общепризнанных его показателей, а образовательный процесс остаётся малотехнологичным. Об этом неоднократно говорилось на различных профессиональных форумах последних лет, в том числе и организуемых ЮНЕСКО» [Захлебный 2014: 3].

Присоединение нашей страны к Европейской стратегии устойчивого развития предполагало подачу информационных отчётов о состоянии ОУР: *«В отчёте за 10-тилетие приводятся отдельные позитивные региональные примеры» (из интервью с Н. М. Мамедовым). Напрашивается вывод, что в России ОУР в рамках десятилетия не было организовано.*

По мнению экспертов, после присоединения РФ к Европейской стратегии в методическом обеспечении ЭО и ОУР мало что изменилось. *«Стратегия – это уровень идей. От идеи до её реализации должна быть проделана серьёзная работа: учебные планы, учебно-методическое сопровождение, учебники и так далее» (из интервью с С. В. Суматохиным). «Над методическим обеспечением ЭО и ОУР работают. Нужно отметить питерскую школу. Но этот опыт мало распространяется» (из интервью с В. А. Самковой).*

Социальные проблемы в образовании для устойчивого развития

В ОУР поднимаются вопросы диспропорции экономического развития и потребления в развитых и развивающихся странах. «Экологический след на душу населения в странах с высоким уровнем дохода значительно превосходит экологический след в странах со средним и низким доходом. В то же время индекс живой планеты в странах с высоким уровнем дохода с 1970 по 2008 гг. вырос на 7%. <...> это следствие того, что богатые страны имеют возможность импорта ресурсов из более бедных стран, способствуя тем самым деградации их биоразнообразия и одновременно снижая нагрузку на собственное биоразнообразие» [Доклад «Живая планета»... 2012].

В Стратегии ЕЭК ООН для ОУР в числе ключевых тем – сокращение масштабов нищеты, права человека, безопасность, справедливость [Образование в интересах... 2005: 95]. В рос-

сийском обществе нет консенсуса по проблемам справедливого общественного устройства, роскоши и нищеты. В стране растёт доля бедных. Экспертам задавался вопрос, насколько сложно в школе говорить об этих и других спорных вопросах: *«Почему-то терминологии устойчивого развития политики боятся. Возможно, одна из причин в том, что устойчивое развитие предполагает решение и социальных вопросов, а они не решаются. Оно предполагает социальную гармонию, экологизацию экономики и поддержание параметров биосферных процессов. Мы о двух последних проблемах говорим, но когда касаемся социальной гармонии, то сразу слышим, что это коммунистические, социалистические идеи. Причём тут коммунизм? Гармонизация общественных отношений – это ликвидация огромной дифференциации по доходам и уровню жизни между разными слоями населения»* (из интервью с Н. М. Мамедовым).

Что касается конфликтов, возникающих по поводу нарушения прав на экологически благоприятную среду одних граждан ради экономических интересов других, и соответствия этой проблематики возрастным возможностям старшеклассников, то здесь эксперты высказались за взвешенный подход: *«Мы должны показать, как должно быть на основе нашего законодательства, основного закона – Конституции»* (из интервью с Н. М. Мамедовым); *«Если говорить детям только о негативе, то будут суициды. Должен быть баланс: хорошее – плохое. Направление работы: нужно стараться избавляться от плохого и радоваться хорошему»* (из интервью с С. В. Суматохиным).

Экологическое образование и образование для устойчивого развития в государственном стандарте

ЭО и ОУР в школе регулируют Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) [Федеральный единый государственный... 2011; Федеральный единый государственный... 2010 (с изм. на 31 дек. 2015); Федеральный единый государственный... 2012]. Они внедряются постепенно. В 2011 г. первоклассники начали учиться по стандарту нового поколения. В 2015 г. начальная школа сделала первый выпуск по стандарту начального общего образования. В ФГОС для каждой ступени школы прописаны требования к результатам образования: предметным (по отдельным предметам), метапредметным (освоение межпредметных понятий, универсальных учебных действий и др.) и личностным. Это высокие требования. Кроме них в ФГОС для основного общего образова-

ния содержатся требования к результатам образования по естественно- и общественно-научным предметам. Причём по экологической тематике эти требования гораздо шире, чем к результатам изучения входящих в эти блоки предметов. В частности, изучение предметной области «Общественно-научные предметы» предусматривает такой результат образования, как «владение экологическим мышлением, обеспечивающим понимание взаимосвязи между социальными, экономическими и политическими явлениями, их влияния на качество жизни человека и качество окружающей его среды» [Федеральный единый государственный... 2010 (с изм. на 31 дек. 2015)]. Если проанализировать результаты изучения каждого из предметов этого блока (история, обществознание, география), то получается, что в рамках общественно-научных предметов сформировать экологическое мышление, как оно определено выше, не удастся. Прописаны отдельные моменты, тогда как формирование экологического мышления – это самостоятельная, очень сложная задача. Согласно ФГОС, изучение предметной области «Естественно-научные предметы» должно обеспечить осознание значимости концепции устойчивого развития, однако в самих предметах этой области такой результат не прописан [Федеральный единый государственный... 2010 (с изм. на 31 дек. 2015)].

Для разных учебных предметов существуют методические разработки, касающиеся экологической тематики. Однако на сегодня эти вкрапления в разные предметы не связаны в единое согласованное целое, направленное на достижение требований ФГОС. *«Такая задача не ставится, и сквозной интеграции нет. Каждый педагог говорит об этом второстепенно»* (из интервью с С. В. Суматохиным). Кроме уроков, в школе предусмотрена внеурочная деятельность. Но при сложившейся практике внеурочной деятельности не получится достичь тех требований к личностным результатам, которые прописаны в стандарте. *«Личностные требования формируются через учебное содержание и внеурочную деятельность. Последняя считается обязательной. Она задумывалась в рамках школы полного дня как комплекс школы, различные научные организации и учреждения дополнительного образования. Такой красивой картины пока не получается»* (из интервью с В. А. Самковой). Внеурочной деятельности отводится определённое количество часов. Это время используется не только для развития экологической культуры, но и для расширения кругозора по другим вопросам. Исследования показали снижение доли участия 11-классников в различных формах ЭО, кроме школьных, что объясняется нехваткой времени в связи с подготовкой к ЕГЭ, а «Экология» в ЕГЭ не входит [Ермаков 2016].

Изучение предметной области «Общественно-научные предметы» предусматривает такой результат образования как «владение экологическим мышлением, обеспечивающим понимание взаимосвязи между социальными, экономическими и политическими явлениями, их влияния на качество жизни человека и качество окружающей его среды».

В 2016 г. дети, которые с первого класса начали учиться по стандартам, пошли в 6-й класс. Требования ФГОС к результатам образования в средней школе как экологическое мышление и экосистемная познавательная модель недостижимы, если учитывать методическую необеспеченность их формирования (предметы, внеурочная деятельность) и доминирование ОГЭ (основной государственной экзамен) после 9-го класса и ЕГЭ (единый государственный экзамен) после 11 класса. Работа школы подчинена достижению лучших результатов по ОГЭ и ЕГЭ. Следовательно, для того, чтобы сформировать перечисленные качества в ОГЭ и ЕГЭ, нужно ввести соответствующие показатели. Кроме того, педагогам не очень ясен понятийный аппарат и как достичь результата: *«Комментарии, которые давались по пояснению таких понятий, как экологическая культура, экологическое воспитание, экосистемная познавательная модель, даются через ещё более сложные термины. Учителям очень сложно разобраться»* (из интервью с В. А. Самковой); *«Должен быть посредник, который переложит стандарт на понятный для учителей язык. А людей, которые это делают, очень мало. Их не хватает. Эта проблематика не входит в госзаказы»* (из интервью с А. Н. Захлебным).

В старшей школе один из личностных результатов образования – «сформированность экологического мышления, понимания влияния социально-экономических процессов на состояние природной и социальной среды; приобретение опыта эколого-направленной деятельности» [Федеральный... 2012]. Сегодня вышеупомянутый личностный результат освоения среднего (полного) общего образования недостижим для большинства обучающихся, т. к. «Экология» – это предмет по выбору (из естественно-научных дисциплин старшеклассники должны выбрать определённое количество предметов). Результаты опроса школьников показали, что изучать «Экологию» хотят 46% опрошенных, «что примерно соответствует доле учащихся, занимающихся в разных формах внеурочной работы и внешкольных занятий экологической направленности (59% в разных регионах)» [Захлебный, Дзятковская 2013: 23].

Низкий интерес к курсу «Экология» закономерен при недостаточном внимании государства, общества и СМИ к вопросам сохранения природы и к проблеме устойчивого развития. Видный российский эколог А. В. Яблоков называет государственную политику в сфере экологии политикой деэкологизации – «обеспечения инвестиционной привлекательности за счёт снижения природоохранных требований» [Яблоков 2012].

Эксперты отмечают, что прописанные в ФГОС личностные характеристики и метапредметные результаты трудно измерить. В отсутствие измерителей заложен-

Низкий интерес к курсу «Экология» закономерен при недостаточном внимании государства, общества и СМИ к вопросам сохранения природы и к проблеме устойчивого развития.

ные в стандарте требования воспринимаются как идеал, как некая абстракция: «Старшая ступень школы предусматривает с 2020 г. ввести курс “Экология” как обязательный учебный предмет. И нигде не записано, что при этом требуется спросить с ученика. А если этого требования нет, то это никто и не делает». Работа школы в области экологического образования также не контролируется: *«Было постановление – приказ Министерства, касающийся показателей оценки работы образовательной организации, за что они отчитываются. Про экологическое образование ни слова»* (из интервью с А. Н. Захлебным).

Некоторые авторы приводят анкеты, диагностирующие экологическую культуру, однако трудно согласиться, что используемые индикаторы характеризуют это качество личности. Скорее, изучаются некоторые показатели экологического сознания [Глазачев, Косоножкин 2009; Гагарин 2011]. Главным показателем экологической культуры является поведение. Однако вербальные самоотчёты ненадежный источник информации, если от ответов зависит аттестация обучающихся.

Один из экспертов считает, что *«в документах ФГОС на всех ступенях школы предусмотрена “сквозная” программа формирования экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни с начальной школы, через основную и старшую ступень»* (из интервью с А. Н. Захлебным). Другие эксперты критикуют ФГОС за то, что в них экологическим знаниям не уделено должного внимания: *«Сейчас ФГОС не обеспечивает освоение экологических знаний на должном уровне, не соответствует ни интересам народа, ни интересам государства, ни будущему»* (из интервью с Н. М. Мамедовым.) Знания могут мотивировать человека на экологическую деятельность. Требования к ним содержались в разработанных в конце 1990-х гг. временных государственных стандартах. В 2020 г. 10-е классы начнут учиться по стандартам нового поколения для старших классов. Есть время, чтобы внести коррективы в ФГОС для старшей ступени школы.

В основе Стандарта лежит системно-деятельностный подход. Известный психолог А. Г. Асмолов отмечает, что это и отличает стандарты нового поколения, в то время как «все предшествующие поколения стандартов основаны на ЗУНовском, или, как психологи говорят, дрессурном, бихевиористском подходе» [Асмолов 2009: 19]. С этим трудно согласиться, передача знаний в рамках предыдущих стандартов не была столь примитивной. Развивалась логика, умение анализировать проблемы и другие навыки. Критики стандартов второго поколения, ссылаясь на международный контекст, отмечают, что за рубежом стандарты направлены именно на повышение качества предметного обучения. Они

акцентируют внимание на том, что компетентностный подход (или над- и межпредметные умения) заимствован у стран, лидеров современного образования, где эти вещи понятны каждому (владение языком, понимание мыслей других, умение выразить свои и т. д.) [Загвоздкин 2009].

Идеальным вариантом будущего эксперты считают непрерывное ЭО. Предпочтение отдаётся отдельному предмету. Как обязательный предлагается интегрированный курс «Экология и безопасность жизнедеятельности»: *«В курсе “Экология и безопасность жизнедеятельности” рассматриваются вопросы устойчивого развития. Курс имеет модульный принцип построения. Он состоит из 6-ти модулей. 6-й модуль полностью посвящён вопросам устойчивого развития и построен на основе этой концепции»* (из интервью с А. Н. Захлебным). Такой курс близок выделенным в отдельную группу в ФГОС предметам: Экология, ОБЖ, Физкультура. Но есть и другое мнение: *«Экология – это наука и интегрированная дисциплина. Как её интегрировать с физкультурой и ОБЖ? ОБЖ – это выживание в ситуации загрязнения и в ситуации террора»* (из интервью с В. А. Самковой). Вопрос о содержании курса «Экология» обсуждается: *«Идёт дискуссия о том, какой должна быть “Экология” для 1011 классов. Сейчас это дисциплина по выбору. Есть учебники. Разрабатывается примерная программа. Нет единого мнения относительно того, сколько в ней должно быть естественнонаучной, а сколько гуманитарной составляющей»* (из интервью с С. В. Суматохиным). В предполагаемом предмете фундамент должны составлять знания по экологии, включая социальную экологию и сферу устойчивого развития, что является когнитивным компонентом экосистемного мышления и экологической культуры. Базовые знания по экологии нужны, чтобы уметь прогнозировать отдалённые последствия человеческой деятельности. Последнее, в свою очередь, необходимо для сохранения биосферы как среды обитания ныне живущих и будущих поколений.

Мнения экспертов о том, в каком классе преподавать специальный предмет в рамках ЭО, разделились: *«Если нет непрерывного экологического образования, то нужен интегративный предмет в 10–11 классах»* (из интервью с Н. М. Мамедовым): *«Старшеклассники заняты выбором профессии, подготовкой к ЕГЭ. Поэтому экологическое образование должно быть в основной школе с пятого класса, а в 10–11 классах это может быть предмет по выбору. В ЕГЭ должен быть продуман результат на выходе»* (из интервью с С. В. Суматохиным); *«Предмет “Экология” особенно нужен на завершающем этапе. Их два – на уровне основной и на уровне старшей школы»* (из интервью с В. А. Самковой).

Для ЭО и ОУР важна экологизация школьных предметов. В своё время российские теоретические разработки по этому вопросу получили международное признание. Для их распространения в 1996 г. ЕС предложил и поддержал издание специального сборника, который перевели на французский язык, а с французского на испанский и турецкий языки. Спустя 7 лет в России вышло дополненное издание [Устойчивое развитие и... 2003]. Экологизация отдельных дисциплин осложняется тем, что предполагает экологический всеобуч педагогов, преподающих эти предметы. Соответственно, нужны стандарты экологических знаний для выпускников педагогических вузов. Кроме того, экологизация требует введения показателей для контроля работы учителя. Но даже при выполнении этих условий нужен отдельный предмет как звено, связывающее в единое целое знания школьников в области экологии и устойчивого развития, которые содержатся в других предметах: *«Мы даём экологические знания в разных предметах, но должно быть что-то, что сводит всё и интегрирует знания воедино. Иначе в голове у ребёнка всё как-то разбросано»* (из интервью с В. А. Самковой).

Ввести новую дисциплину крайне трудно. Традиционно между предметниками идёт борьба за часы. Отсутствие консенсуса о содержании и объёме времени, отводимом предмету «Экология», облегчило задачу его исключения из федерального компонента в 1998 г. Биологи и географы считали, что этот предмет не нужен, что можно дать необходимые экологические знания в их дисциплинах, если добавить по два-три урока с соответствующей тематикой. С того времени минуло два десятилетия. Нарастает глобальный экологический кризис. Социальная экология развивается как наука. Концепция устойчивого развития получила продолжение и конкретизацию в Концепции перехода к «зелёной экономике»: *«Однако в последнем “Законе об образовании РФ” нет слов “экология” и “устойчивое развитие”. В “Закон об образовании РФ” нужно ввести положение об экологическом образовании, об обязательности интегративного предмета “Экология”»* (из интервью с Н. М. Мамедовым).

На федеральном уровне ЭО в старшей школе фактически нет. Согласно ФГОС, у регионов есть право разрабатывать программы ЭО, учитывающие региональную специфику. Экологическая культура субъекта предполагает грамотное поведение в разных географических зонах и в условиях разных экосистем. В России несколько климатических зон. Транспортные средства обеспечивают мобильность населения. Молодому поколению предстоит жить в условиях глобализации. Поэтому основная образовательная программа федерального обязательного предмета по экологии должна

быть универсальной, а региональный модуль – дополнением к ней. У регионов разные финансовые возможности, разный потенциал специалистов в области экологического образования и разная экологическая культура руководителей: *«Все разработки в регионах разрознены. Активнее всего учёные и практики там, где работают ученики Суравегиной и где тяжёлая экологическая ситуация»* (из интервью с В. А. Самковой).

Европа с высокой плотностью населения и концентрацией производства вынуждена заниматься экологией и ОУР. В российской экономике большую роль играет добывающий комплекс, оказывающий особенно негативное воздействие на окружающую среду. Ситуация в российском ЭО напоминает 90-е гг. Специалисты спорят о его будущем. Мнения расходятся. Споры могла бы разрешить экспертиза эффективности образования по разным программам и учебникам. Для развития ЭО и ОУР нужен научно-методический центр, который бы анализировал и обобщал региональные разработки, организовывал обмен ими при соблюдении центром авторских прав создателей программ и методик, занимался бы фундаментальными вопросами ЭО: *«По уставу новой Российской академии образования (РАО) её основная функция – экспертиза учебных материалов. После реорганизации РАО разработки ведут оставшиеся институты, которые вошли в структуру Министерства образования и науки РФ. Министерство, будучи практико-ориентированным, заинтересовано в разработке прикладных вопросов. Однако чтобы разработать, например, экологическое мышление, нужно понять теорию этого вопроса»* (из интервью с А. Н. Захлебным).

На вопрос о том, разработаны ли в помощь учителю компьютерные программы, позволяющие в условиях школы моделировать хозяйственную деятельность в своём районе (население, потребление, производство, соотношение потребления местных и внешних ресурсов, ориентация на устойчивое развитие), одна из экспертов ответила: *«Очень интересно работали в Екатеринбурге. Я не знаю, на каком сейчас это уровне. Там работали программисты, создавали для школы программы, которые позволяли моделировать какие-то ситуации»* (из интервью с В. А. Самковой). Однако многие специалисты об этих разработках ничего не знают.

Заключение

Состояние ЭО неразрывно связано с отношением к экологической проблематике в обществе и государстве. На фоне внимания к экологическим вопросам в первой

половине 1990-х гг. предмет «Экология» был введён в школе как обязательный. Во второй половине 90-х гг. ситуация изменилась. На сегодня огромный багаж, накопленный ранее в области ЭО, фактически не востребован и используется только учителями-энтузиастами. Существует несоответствие между документами, утверждёнными на самом высоком уровне, и практикой ЭО и ОУР в нашей стране. В ФГОС основного общего образования введены основы экологических знаний, выдвигаются высокие требования к результатам образования в этой области. Но на сегодня метапредметные и личностные требования, касающиеся проблем экологии, не подкреплены требованиями к конкретным дисциплинам и внеурочной деятельностью, соответственно недостижимы (например, формирование экологического мышления). Нет системы экологизации школьных предметов. Предмет «Экология» является предметом по выбору в старших классах и не пользуется популярностью. По мнению экспертов, для полноценного ЭО в школе необходим обязательный предмет, раскрывающий проблемы взаимодействия общества и природы, решающий задачи ОУР. Нужны, исследования эффективности различных образовательных программ и учебных пособий. В Год экологии особенно важно, чтобы специалисты и общественность проявили интерес к вопросам экологического просвещения населения, к предложениям и проектам по развитию школьного ЭО и ОУР, к содержанию предмета «Экология».

Библиографический список

Актуализированные ценности современного российского общества. 2015 / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с. Официальный сайт ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4061> [Дата посещения: 26.12.2016].

Асмолов А. Г. 2009. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. № 4. С. 18–22.

Всемирная конференция ЮНЕСКО по образованию для устойчивого развития. 2009. URL: http://www.geogr.msu.ru/hesd/docs/conf_UNESCO.pdf. [Дата посещения: 26.12.2016].

Гагарин А. В. 2011. Экологическая компетентность личности: психолого-акмеологическое исследование. М.: Российский университет дружбы народов. 158 с.

Глазачев С. Н., Косоножкин В. И. 2009. Введение в экологию. Образовательный модуль: учеб.-метод. материалы для студентов. Кн. 2. Социальная экология. Концепция устойчи-

На фоне внимания к экологическим вопросам в первой половине 1990-х гг. предмет «Экология» был введён в школе как обязательный. Во второй половине 90-х гг. ситуация изменилась. На сегодня огромный багаж, накопленный ранее в этой области, фактически не востребован и используется только учителями-энтузиастами.

вого развития. Устойчивое развитие России. Оценка экологической опасности. Оценка качества окружающей среды. М.: Изд-во МГОУ. 109 с.

Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. 1972 // Веб-сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml [Дата посещения: 26.12.2016].

Доклад «Живая планета 2012 г.» Как спасти Землю? 2012. URL: <http://www.km.ru/nauka/2012/06/08/doklad-zhivaya-planeta-2012-kak-spasti-zemlyu> [Дата посещения: 26.12.2016].

Ермаков Д. С. 2016. Экологическая грамотность учащихся: теория и практика // Биология в школе. № 5. С. 52–59.

Ермаков Д. С., Суравегина И. Т. 2005. Экологическое образование: от изучения экологии – к решению экологических проблем: монография. Новомосковск: НФ УРАО. 142 с.

Загвоздкин В. 2009. О стандартах второго поколения // Народное образование. № 7. С. 9–20.

Захлебный А. Н. 1986. На экологической тропе: (опыт экол. воспитания). М.: Знание. 77 с.

Захлебный А. Н. 2014. Перспективы развития экологического образования в России во втором десятилетии XXI века // Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы. № 4. С. 3–7.

Захлебный А. Н., Дзятковская Е. Н. 2013. Проектируем курс «Экология» для старшей ступени школы // Экологическое образование для устойчивого развития: теория и педагогическая реальность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (31 окт.–1 нояб. 2013 г.). Нижний Новгород: НГПУ. С. 20–27.

Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. 1996. // Веб-сайт «Гарант». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9017665> [Дата посещения: 26.12.2016].

Корякина Н. И. 2014. Школа устойчивого развития: проблемы и перспективы // Бюллетень Центра экологической политики России и института устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации «На пути к устойчивому развитию». № 67. С. 3844. URL: http://www.ecopolicy.ru/upload/File/Bulletins/B_67_all.pdf [Дата посещения: 9.01.2017].

Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й. 1994. За пределами роста: предотвратить глобальную катастрофу. Обеспечить устойчивое будущее : учеб. пособие / Под ред. Г. А. Ягодина. М.: Прогресс, Пангея. 302 с.

Национальная стратегия образования для устойчивого развития в РФ. 2005 // UNECE. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/esd/Implementation/NAP/RussianFederationNS.r.pdf> [Дата посещения: 26.12.2016].

Наше общее будущее. 1987 // Устойчивое развитие. URL: <http://устойчивоеразвитие.рф/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf> [Дата посещения: 9.01.2017].

Об охране окружающей среды (с изм. на 3 июля 2016 г.) // Веб-сайт «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901808297> [Дата посещения: 26.12.2016].

Образование в интересах устойчивого развития в международных документах и соглашениях. М.: ЭКО-Согласие, 2005. URL: http://www.ecoaccord.org/edu/edu_docs_ru.pdf [Дата посещения: 9. 01.2017].

Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 г. 2012 // Веб-сайт «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70169264/> [Дата посещения: 26.12.2016].

Печчеи А. 1985. Человеческие качества / Общ. ред. и вступ. ст. Д. М. Гвишиани. М.: Прогресс. 312 с.

Повестка дня на XXI в. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // Веб-сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21 [Дата посещения: 26.12.2016].

Указ Президента РФ от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» // Веб-сайт «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/193388/> [Дата посещения: 26.12.2016].

Устойчивое развитие: новые вызовы: учебник для вузов / Под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М.: Аспект Пресс, 2015. 334 с.

Устойчивое развитие и экологизация школьного образования / Сост. и отв. ред. Н. М. Мамедов. М.: Ступени, 2003. 283 с.

Федеральный единый государственный образовательный стандарт начального общего образования (14 кл.). 2011. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/922> [Дата посещения: 26.12.2016].

Федеральный единый государственный образовательный стандарт основного общего образования 2010 (с изм. на 31 декабря 2015 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902254916> [Дата посещения: 26.12.2016]; <http://base.garant.ru/55170507/> [Дата посещения: 26.12.2016].

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (1011 кл.) 15 июня 2012 г. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2365> [Дата посещения: 26.12.2016].

Черкашин А. А., Уланова О. В. 2013. Экологическое образование в России в рамках концепции устойчивого развития // Веб-сайт «ЭКА». URL: <http://ecamir.ru/experts/Ekologicheskoe-obrazovanie-v-Rossii-v-ramkah-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya.html/> [Дата посещения: 26.12.2016].

Экологическая доктрина Российской Федерации. 2002 // Веб-сайт НП «ЮНЕПКОМ». URL: <http://www.unepcom.ru/publications/eco-doctrina> [Дата посещения: 26.12.2016].

Яблоков А. В. 2012. «Зеленое» движение и экологические проблемы России // Астраханский вестник экологического образования. № 2. Веб-сайт «Зеленое» движение и экологические проблемы России. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zelenoe-dvizhenie-i-ekologicheskie-problemy-rossii> [Дата посещения: 26.12.2016].

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.483

Ecological Studies and Education in the Name of Stable Development in Russian Schools: Present and Future

Ivanova Larisa Yurievna

Candidate of Pedagogical Sciences, leading research fellow, Department of social problems of health, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: Lariv2005@yandex.ru

Abstract. A decade of education in the interest of stable development has passed. The year 2017 has been declared the year of ecology in Russia, which defines the relevance of the issue in question (the history, state and prospects for ecological studies and education in the interest of stable development in our country's schools). The situation with ecological studies is inseparable from attitudes towards ecological issues in society and in the state. Given the attention drawn to ecological issues in the early 1990's, "ecology" was introduced in schools as a mandatory subject. However, the situation changed in the late 90's. Today that vast bulk previously collected in the field of ecological studies at schools is practically useless and is utilized only by especially enthusiastic teachers. There is a discrepancy between documents authorized at the highest possible level and ecological study practices in our country. Federal state education standards put forward lofty demands when it comes to results in education on ecological issues. However, it is uncertain whether these results are achievable. There is no system for ecologizing subjects in schools. The very subject "ecology" is merely optional in high-school and is not very popular. Experts assume that a specialized mandatory course is needed in order to conduct proper ecological studies at schools. Also needed are evaluations of the effectiveness of various educational programs and textbooks. This article cites experts' opinions (given by the leading specialists in the field of ecological studies) concerning its present state and future prospects, as well as the contribution of family, mass-media, public organizations and environmental awareness.

Keywords: Ecological studies, education in the interest of stable development, experts' opinions, social institutions.

References

Aktualisirovannye cennosti sovremennogo rossiyskogo obschestva [The updated values of modern Russian society]. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015. 273 p. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4061> [date of visit: 26.12.16].

Asmolov A. G. Sistemno-deyatelnostny podhod k razrabotke standartov novogo pokoleniya [System-activity approach to the development of new generation standards]. Pedagogika, 2009, no 4, pp. 18–22.

Cherkashin A. A., Ulanova O. V. *Ecologicheskoe obrazovanie v Rossii v ramkakh konceptsii ustoychivogo razvitiya* [Ecological education in Russia within the framework of the sustainable development concept]. The EKA Official website, 2013. URL: <http://ecamir.ru/experts/Ekologicheskoe-obrazovanie-v-Rossii-v-ramkah-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya.html> [date of visit: 26.12.16].

Conceptsiya perekhoda Rossiyskoy Federacii k ustoychivomu razvitiyu 1996 [The concept of the Russian Federation's transition to sustainable development]. The website «Garant». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9017665> [date of visit: 26.12.16].

Deklaratsiya Conferencii OON po problemam okruzhayushey cheloveka sredy 1972 [Final Declaration of the UN Conference on Environmental Problems 1972]. The UN Official website. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml [date of visit: 26.12.16].

Ecologicheskaya doktrina Rossiyskoy Federacii 2002 [Ecological doctrine of the Russian Federation 2002].

Ermakov D. S. *Ecologicheskaya gramotnost' uchashchihsia: teoriya i praktika* [Environmental literacy of students: theory and practice]. *Biologiya v shkole*, 2016, no 5, pp. 52–59.

Ermakov D. S., Suravegina I. T. *Ecologicheskoe obrazovanie: ot izucheniya ekologii – k resheniyu ekologicheskikh problem* [Ecological education: from studying ecology to solving environmental problems]. Novomoskovsk, NF URAO, 2005. 142 p.

Federal'ny ediny gosudarstvenny obrazovatel'ny standart nachal'nogo obshchego obrazovaniya (1–4 kl.) [Federal state educational standard of primary (full) general education], 2011. Russian Ministry of Education and Science Official website. URL: <http://minobrnauki.rf/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/922> [date of visit: 26.12.16].

Federal'ny ediny gosudarstvenny obrazovatel'ny standart osnovnogo obshchego obrazovaniya 2010 [Federal Unified State Educational Standard of Basic General Education].

Federal'ny gosudarstvenny obrazovatel'ny standart srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya (10–11 kl.) [Federal state educational standard of secondary (complete) general education]. 2012.

Gagarin A. V. *Ecologicheskaya kompetentnost' lichnosti: psikhologo-akmeologicheskoe issledovanie* [Ecological competence of a person: psychological and akmeological research]. Moscow, RUPF publ., 2011. 158 p.

Glazachev S. N., Kosonozhkin V. I. *Vvedenie v ekologiyu. Obrazovatel'ny modul'* [Introduction to ecology. Educational module]. Vol. 2. Moscow, MSUE publ., 2009. 109 p.

Koriakina N. I. *Shkola ustoychivogo razvitiya: problemy i perspektivy* [School for sustainable development: problems and perspectives] *Biulleten' Centra ekologicheskoy politiki Rossii i instituta ustoychivogo razvitiya Obschestvennoy palaty RF «Na puti k ustoychivomu razvitiyu»*, 2014, Vol. 67, pp. 38–44. URL: http://www.ecopolicy.ru/upload/File/Bulletins/B_67_all.pdf [date of visit: 9.01.17].

Medouz D. H., Medouz D. L., Randers Y. *Za predelami rosta: predotvratit' global'nuyu katastrofu. Obespechit' ustoychivoe budushee* [Beyond the limits of growth]. Moscow, Progress, Pangeya, 1994. 302 p.

Nacional'naya strategiya obrazovaniya dlia ustoychivogo razvitiya v RF 2005 [National Strategy of Education for Sustainable Development in the Russian Federation]. UNECE Official website. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/esd/Implementation/NAP/RussianFederationNS.r.pdf> [date of visit: 26.12.16].

Nashe obshchee budushee (doklad Mezhdunarodnoy komissii po okruzhayushchey srede i razvitiyu) [Our mutual future]. The website “Ustoychivoe razvitie”. URL: <http://устойчивоеразвитие.рф/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf> [date of visit: 9.01.2017].

Obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya v mezhdunarodnykh dokumentakh i soglasheniyakh [Education for sustainable development in international documents and agreements]. EKO-Soglasie Official website, 2005. URL: http://www.ecoaccord.org/edu/edu_docs_ru.pdf [date of visit: 9. 01.17].

Osnovy gosudarstvennoy politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federacii do 2030 goda [Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation until 2030]. The website «Garant». URL: <http://base.garant.ru/70169264/> [date of visit: 26.12.2016].

Pechchei A. Chelovecheskie kachestva [Human qualities]. Moscow, Progress, 1985. 312 p.

Povestka dnia na XXI v. [Agenda XXI]. UN Conference working papers. The UN Official website. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21 [date of visit: 26.12.16].

Ukaz Prezidenta ot 24.06.2008 no 889 "O nakotorykh merakh po povysheniyu energeticheskoy i ekologicheskoy effektivnosti rossiyskoy ekonomiki" [Decree of the President of the Russian Federation of June 4, 2008, No. 889 "On Some Measures to Improve the Energy and Ecological Efficiency of the Russian Economy"]. The website «Garant». URL: <http://base.garant.ru/193388/> [date of visit: 26.12.2016].

Ustoychivoe razvitie i ekologizatsiya shkol'nogo obrazovaniya [Sustainable development and ecologization of school education]. 2003. Sost. i otv. red. N. M. Mamedov. M.: Stupeni. 283 p.

Ustoychivoe razvitie: novye vyzovy [Sustainable development: new challenges]. Ed. by V. I. Danilov-Danil'yan, N. A. Piskulova. Moscow, Aspekt Press, 2015. 334 p.

Yablokov A. V. «Zelionoe» dvizhenie i ekologicheskie problemy Rossii ["Green" movement and environmental of Russia]. Astrakhansky vestnik ekologicheskogo obrazovaniya, 2012, no 2, pp. 106–110.

Zagvozdkin V. O standartakh vtorogo pokoleniya [On standards of second generation]. Narodnoe obrazovanie, 2009, no 7, pp 9–20.

Zakhlebny A. N. Na ekologicheskoy trope: (opyt ekologicheskogo vospitaniya) [On the ecological path: (experience of ecological education)]. Moscow, Znanie, 1986. 77 p.

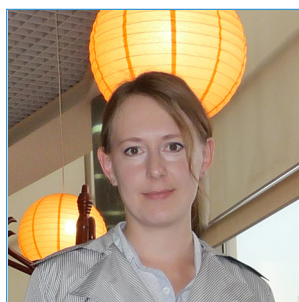
Zakhlebny A. N. Perspektivy razvitiya ekologicheskogo obrazovaniya v Rossii vo vtorom desyatiletii XXI veka [Prospects for the development of environmental education in Russia in the second decade of the 21st century]. Ekologicheskoe obrazovanie: do shkoly, v shkole, vne shkoly, 2014, no 4, pp. 3–7.

Zakhlebny A. N., Dzyatkovskaya E. N. Proektiruem kurs «Ecologiya» dlia starshey stupeni shkoly. Ekologicheskoe obrazovanie dlia ustoychivogo razvitiya: teoriya i pedagogicheskaya real'nost' [We design the course "Ecology" for the senior school level]. Nizhny Novgorod, NSPU, 2013, pp. 20–27.

Zhivaya planeta 2012. Kak spasti Zemliu? [Live Planet. How to Save the Earth?] The website km.ru., 2012. URL: <http://www.km.ru/nauka/2012/06/08/doklad-zhivaya-planeta-2012-kak-spasti-zemlyu> [date of visit: 26.12.16].

Экологическое образование в современной России

Экологические компетенции в структуре образовательных программ высшей школы

Орешкина Татьяна Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Email: t.a.oreshkina@urfu.ru

Экологические компетенции в структуре образовательных программ высшей школы

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.484

Аннотация. В статье анализируются понятия «экологическая компетенция» и «экологическая компетентность», доказывается, что экологическая компетенция относится к общекультурным компетенциям выпускников высшей школы. Она обеспечивает у выпускника способность оценивать результаты и последствия своей деятельности с точки зрения биосферосовместимости или минимизации вреда природе, понимание сущности природных пределов современного социально-экономического развития и причины экологического кризиса. Экологические дисциплины должны отражать системное понимание места человека в глобальной экосфере, анализировать хозяйственную деятельность как часть биосферы, межуровневые взаимодействия в мировой, государственной и общественной экологической политике. Цель экологических дисциплин – формирование у бакалавров базовых представлений о современной системе экологических дисциплин и сущности природных пределов современного социально-экономического развития. Накопление знаний о системе взаимоотношений человека с окружающей средой является первым этапом формирования экологической культуры, поэтому образовательные программы высшей школы должны содержать экологические дисциплины. Анализируется объём экологических дисциплин в образовательных программах вуза на примере Уральского федерального университета. Максимальное количество экологических дисциплин представлено в группе технических специальностей, большинство образовательных программ по направлениям подготовки «Науки об обществе» и «Гуманитарные науки» не содержат основ экологии. Описано, почему не существует формальных препятствий для включения экологических дисциплин в образовательные программы бакалавриата, рассматриваются проблемы экологического образования в высшей школе. Обосновывается необходимость массового экологического образования как первого этапа формирования экологической культуры населения.

Ключевые слова: экологическое образование, экологическая компетенция, высшая школа, охрана окружающей среды, экологическая культура

В апреле 2017 г. Президент России утвердил Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Согласно этой стратегии, состояние окружающей среды на территории, где проживает основная часть населения страны, является неблагоприятной. Целями государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности являются сохранение и восстановление природной среды, поддержание качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики, ликвидация накопленного вреда окружающей среде. Заявлено, что 3–4% ВВП страна теряет вследствие нерешённых экологических проблем.

Экологически устойчивое развитие в Российской Федерации невозможно без изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, экологическое развитие основано на реализации экологической политики государства, главная задача которой – формирование экологической культуры и развитие экологического образования и воспитания.

Согласно государственной стратегии «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года», одной из основных задач государственной политики в области экологического развития выступает формирование экологической культуры, развитие экологического воспитания и образования. В качестве основных механизмов реализации поставленных в документе задач предусмотрены: «Формирование у всех слоёв населения, прежде всего у молодёжи, экологически ответственного мировоззрения; включение вопросов охраны окружающей среды в новые образовательные стандарты; обеспечение направленности процесса воспитания и обучения в образовательных учреждениях на формирование экологически ответственного поведения, в том числе посредством включения в федеральные государственные образовательные стандарты соответствующих требований к формированию основ экологической грамотности у обучающихся; государственная поддержка деятельности образовательных учреждений, осуществляющих обучение в области охраны окружающей среды...; включение вопросов формирования экологической культуры, экологического образования и воспитания в государственные, федеральные и региональные программы»¹.

В декабре 2016 г. Владимир Путин поручил Правительству РФ разработать программу включения в федеральные государственные образовательные стандарты требований к освоению базовых знаний в области охраны окружающей среды и устойчивого развития, в том числе с учётом современных приорите-

¹ Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года. URL: <http://special.kremlin.ru> [Дата посещения: 26.12.2017].

тов мирового сообщества, прежде всего повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., Парижского соглашения, принятого 12 декабря 2015 г., и обязательств Российской Федерации в области противодействия изменению климата и сохранения благоприятной окружающей среды¹.

Очевидно, что создание стратегии взаимодействия окружающей среды и социума – это задача образования как целенаправленного процесса развития нравственно-духовной сферы личности. Высшее профессиональное образование – важнейший социально-государственный институт, выполняющий функцию подготовки молодого поколения к решению в будущем профессиональных задач в определённой области деятельности, предполагающей достаточно высокий уровень сформированности различных умений и навыков, а также способности непрерывно их совершенствовать.

Современное состояние экологического образования в высшей школе

Общепризнано, что в настоящее время не существует единой системы экологического просвещения в России. В высшей школе осуществляется подготовка кадров в области экологии и охраны окружающей среды в 269 вузах². Это студенты бакалавриата и магистратуры по специальностям «Экология и природопользование», «Техносферная безопасность», «Природообустройство и водопользование» и др. Однако очевидно, что обучение 72 500 выпускников в год по экологическим специальностям не может решить проблему формирования экологической культуры всего российского общества. Для её решения необходимо формирование экологических компетенций у всех выпускников высшей школы. Тем более что сегодня вузы могут самостоятельно утверждать список конкретных дисциплин, входящих в образовательные программы, опираясь на компетентностный подход, заявленный в современных федеральных образовательных стандартах.

Рассмотрим понятия компетенций и компетентности, сложившиеся в системе высшего образования. А. В. Хуторской различает понятия «компетенция» и «компетентность» следующим образом: «Компетенция – отчуждённое, заранее заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке учащегося, необходимой для его эффективной продуктивной дея-

¹ Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53775> [Дата посещения: 26.12.2017].

² Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2016 // URL: <http://www.mnr.gov.ru/gosdoklad-eco-2015/education.html> [Дата посещения: 11.11.2017].

Создание стратегии взаимодействия окружающей среды и социума – это задача образования как целенаправленного процесса развития нравственно-духовной сферы личности.

Обучение 72 500 выпускников в год по экологическим специальностям не может решить проблему формирования экологической культуры всего российского общества. Для её решения необходимо формирование экологических компетенций у всех выпускников высшей школы.

тельности в определённой сфере. Компетентность – владение, обладание учащимся соответствующей компетенцией, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности. Компетентность – уже состоявшееся качество личности (совокупность качеств) ученика и минимальный опыт деятельности в заданной сфере» [Хуторской 2005]. Таким образом, компетентность (по А. В. Хуторскому) – совокупность личностных качеств ученика (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в определённой социально и личностно значимой сфере.

И. А. Зимняя трактует компетентность как основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека, а компетенции представляет как некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования: знания, представления, программы (алгоритмы) действий, систем ценностей и отношений, которые затем выявляются в компетентностях человека [Зимняя 2006].

Д. С. Ермаков определяет компетенцию как «совокупность взаимосвязанных требований (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определённому кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности с ними; компетентность – качество личности, определяющее успешность выполнения того или иного вида деятельности. Соотношение между ними описывается в терминах потенциальное – актуальное, общее – особенное, индивидуальное, экстериоризованное – интериоризованное» [Ермаков 2009: 8]. По мнению учёного, экологическая компетенция имеет общеобразовательный (ключевой) характер. Таким образом, мы можем утверждать, что экологическая компетенция должна быть отнесена к общекультурным компетенциям, поскольку они обеспечивают развитие, жизненный успех, социальную адаптацию личности, способствуют решению профессиональных задач, целей социального участия и личного роста вне зависимости от конкретного направления профессиональной деятельности. Современное образование должно содержать идеи устойчивого развития. Экологическая компетентность выступает одним из важнейших показателей сформированности такого образования экологоориентированной личности как её экологическая культура, интегративное качество и важнейшее личностное свойство, отражающее психологическую, теоретическую и практическую готовность человека ответственно относиться к окружающей среде, способность человека пользоваться своими экологическими знаниями и умениями в практической деятельности. При этом экологическая культура характеризует особенности сознания, поведения и деятельности человека во взаимодействии с природой.

Экологическая компетенция должна быть отнесена к общекультурным компетенциям, поскольку они обеспечивают развитие, жизненный успех, социальную адаптацию личности, способствуют решению профессиональных задач, целей социального участия и личного роста вне зависимости от конкретного направления профессиональной деятельности.

Всё это показывает, что не существует формальных препятствий для включения экологических дисциплин в образовательные программы бакалавриата. Более того, этот тезис подтверждается опытом работы автора статьи в Уральском федеральном университете: при создании новых образовательных программ и пересмотре существующих экологические дисциплины были включены в учебный план некоторых направлений подготовки Института государственного управления и предпринимательства УрФУ¹.

Для данного исследования мы проанализировали все образовательные программы Уральского федерального университета и выявили долю образовательных программ, содержащих экологические дисциплины. Рассмотрим результаты анализа.

Объём экологических дисциплин в образовательных программах бакалавриата Уральского федерального университета

Общее количество образовательных программ (далее ОП) бакалавриата и специалитета всех форм обучения (очных, очно-заочных и заочных) в университете составляет 148 единиц, все направления подготовки подробно представлены на сайте университета – <https://urfu.ru/ru/>.

Все направления подготовки разделены на следующие научные отрасли:

- науки об обществе, 33 ОП
- математические и естественные науки, 15 ОП
- инженерное дело, технологии и технические науки, 80 ОП
- здравоохранение и медицинские науки, 2 ОП
- гуманитарные науки, 14 ОП
- искусство и культура, 4 ОП

На рис. 1. представлены результаты анализа соотношения образовательных программ, содержащих и не содержащих в учебном плане экологические дисциплины.

Максимальное количество экологических дисциплин представлено в группе «Инженерное дело, технологии и технические науки», из 80 образовательных программ 64 (80%) содержат такие экологические дисциплины, как «Экология», «Экологическая и промышленная безопасность»,

¹ См. образовательные программы 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление», <https://programs.edu.urfu.ru/ru/8483/documents/>; 41.03.06 «Публичное управление и социальные науки» <https://programs.edu.urfu.ru/ru/9107/documents/> [Дата посещения: 11.11.2017].

«Экология в строительстве», «Параметры экологичной архитектуры» и др. Второе место занимают математические и естественные науки – 47% учебных планов содержат дисциплины «Экология», «Прикладная экология», «Социальная экология».

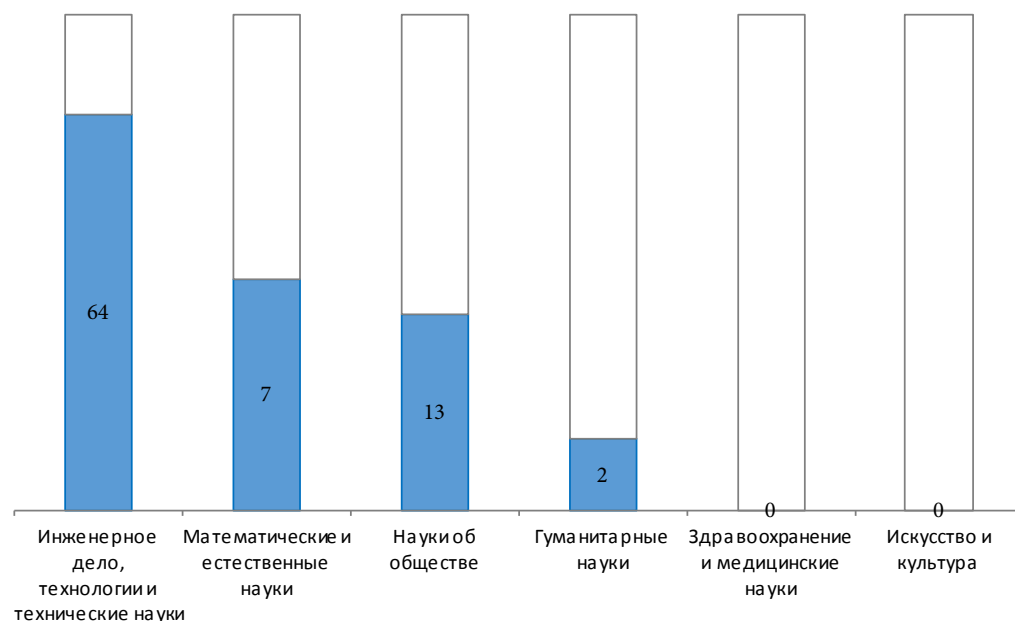

Рис. 1. Доля образовательных программ с экологическими дисциплинами с группировкой по научным отраслям

Науки об обществе занимают третье место, всего 39% учебных планов этой группы содержат экологические дисциплины: «Экологический менеджмент», «Экология городской среды», «Экологическая политика». В гуманитарных науках из 14 ОП экологические дисциплины найдены в двух (14%). И, наконец, группы специальностей «Здравоохранение и медицинские науки», «Искусство и культура» не содержат в своих учебных планах экологических дисциплин.

Таким образом, выпускники технических, естественно-научных и математических специальностей будут обладать экологической компетентностью в большей мере, чем гуманитарии. Формируя вариативную часть образовательной программы, вуз не органичен федеральным образовательным стандартом и опирается, в первую очередь, на кадровый состав своих подразделений. Даже при желании включить социально-экологические дисциплины в свои образовательные программы, вуз должен иметь преподавательские кадры и учебно-методическое обеспечение по экологическим дисциплинам. Крупные вузы, такие как Уральский федеральный университет, могут самостоятельно готовить для своих студентов учебники и учебно-методические пособия, обеспечивать преподавателям постоянное повышение квалификации. Но вузы, не имеющие такой финансовой возможности, столкнувшись с отсутствием кадров и учебно-методической литературы, отка-

Науки об обществе занимают третье место, всего 39% учебных планов этой группы содержат экологические дисциплины; группы специальностей «Здравоохранение и медицинские науки», «Искусство и культура» не содержат в своих учебных планах экологических дисциплин.

зываются от «второстепенных» дисциплин, не входящих в обязательную часть образовательного стандарта. Исключение экологии из списка обязательных школьных предметов привело к тому, что педагогические вузы не готовят преподавателей по этой дисциплине ни для школ, ни для вузов. При возвращении этого предмета в школы актуальной станет проблема преподавательских кадров.

Кроме обязательных дисциплин и предметов по выбору, для студентов существует возможность выбрать несколько предметов по своему выбору. Опыт показывает, что содержательная часть курса редко становится основой для выбора студентами какой-либо дисциплины. Студенты, находящиеся в тесном контакте со старшекурсниками, выбирают дисциплины по их отзывам о преподавателе, предметы с большим объёмом домашних заданий и скучными лекциями не пользуются спросом. Таким образом, интересная подача экологических дисциплин и постоянное обновление курса могут способствовать популярности предмета «экология».

Обеспечение экологической направленности процесса обучения во всех образовательных учреждениях создаёт предпосылки для получения экологических знаний, формирования экологически ответственного поведения, т. е. является гарантией освоения экологических компетенций. Процесс формирования общекультурных компетенций как способности использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции на основе анализа главных этапов и закономерностей исторического развития человеческой цивилизации должен включать экологические дисциплины. Создавая социально-экологические курсы, необходимо опираться на компетентностный подход, согласно которому в результате освоения экологических дисциплин выпускник должен обладать следующими компетенциями [Глазачев, Косоножкин 2012]:

- понимание сущности природных пределов современного социально-экономического развития и причин экологического кризиса;
- способность оценивать результаты и последствия своей деятельности с точки зрения природосообразности (биосферосовместимости), ненанесения или минимизации вреда природе.

Дополнительные характеристики компетенций бакалавра на основе освоения экологических дисциплин:

- способность ответственно относиться к природной среде на основе признания её универсальной ценности;
- наличие навыков природосообразной деятельности и поведения;

- способность эмоционально-чувственно воспринимать угрозу разрушения природной среды, проявлять волю к её защите и охране;
- обладание экологической культурой, потребностью деятельности в сфере экологии и природопользования;
- обладание чувством природы, способность воспринимать её величие и красоту;
- наличие потребности общения с природой, нахождения в естественных ландшафтах;
- наличие целостного мировоззрения и мироотношения.

На практике это означает, что социально-экологические курсы, кроме таких разделов, как «Биосферная функция человека и учение о ноосфере», «Глобальные проблемы человеческой цивилизации», должны включать конкретные задания и кейсы для студентов, стимулирующие к реальной деятельности по снижению воздействия на окружающую среду. Например, поиск информации о качестве питьевой воды своего города, способы утилизации отходов, обзор региональных нормативно-правовых актов и экологических проблем своего региона.

Заключение

Переход на новый виток развития цивилизации предъявляет к системе высшего образования новые требования. Цель экологических дисциплин – формирование у бакалавров базовых представлений о современной системе экологических дисциплин и сущности природных пределов современного социально-экономического развития. Выпускник современного вуза должен обладать рядом компетенций, в числе которых важное место занимают экологические, но сегодня гуманитарные и управленческие специальности не содержат экологических дисциплин. В ситуации конфликта интересов в сфере охраны окружающей среды выпускники технических специальностей могут говорить о проблеме с «высоты» своей экологической компетентности (иногда мнимой), в отличие от журналистов, историков, психологов, политологов и филологов. Система экологического образования должна формировать экологически ориентированную личность, способную применять знания, умения и навыки, а также личностные качества для решения задач профессиональной деятельности, социального участия и достижения личного успеха в рамках устойчивого развития. Первым этапом формирования экологически ориентированной личности является накопление знаний о системе взаимоотношений человека с окружающей средой, для этого необходимо включать экологические дисциплины во все обра-

зовательные программы высшей школы. Вторым этапом формирования экологической культуры является установление норм и образцов поведения человека во взаимодействии с окружающей средой в процессе своей ежедневной деятельности. Этот этап невозможно пройти умозрительно, сформировав некий новый вектор в каждом индивидуальном сознании, формирование образцов экологического поведения возможно только в поэтапном изменении коллективной человеческой деятельности. При этом ни для одной экологической проблемы не существует единого принципиального решения, которое должно быть реализовано раз и навсегда. В условиях неопределённого будущего решение экологических проблем становится плановой работой по рефлексивному управлению человеческой деятельностью с целью выработки и реализации решений, которые будут устраивать все заинтересованные стороны, что невозможно без экологического образования.

Библиографический список

Глазачев С. Н., Косоножкин В. И. 2012. Становление гуманитарной технологии формирования экологической компетентности: модель, диагностика, коррекция // ЭПНИ «Вестник Международной академии наук. Русская секция». № 1. С. 58–67. URL: <http://www.heraldrsias.ru/online/2012/1/222/> [Дата посещения: 12.09.2017].

Ермаков Д. С. 2009. Педагогическая концепция формирования экологической компетентности учащихся: автореф. дисс. ... докт. пед. наук. М. 39 с.

Зимняя И. А. 2006. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Центр дистанционного образования «Эйдос». URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> [Дата посещения: 12.09.2017].

Хуторской А. В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Центр дистанционного образования «Эйдос». URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm> [Дата посещения: 12.09.2017].

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.484

Ecological Competences in the Structure of Educational Programs in High-Schools

Oreshkina Tatyana Anatolievna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of sociology and technologies of public administration, Institute of public administration and entrepreneurship, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: t.a.oreshkina@urfu.ru

Исключение экологии из списка обязательных школьных предметов привело к тому, что педагогические вузы не готовят преподавателей по этой дисциплине ни для школ, ни для вузов. При возвращении этого предмета в школы актуальной станет проблема преподавательских кадров.

Abstract. This article analyzes such concepts as “ecological competences” and “ecological competence”, while proving that ecological competences are a part of general cultural competences for high-school graduates. It provides graduates with the ability to evaluate the results and consequences of their activities from a standpoint of biosphere compatibility and minimizing damage to the environment, as well as an understanding of the essence of the natural limits to modern socio-economic development and the reasons for ecological crises. Environmental disciplines should reflect a systematical understanding of humans’ place in the global ecosphere; they should analyze economic activity as being part of the biosphere, as well as tier interactions in worldwide, state and social environmental policy. The goal of environmental disciplines is to develop in bachelors a basic idea of the modern environmental discipline system and the essence of the natural limits to modern socio-economic development. Accumulating knowledge about the system of interactions between human beings and the surrounding environment is the first step towards developing ecological culture, and that is why educational programs at higher educational facilities must include environmental disciplines. Analyzed is the amount of environmental disciplines in educational programs at universities, using the Ural Federal University as an example. The highest amount of environmental disciplines is available in the group of technical specialties, while the majority of educational programs in such fields of study as “social sciences” and “humanitarian sciences” do not include the basics of ecology. Described is the reason why there are no formal obstacles for including environmental disciplines in bachelor’s educational programs. Issues concerning ecological studies in universities are examined. Substantiated is the need for widespread ecological studies, with it being the first step when it comes to developing ecological culture among the populace.

Keywords: sociology, ecological studies, ecological competence, higher school, environment protection, ecological culture.

References

Ermakov D. S. Pedagogicheskaya kontseptsiya formirovaniya ekologicheskoy kompetentnosti uchaschikhsya: avtoref. diss. ... dokt. ped. Nauk [Pedagogical concept of formation of ecological competence of students]. Moscow, 2009.

Glazachev S. N., Kosonozhkin V. I. Stanovlenie gumanitarnoy tekhnologii formirovaniya ekologicheskoy kompetentnosti: model', diagnostika, korrektsiya [Formation of the humanitarian technology of formation of ecological competence: model, diagnostics, correction]. Vestnik Mezhdunarodnoy akademii nauk. Russkaya sekciya, 2012, no 1, pp. 58–67.

Khutorskoy A. V. Tekhnologiya proektirovaniya kliuchevykh i predmetnykh kompetency [Technology for designing key and subject competencies]. The web journal Eydos, 2005, no 12. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm> [date of visit: 12.09.17].

Zimniaya I. A. Kliuchevye kompetencii – novaya paradigma rezul'tata sovremennogo obrazovaniya [Core competencies – a new paradigm of the result of modern education]. Centr distantsionnogo obrazovaniya «Eydos», official website, 2006. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> [date of visit: 12.09.17].

Ценности и их носители

Ценностные ориентации семей выходцев из Дагестана в Приморье

Винокурова Анна Викторовна –
кандидат социологических наук, доцент,
Департамент социальных и психологических наук,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток

E-mail: vinokurova77@mail.ru

Ценностные ориентации семей выходцев из Дагестана в Приморье

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.486

Аннотация. Приморье является одной из точек притяжения для переселенцев из других российских регионов, в том числе и из Дагестана. В процессе адаптации на новом месте жительства одной из насущных проблем является интеграция в принимающем сообществе. Эффективность этого процесса зависит и от семейных взаимоотношений. В статье¹ представлены социально-демографические характеристики и базовые ценности семей дагестанцев, проживающих в Приморском крае. Особенности социокультурного пространства, географического положения, социального, экономического развития региона, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры рассматриваются в контексте основных факторов, влияющих на ценностные ориентации семей. Также описаны основные результаты эмпирического исследования с использованием качественных социологических методов сбора данных (глубинное интервью). Социальный состав опрошенных представителей дагестанских семей отражает основные характеристики российских семей в целом. Это, во-первых, высокий удельный вес специалистов и служащих, руководителей разного уровня. Во-вторых, нередким было упоминание о наличии собственного бизнеса. Таким образом, характеристики социального статуса семей дагестанцев свидетельствуют о том, что семья предоставляет своим членам, в первую очередь детям, необходимый культурный и экономический капитал. Исследование показало, что ценностные ориентации семей выходцев из Дагестана, проживающих в Приморье, коррелируют с представлениями о жизненном успехе, включающем такие ценности семьи, как материальное благополучие, стабильное, гарантированное будущее, а также ценности, связанные с профессиональной занятостью. На фоне снижения общего уровня жизни, изменения привычной социальной среды, роста конкурентных отношений во всех сферах жизнедеятельности налицо стремление респондентов сделать всё возможное, чтобы их семья была материально обеспечена и сохранена как главная основа стабильности их жизни.

Ключевые слова: семья, ценностные ориентации, семейные ценности, социальное благополучие, социокультурное пространство, региональное развитие, Приморский край, выходцы из Дагестана

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-50032 а(ф).

Развитие современного российского общества чаще всего определяется термином «социальная трансформация». В результате данного процесса кардинальным образом изменились социально-политические, социально-экономические, социально-культурные условия жизни людей. Прежде всего преобразовались институциональная и социально-групповая структуры. Значительно дифференцировались ценностные ориентации людей, их представления о нормах. Как следствие, ранее стабильное и понятное пространство социальных позиций, культурных смыслов и стандартов поведения в настоящее время предстаёт как противоречивое, неопределённое и динамичное.

Всё это в полной мере относится и к семейной проблематике. Семья, обеспечивая своим членам физическую, экономическую и социальную безопасность, одновременно выступает важнейшим инструментом социализации личности. Благодаря ей происходит трансляция культурных, этнических, нравственных ценностей. Поэтому все социальные проблемы современности затрагивают семью, преломляются в её ценностных ориентациях, которые в настоящее время характеризуются возрастанием сложности, разнообразия, противоречивости.

Демографические характеристики Приморья

Особенности социокультурного пространства, географического положения, социального, экономического развития региона, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры могут рассматриваться в контексте основных факторов, влияющих на ценностные ориентации семей. Это особенно актуально в отношении семей, проживающих в Приморском крае.

Приморье – весьма специфичный регион. Это приграничная зона, имеет две сухопутные границы – с Китаем и Корейской Народно-Демократической Республикой; а также находится в непосредственной близости от морской границы с Японией. Приморский край лидирует среди других субъектов, входящих в Дальневосточный федеральный округ (ДФО). По объёму иностранных инвестиций и импорту он находится на третьем месте по валовому национальному продукту, валовой продукции сельского хозяйства. Соответственно, Приморье – наиболее благоприятная по климатическим, экономическим, транспортным, условиям южная часть Дальнего Востока. Это самый заселённый дальневосточный регион. На 1 января 2017 г. численность населения Приморского края составила 1 923 116 чел. Несмотря на относительное благополучие на фоне других субъектов Дальневосточного федерального округа, в Приморье сохраняется негативная демографиче-

Приморский край лидирует среди других субъектов, входящих в Дальневосточный федеральный округ (ДФО). По объёму иностранных инвестиций и импорту он находится на третьем месте по валовому национальному продукту, валовой продукции сельского хозяйства.

ская ситуация. За 2016 г. число жителей Приморского края уменьшилось в среднем на 5,5 тыс. чел. [Предварительная оценка... 2017].

В основном сокращение численности населения происходит за счёт миграционного оттока, поэтому остаётся открытым вопрос «закрепления» семей в регионе. Для Приморья миграционная составляющая исторически играла существенную роль в плане сохранения человеческого капитала. Именно за счёт привлечения в регион переселенцев, в том числе и из других субъектов РФ, удаётся избежать обвального снижения численности населения. В частности, отмечается, что процент прибывших в Приморский край из других регионов России в течение долгого периода (с 1993 по 2014 гг.) относительно стабилен и составляет в среднем 30,5% [Храмова 2015: 61].

Приморье сохраняет некоторую привлекательность для прибывших из других субъектов РФ, что обусловлено осуществлением ряда крупных инвестиционных проектов, таких как трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан», спецморнефтепорт «Козьмино», строительство транспортного узла «Находка – Восточный», реализация проекта «Свободный порт Владивосток» и др. По сведениям, представленным Приморскстатом, в 2016 г. в Приморье прибыло 32 тыс. человек, причём 67% – из других регионов России [Численность населения... 2017].

К этому следует добавить, что для привлечения населения на Дальний Восток из других регионов РФ направлен ряд федеральных инициатив. В частности, – стратегическая ориентация на формирование развитой экономики и комфортной среды обитания человека, достижение среднероссийского уровня в субъектах Российской Федерации, расположенных в ДФО [Распоряжение Правительства РФ... 2009]. И, конечно же, так называемый «дальневосточный гектар» [Федеральный закон... 2016] – предоставление жителям ДФО и других регионов возможности получения бесплатного земельного надела, который не может превышать одного гектара (10 000 кв. м.) на срок до 5 лет (с последующим продлением аренды или оформлением собственности).

Выходцы из Дагестана в Приморье

В Приморском крае, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., проживает немногим более двух тыс. выходцев из Республики Дагестан (РД) [Национальный состав... 2012]. Национальный состав, распределение по гендерному признаку и типам поселенческих общностей представлены в таблице 1.

Таблица 1

Численность дагестанцев, проживающих в Приморском крае, чел.

Национальная принадлежность	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
Аварцы	386	320	66	264	216	48	122	104	18
Агулы	22	10	12	11	4	7	11	6	5
Андийцы	1	1	-	1	1	-	-	-	-
Дагестанцы	138	123	15	102	90	12	36	33	3
Даргинцы	255	174	81	194	131	63	61	43	18
Дидойцы	3	3	-	3	3	-	-	-	-
Кумыки	237	188	49	154	118	36	83	70	13
Лакцы	72	56	16	54	42	12	18	14	4
Лезгины	608	426	182	472	323	149	136	103	33
Ногайцы	44	33	11	28	20	8	16	13	3
Рутульцы	18	11	7	15	8	7	3	3	-
Табасараны	115	87	28	67	54	13	48	33	15
Таты	1	1	-	1	1	-	-	-	-
Цахуры	17	11	6	17	11	6	-	-	-
Лица, не указавшие свою национальную принадлежность, включая лиц, сведения по которым получены из административных источников	144	113	31	128	99	29	16	14	2
Всего	2061	1557	504	1511	1121	390	550	436	114

Источники: [Национальный состав... 2012; Республика Дагестан...].

Как видим, подавляющее большинство выходцев из Дагестана составляют мужчины (75,5%), преимущественно проживающие в городах (73,3%). Также важным представляется такой факт: 6,7% респондентов, участвовавших в переписи, указали свою национальную принадлежность именно как дагестанцы. Мы полагаем, что таким образом они стремились показать свою региональную принадлежность, общность с РД, ведь общеизвестно, что национальности «дагестанец» не существует, это слово является объединяющим для множества различных народов, проживающих на территории республики. Примечательно и то, что значительная часть выходцев из Дагестана, проживающих в Приморском крае, – это лезгины (29,5%), в то время как в самой республике численность пред-

ставителей этого этноса находится на четвёртом месте и составляет 13% [Республика Дагестан...]. Данное утверждение требует проверки и дальнейшего уточнения, поскольку (как мы указали выше) 6,7% выходцев из РД идентифицировали себя как дагестанцы; а ещё 6,9% либо не указали свою национальную принадлежность, либо сведения об этих лицах получены из административных источников.

За период 2010-16 гг. численность выходцев из Дагестана увеличилась практически в два раза. Согласно официальным данным, опубликованным на сайте Представительства Республики Дагестан, в Приморском крае проживают около четырёх тыс. дагестанцев [В Миннаце РД... 2016].

Мы разделяем мнение многих российских исследователей, что отношение к выходцам из Дагестана неоднозначно [Алимова 2011; Капустина 2014; Халидова, Халилова, Габеков 2014; Мукомель 2015; Курбанмагомедова, Гришина 2016]. Устойчивы стереотипы, что они ведут себя агрессивно, не уважают и не соблюдают традиции и обычаи других народов, склонны к криминализации и преступному поведению, без особого желания ищут работу, предпочитая празднично проводить время. А так ли это на самом деле? Являются ли такие социальные практики распространёнными?

Ценностные ориентации дагестанских семей

В целом одной из важнейших проблем является интеграция в принимающем региональном сообществе. Положительная направленность данного процесса не в последнюю очередь зависит от семейных отношений.

Семья – один из объектов, активно изучаемых в отечественной социологии. Учёные, придерживающиеся «кризисной» парадигмы, рассматривают семейные изменения как выражение деформации семейного образа жизни [Медков 2008; Антонов 2016; Синельников 2017]. Несмотря на ряд негативных тенденций, наблюдаемых в сфере семейных отношений, мы разделяем мнение представителей «модернизационной» парадигмы, которые отмечают, что в процессе трансформации современной семьи наблюдаются и позитивные явления [Голод 2008; Гурко 2011].

Изменение роли семьи в жизни современного российского общества достаточно подробно проанализировано в работах отечественных исследователей. В то же время, на наш взгляд, семьи специфических социальных групп (каковыми и являются семьи выходцев из других регионов, проживающих в иноязычной, инокультурной среде принимающего регионального сообщества) и их ценностные ориентации изучены недостаточно. Существенный вклад в разработку данной

тематики внесли многие российские учёные [Арутюнов 2012; Арутюнян 2013; Дробижина 2016; Мукомель, Рыжова 2017]. Ими было заложено инструментальное понимание этничности, обеспечивающее этническую интеграцию и дифференциацию общества.

Тем не менее, продвижение анализа культурных аспектов интеграции в принимающем региональном сообществе несколько запаздывает. Показательным примером в этом отношении является российский Дальний Восток. Большое количество работ, посвящённых иностранным (прежде всего китайским) мигрантам в дальневосточных регионах России, рассматривает их присутствие, как правило, в социально-экономическом и демографическом ракурсах. Обращения дальневосточных авторов к теме семейных ценностей мигрантов и переселенцев из других российских регионов очень редки.

Именно поэтому нами была предпринята попытка с помощью социологических инструментов выявить ценностные ориентации семей выходцев из Дагестана, проживающих в Приморском крае. Исследование было выполнено в рамках разведывательно-описательного стратегического плана, полевые работы проводились в апреле 2017 г. В качестве метода сбора информации был использован метод неформализованного интервью. Респонденты – супружеские пары выходцев из РД. Выборка формировалась по принципу «доступных случаев». Всего было опрошено 18 человек.

Социальный состав семей опрошенных весьма специфичен. Это, во-первых, высокий удельный вес специалистов и служащих, руководителей разного уровня, занятых в бюджетной сфере. Во-вторых, нередким было упоминание о наличии собственного бизнеса. Образовательный уровень наших информантов достаточно высок. Все они имеют либо высшее, либо среднее специальное образование. Получить более детальную статистическую информацию обобщающего характера об основных социальных характеристиках семей дагестанцев, проживающих в Приморье, которую можно было бы экстраполировать на всю генеральную совокупность, не представилось возможным. Подобную статистику вести весьма проблематично. К примеру, Управление по вопросам миграции Управления МВД России по Приморскому краю занимается, в основном, учётом мигрантов из-за рубежа, учётом внутрироссийских мигрантов занимаются органы местной власти, но эти сведения носят фрагментарный характер.

Поэтому будем оперировать информацией о социальном статусе дагестанских семей, полученной нами самостоятельно в ходе проведения исследования. Не претендуя на всеобъемлемость и широкий охват, всё же будем опираться на следующее положение: социальные характеристики семей выходцев из Дагестана, составивших выборочную сово-

купность, свидетельствуют о том, что семья предоставляет своим членам, в первую очередь детям, необходимый культурный и экономический капитал.

Далее было установлено, какие жизненные ценности распространены в семьях выходцев из Дагестана, какие смыслы пересекаются, переходя из одной темы в другую. Первое место занимают высказывания на тему «семья», по смыслу связанные с упоминанием темы «дети». Наши информанты часто говорили об их будущем. Например, популярны были такие высказывания: «... мои близкие для меня дороже всего...», «... семья – самое важное в моей жизни. Это всё, ради чего я работаю и живу...», «...стремлюсь дать стартовый капитал, образование, имя своим детям...».

Очень показательны в данном отношении рассуждения наших информантов о семейных перспективах своих детей, внуков. Респонденты старшей возрастной группы (в возрасте 60 лет и более) отмечали, что «... семья более прочная, если супруги принадлежат к одной культуре...». В качестве примера они приводили свой собственный опыт, указывая, что их брак был заключён с представителем одной и той же национальности внутри одной культурной группы: «...я – даргинка, он – даргинец..., мы почти сорок лет вместе...; так и должно быть, свои со своими, это правильно, так семья крепче...». А вот более молодые респонденты, которых мы условно обозначили как среднее поколение (возрастная группа от 35 до 45 лет), не так категоричны. Когда они говорили о семейном будущем своих детей, их перспективах относительно заключения брака, создания семьи, то чаще речь шла о личных качествах потенциального избранника/избранницы, их социальном происхождении: «... главное, чтобы человек был хороший, из приличной семьи...». И это также репрезентирует их собственные жизненные стратегии. В ряде случаев у представителей среднего поколения имеют место межнациональные браки внутри дагестанской группы.

Таким образом, у более молодых представителей дагестанского сообщества в Приморье обнаруживается не только идентификация со своей этнической группой, но и с новой средой проживания. Они гораздо спокойнее и терпимее относятся к межнациональным бракам, не исключают такой возможности в будущем и для своих детей.

На втором месте среди упоминаемых нашими респондентами жизненных ценностей находится работа, чаще представленная, как это ни удивительно, в высказываниях женщин. Наши информанты говорили: «... не будешь же постоянно просить деньги у мужа на парикмахерскую, колготки..., должны какие-то свои деньги быть...»; «... дети выросли, внуков пока нет..., дома сидеть не хочется...; опять же деньги лишними не бывают...»; «... иногда хочется показать, что я сама не пропаду,

Установлено, какие жизненные ценности распространены в семьях выходцев из Дагестана. Первое место занимают высказывания о «семье», по смыслу связанные с упоминанием темы «дети».

У более молодых представителей дагестанского сообщества в Приморье обнаруживается не только идентификация со своей этнической группой, но и с новой средой проживания.

На втором месте среди упоминаемых нашими респондентами жизненных ценностей находится работа, чаще представленная в высказываниях женщин. Для них наиболее значимыми параметрами в работе являются хороший коллектив, удобный режим, близость места работы к месту жительства.

смогу заработать на жизнь...». И что парадоксально, при этом часто профессиональная занятость репрезентировалась нашими респондентками в терминах «интересная», «любимая», «хорошая». Кроме того, было установлено, что для женщин наиболее значимыми параметрами в работе являются хороший коллектив, удобный режим, близость места работы к месту жительства.

Для информантов-мужчин в контексте вопросов труда, занятости, работы как таковой более значимой является тема материального благополучия, которая пересекается с темой успешного будущего детей и благополучной жизни родителей. Вот наиболее показательные высказывания: «... я за всех отвечаю, за детей, родителей, жену...»; «...я же мужчина, надо всех обеспечить..., дать детям самое лучшее...»; «... а как по-другому? Приходится крутиться, у меня же семья, дети; их учить надо...».

Среди основных требований, предъявляемых к работе, респонденты-мужчины обозначали высокий доход и гарантированность, т. е. материальная составляющая выступает в качестве ведущей характеристики. Также у мужчин из дагестанских семей отчётливо выражены мотивы достижения. Для них важны возможность продвижения по службе, карьерный рост. Некоторые информанты обращали внимание на то, что работа должна соответствовать способностям человека, стимулировать личностное развитие.

Можно заключить, что высокая заработная плата не является для женщин из дагестанских семей главной характеристикой при выборе сферы профессиональной занятости. Другими словами, сохраняется традиционное распределение ролей в семье: источником материального благосостояния семьи является её глава – муж, что находит отражение в ответах респондентов-мужчин.

Следующей по значимости в ряду жизненных ценностей является тема счастья, интерпретируемая как в абстрактной («быть счастливым», «счастье во всех понятиях»), так и в конкретной («иметь счастливую семью») формах.

Не менее важными являются ещё две, связанные друг с другом темы: способ жизни и самореализация. В этом отношении самыми популярными были следующие высказывания: «...прожить достойно...», «...найти своё место в жизни...». Социально приемлемыми способами достижения жизненного успеха наши информанты считают «...много учиться...», «...много работать...». Нами были зафиксированы и явные гендерные различия. Мужчины чаще выбирали упорный труд, а женщины – образование. Все респонденты указали на необходимость иметь обширные связи.

Активную и самодостаточную позицию отдельных опрошенных демонстрировали такие ответы: «...быть целеустремлённым...», «...верить в себя и свои силы...», «...повышать уро-

Для мужчин в контексте вопросов труда, занятости, работы более значимой является тема материального благополучия, которая пересекается с темой успешного будущего детей и благополучной жизни родителей.

Третьей по значимости в ряду жизненных ценностей является счастье, интерпретируемое как в абстрактной («быть счастливым», «счастье во всех понятиях»), так и в конкретной («иметь счастливую семью») формах.

вень самоуважения и самосознания...», «...уметь налаживать связи, контакты...». Конституируя свои ценностные ориентации, наши информанты планируют использовать различные ресурсы. В качестве основных источников реализации своих жизненных планов они называли: «...собственные усилия...», «...помощь близких...».

Заключение

Таким образом, можно заключить, что ценностные ориентации семей выходцев из Дагестана, проживающих в Приморье, коррелируют с представлениями о жизненном успехе, включающем ценности семьи, материального благополучия, стабильного, гарантированного будущего, а также ценности, связанные с профессиональной занятостью. На фоне снижения общего уровня жизни, изменения привычной социальной среды, роста конкурентных отношений во всех сферах жизнедеятельности налицо стремление сделать всё возможное, чтобы их семьи были материально обеспечены и сохранены в качестве главной основы стабильности их жизни.

Семья для выходцев из Дагестана, проживающих в Приморье, выступает, с одной стороны, как основа сохранения этнической идентичности; а с другой – выполняет интегративную функцию, способствует мягкой адаптации в принимающем региональном сообществе. Результаты нашего исследования показали, что представители старших возрастных групп стремятся всячески приобщать своих детей и внуков к культуре народов Дагестана, к сохранению национальных обычаев, языка. Но при этом в дагестанских семьях высоко ценится опыт межкультурного этнического взаимодействия. Всё большее распространение получает более лояльное отношение к межнациональным бракам, использование во внутрисемейном общении русского языка, празднование общероссийских праздников наряду с национальными.

В целом имеет место доминирование ценностных ориентаций, связанных с личной жизнью (семья, дети), материальным благополучием, работой (чаще – высокооплачиваемой, интересной). При этом в контексте реализации указанных ориентаций большую роль играют не только и не столько аскриптивные факторы, в первую очередь, ресурсы семьи; всё большее значение придаётся приобретенным характеристикам: профессии, социальной и коммуникативной компетентности. Можно сказать, что представители дагестанских семей при сохранении крепких родственных, межпоколенных связей нацелены на взаимодействие с окружающими и вне своей этнической среды.

Мы полагаем, что такая комбинаторная возможность – сохранение традиционного уклада и привнесение в него новых элементов – даёт дагестанским семьям ощущение стабильности в условиях принимающего иноязычного, инкультурного регионального сообщества. Такое позитивное сочетание одинаково значимых традиционных ценностей и инновационных повседневных практик свидетельствует об относительно гармоничной интеграции семей выходцев из Дагестана в Приморском крае.

Библиографический список

Алимова Б. М. 2011. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 25. С. 48–52.

Антонов А. И. 2016. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. Т. 18. № 1(135). С. 40–43.

Арутюнов С. А. 2012. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М. 416 с.

Арутюнян Ю. В. 2013. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. № 7. С. 34–44.

В Миннаце РД прошло видеосоветание с представителем Правительства РД в Приморском крае. 2016 // Официальный сайт Представительства Республики Дагестан в Приморском крае. URL: <http://dagprim.ru/events/ShowEvent.aspx?id=6e2c571b-dca9-44c6-a600-6d330a9fed32> [Дата посещения: 31.08.2017].

Голод С. И. 2008. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. № 1. С. 40–49.

Гурко Т. А. 2011. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. № 4. С. 26–44.

Дробижева Л. М. 2016. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию // Россия реформирующаяся. № 14. С. 379–394.

Капустина Е. Л. 2014. Собственность на Север: мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири (на примере г. Сургут) // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVII. № 5(76). С. 158–176.

Курбанмагомедова А. Х., Гришина Н. В. 2016. Этническая идентичность в условиях иноэтнической среды: межпоколенный анализ // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. Т. 4. С. 116–124.

Медков В. М. 2008. Демографические прогнозы ООН для мира и России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. № 1. С. 135–151.

Мукомель В. И. 2015. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. № 1(77). С. 79–92.

Мукомель В. И., Рыжова С. В. 2017. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. № 1(393). С. 37–46.

Национальный состав населения Приморского края по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года (на 14 октября). 2012 // Справочно-правовая система «Право.ru». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/28340604> [Дата посещения: 15.09.2017].

Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2017 года и в среднем за 2016 год. 2017 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [Дата посещения: 07.09.2017].

Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «О Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.». 2009 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/#ixzz4WjT9KwLJ> [Дата посещения: 12.09.2017].

Республика Дагестан // Личный сайт Валерия Тишкова «ValeryTishkov.ru» URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/respublika2.html [Дата посещения: 25.09.2017].

Синельников А. Б. 2017. Брачность и рождаемость без двойных гендерных стандартов // Демоскоп Weekly. № 725-726. С.1–10.

Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.05.2016 № 119-ФЗ. 2016 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ [Дата посещения: 14.09.2017].

Халидова О. Б., Халилова А. С., Габеков Г. Ф. 2014. Дагестанцы глазами ставропольчан: взаимодействие в повседневной жизни (1980–2010 гг.) // Современные проблемы науки и образования. № 5. С. 712.

Храмова М. Н. 2015. Миграционные процессы в Приморском крае: факторы и закономерности // Региональные проблемы. Т. 18. № 3. С. 59–61.

Численность населения в разрезе городских округов и муниципальных районов. 2017 // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/population/ [Дата посещения: 16.09.2017].

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.486

Value Orientations Among Families of Dagestani Origin in Primorye

Vinokurova Anna Viktorovna

Candidate of Sociological Sciences, associate professor, Department of Social and Psychological Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: vinokurova77@mail.ru

Abstract. Primorie is one of many locations which migrants from various Russian regions (including Dagestan) gravitate towards. During the process of adapting to a new place of residence, one of the most vital issues is integration into the host community. The efficiency of this process depends on family relationships, among other things. This article presents the socio-demographic characteristics and fundamental values of Dagestan families residing in Primorsky Krai. Peculiarities when it comes to socio-cultural space, geographic location, the socio-economic development of the region, level of urbanization, and the condition of infrastructure – they are all examined within the context of the key factors which affect family value orientations. Also described are the main results of an empirical study with the use of qualitative sociological methods of data collection (in-depth interviews). The social composition of the surveyed representatives of Dagestan families reflects the main characteristics of Russian families in general. First of all, we are talking about a high relative proportion of specialists and officers, as well as managers of various levels. Second of all, it was common to hear mention of people having their own businesses. Thereby the characteristics of Dagestan families' social status indicate that families provide their members with the necessary cultural and economic capital, primarily children. The study revealed that value orientations in families of Dagestan origin living in Primorye correlate with ideas of success in life, which include such family values as material prosperity, a stable and guaranteed future, as well as values having to do with professional employment. Amidst a decrease in overall quality of life, a change in the familiar social environment, and an increase in competition in all fields of life, we see respondents striving to do everything possible in order for their families to be financially secure and preserved as the main foundation for stability in their life.

Keywords: family, value orientations, family values, social prosperity, socio-cultural space, regional development, Primorsky Krai, immigrants from Dagestan.

References

Alimova B.M. Sovremennaya dagestanskaya sem'ya: problemy i perspektivy [Modern Dagestan family: problems and prospects]. Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii, 2011, no 25, pp. 48–52.

Antonov A. I. Krizis familisticheskoy civilizatsii v XXI veke [Crisis of the Familistical Civilization in the XXI Century]. Ekonomicheskie strategii, 2016, vol. 18, no 1 (135), pp. 40–43.

Arutiunov S. A. Siluety etnichnosti na civilizatsionnom fone [Silhouettes of Ethnicity on Civilizational Background]. Moscow, INFRA-M, 2012. 416 p.

Arutiunyan Y. V. Ob etnicheskikh diasporah v rossiyskoy srede [Ethnic diasporas in the Russian environment]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2013, no 7, pp. 34–44.

Chislennost' naseleniya v razreze gorodskih okrugov i municipal'nyh rayonov 2017 [The population in the context of cities and municipal districts 2017]. Primorsky department of Rosstat Official website. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/population/ [date of visit: 16.09.17].

Drobizheva L. M. Variacii adaptacionnogo potentsiala naseleniya k rastuschemu ehnicheskomu mnogoobraziyu [Variations of the adaptive capacity of the population to the growing ethnic diversity]. Rossiya reformiruyuschayasya, Vol. 14. Moscow, IS RAS publ., 2016, pp. 379–394.

Golod S. I. Sociologo-demografichesky analiz sostoyaniya i evoliucii sem'i [Russian family's state and evolution – sociological demographical analysis]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2008, no 1, pp. 40–49.

Gurko T. A. Institut sem'i v postindustrial'nykh obschestvakh [The institution of the family in post-industrial societies]. Cennosti i smysly, 2011, no 4, pp. 26–44.

Kapustina E. L. Sobstvennost' na Severe: migranty iz Dagestana i osvoenie gorodskogo prostranstva v Zapadnoy Sibiri (na primere g. Surgut) [Property at the North: migrants from Dagestan and the development of urban space in Western Siberia (on the example of Surgut)]. Zhurnal sociologii i social'noy antropologii, 2014, Vol. 17, no 5 (76), pp. 158–176.

Khalidova O. B., Khalilova A. S., Gabekov G. F. Dagestancy glazami stavropol'chan: vzaimodeystvie v povsednevnoy zhizni (1980–2010 gg.) [Dagestans through the eyes of Stavropol residents: interaction in everyday life (1980–2010)]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 2014, no 5, p. 712.

Khramova M. N. Migracionnye processy v Primorskom krae: faktory i zakonomernosti [Migration processes in the Primorye territory: factors and patterns]. Regional'nye problemy, 2015, Vol. 18, no 3, pp. 59–61.

Kurbanmagomedova A. H., Grishina N. V. Ehtnicheskaya identichnost' v usloviyakh inoetnicheskoy sredy: mezhpokolenny analiz [Ethnic identity in terms of ethnic environment: intergenerational analysis]. Nauchnye issledovaniya vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU, 2016, Vol. 4, pp. 116–124.

Medkov V. M. Demograficheskie prognozy OON dlia mira i Rossii [Population projections of the UN for the world and Russia]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sociologiya i politologiya, 2008, no 1, pp. 135–151.

Mukomel V. I. Svoi «inye»: vnutrirossiyskie inoetnichnye migranty v moskovskom megapolise [Ours “other”: the domestic migrants of different ethnicity in the metropolis of Moscow]. Federalizm, 2015, no 1 (77), pp. 79–92.

Mukomel V. I., Ryzhova S. V. Doverie i nedoverie v mezhnacional'nykh otnosheniyakh [Trust and distrust in interethnic relations]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2017, no 1 (393), pp. 37–46.

Nacional'ny sostav naseleniya Primorskogo kraya po itogam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda [National composition of population of Primorye territory according to the results of the national census 2010]. Pravo.ru web portal, 2012. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/28340604> [date of visit: 15.09.17].

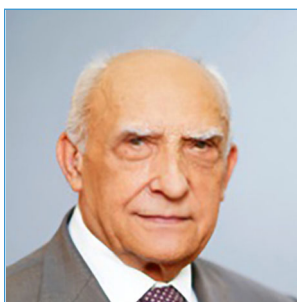
Respublika Dagestan [The Republic Of Dagestan]. Valery Tishkov personal website. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_respublika2.html [date of visit: 25.09.17].

Sinel'nikov A.B. Brachnost' i rozhdaemost' bez dvoynnykh gendernykh standartov [The marriage rate and the birth rate without double gender standards]. Demoskop Weekly, 2017, no 725-726, pp. 1–10.

V Minnatze RD proshlo videosoveshchanie s predstavitelem Pravitel'stva RD v Primorskom krae [In the Ministry of nationalities RD held a videoconferencing with the representative of the Government RD in Primorsky region]. The Official website of Official Agency of Republic of Dagestan in the Primorsky region, 2016. URL: <http://dagprim.ru/events/ShowEvent.aspx?id=6e2c571b-dca9-44c6-a600-6d330a9fed32> [date of visit: 31.08.2017].

Проблемы демографии

Демографическое развитие Бурятии

Осинский Иван Иосифович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Заведующий лабораторией социальной стратификации, Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

E-mail: intellige2007@rambler.ru

Демографическое развитие Бурятии

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.488

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции демографического развития Бурятии, факторы преодоления депопуляции, роста продолжительности жизни. Раскрываются показатели рождаемости, выявляются причины уменьшения рождаемости населения, в числе которых сокращение женщин репродуктивного возраста, падение жизненного уровня населения, изменения в формах брачного и репродуктивного поведения, состояние здоровья. Выявляются факторы изменения вектора рождаемости, выражающиеся в его подъёме, начиная с 2005 г. Такими факторами являются адаптация к новым условиям жизнедеятельности, активизация демографической политики государства, открывшиеся более благоприятные возможности реализации потребности в детях, улучшение социальнопсихологической, духовной ситуации в обществе. Положительно оцениваются меры государства по оказанию помощи семьям с детьми. Рассматривается воздействие фактора смертности на демографическую ситуацию в Бурятии, других регионах Сибири, отмечается, что особенно высокие показатели смертности населения были в 1990-е гг., прежде всего среди граждан трудоспособного возраста. С 2006 г. началось постепенное снижение показателя смертности, на что оказали влияние относительная немногочисленность людей преклонного возраста (поколение военных и послевоенных лет), меры демографической политики государства, его региональных структур. С 2006 по 2014 гг. происходил небольшой естественный прирост населения в Бурятии. Он превышал аналогичные показатели, которые были зафиксированы в Сибирском федеральном округе и Российской Федерации в целом. В последующем (2015, 2016 гг.) произошло снижение естественного прироста, что детерминировано падением рождаемости, связанным со значительным сокращением численности женщин самых репродуктивных возрастов, а также с «затуханием» результативности мер демографической политики. Обращается внимание на то, что коэффициент, хотя и снизился, по-прежнему остаётся высоким. Анализируются причины смертности, в числе которых болезни системы кровообращения, новообразования и внешние факторы. Отмечается дефицит врачей. Высокая детская смертность. Анализируются проблемы миграции населения. Одной из основных является миграционная убыль преимущественно наиболее квалифицированных кадров. В числе выезжающих преобладают представители русской национальности.

Ключевые слова: демографическое развитие, рождаемость, смертность, естественный прирост, продолжительность жизни, регион, этнос, миграция, национальные особенности

Демографический ресурс является главным богатством любой страны. Будучи совокупностью физических лиц, проживающих на той или иной территории, он определяется как количественными, так и качественными параметрами её населения. Особенно значимыми являются эти параметры для регионов, обладающих большими природными богатствами, но слабо заселённых, не имеющих достаточного количества людей для освоения и использования этих богатств.

К таким регионам относится Республика Бурятия, один из сибирских субъектов Российской Федерации. Республика входит в состав Сибирского федерального округа. Её территория составляет 351,3 км², население 984,1 тыс. чел. (2017). Плотность 2,8 чел. на км². Примерно такую же плотность населения имеют и соседние регионы: Иркутская область – 3,1 чел. на км², Забайкальский край – 2,7 чел. на км², Республика Тыва – 1,9 чел. на км². Они, как и Бурятия, за исключением Иркутской области, территориально граничат с другими государствами: Забайкальский край – с Китаем, Тыва – с Монголией. Приграничное положение актуализирует проблему людских ресурсов в этих регионах, как и в Сибири в целом, где плотность населения составляет 3,8 чел. на км² (2017).

Бурятия характеризуется невысоким уровнем урбанизации: доля городского населения составляет 59%. Имеет полиэтничную структуру: буряты составляют 29,5%, русские 64,9%, представители других национальностей – 5,6%. Продолжительность жизни в 2015 г. составляла 69,2 года, что на 2,2 года меньше, чем в целом в России.

Падение рождаемости и её причины

Случившийся в начале 1990-х гг. в России демографический кризис охватил все её регионы. В Бурятии признаки депопуляции появились в 1993 г., когда число умерших превысило число рождавшихся. С 1056,5 тыс. чел. в 1992 г. (год либерализации цен) население в республике сократилось до 963,3 тыс. в 2006 г. [350 лет... 2011: 319], т. е. на 93,3 тыс., или на 9,7%. В целом в стране с 1992 по 2006 гг. количество жителей уменьшилось с 148,6 млн чел. до 143,2, т. е. на 5,3 млн чел., что составляет 3,8%.

Численность населения определяется показателями рождаемости, смертности и миграционных процессов. Одной из основных причин уменьшения численности населения в Бурятии, как и в России в целом, явилось снижение рождаемости. В Бурятии оно началось с самого начала постсоветского периода (1991 г.) и продолжалось до 1997 г. За эти

годы уменьшилось число родившихся в расчёте на 1000 чел. с 18,2 до 11,0 чел. Подобные изменения произошли и в других регионах Сибири.

Таблица 1

Рождаемость в регионах Сибирского федерального округа
(на 1000 чел.)

Регион	1990	1995	2000	Уменьшилось в 2000 г. по сравнению с 1990 г.
Алтай	19,3	14,3	14,3	5,0
Бурятия	18,3	11,9	11,6	6,7
Тыва	26,3	20,3	15,9	10,4
Хакасия	15,3	10,2	10,1	5,1
Алтайский край	12,9	8,7	9,3	3,6
Забайкальский край	17,6	12,7	11,8	5,8
Красноярский край	13,8	9,8	9,3	4,5
Иркутская область	16,2	10,9	10,7	5,5
Кемеровская область	12,9	8,9	9,0	3,9
Новосибирская область	13,2	8,6	8,5	4,7
Омская область	14,9	10,3	8,6	6,3
Томская область	12,6	9,2	9,5	3,1
СФО в целом	14,6	10,0	9,7	4,9
РФ в целом	13,4	9,3	8,7	4,7

Во всех регионах Сибири в 1990-е гг. снизились показатели рождаемости. В меньшей мере снижение коснулось Алтайского края и Томской области, где данные показатели в 1990 г. были самыми низкими в СФО. Выше средних окружного и федерального показателей снижения рождаемости они были в республиках Тыва и Хакасия, Забайкальском крае, Омской и Иркутской областях. Бурятия оказалась в числе регионов с наибольшим показателем падения рождаемости (второе место после Тывы). При этом падение во всех регионах произошло в первой половине 1990-х гг. Во второй половине изменения были небольшие, за исключением Тывы, где показатель падения рождаемости с 1995 по 2000 гг. увеличился на 4,4 промилле. Хотя по-прежнему эта республика занимала лидирующее положение по величине рождаемости в СФО. Произошло падение и суммарного коэффициента рождаемости, который в Бурятии с 2,494 в 1990 г. снизился до 1,463 в 1999 г. При этом падение происходило как в городе, так и в сельской местности. В городе в 1990 г. суммарный показатель рождаемости с 2,098 упал до 1,251 в 1999 г., а в селе – с 3,066 до 1,848. Бурятия оказалась отброшенной далеко от того рубежа, за которым начинается простое воспроизводство населения. В этом регионе, как в России в целом,

на 1999 г. приходится точка наибольшего падения суммарного коэффициента рождаемости и сокращения числа родившихся. Чем объясняется это падение?

Основными причинами уменьшения рождаемости в Бурятии в 1990-х гг., помимо влияния общемировых тенденций, явились следующие:

а) сокращение абсолютной численности женщин репродуктивных контингентов, когда в детородный возраст вступили «дети детей войны», т. е. женщины 1970-х гг. рождения. Так, в Бурятии в 1979 г. численность женщин в возрасте 20–24 лет была 46,0 тыс., в 1997 г. стала 41,7 тыс., в возрасте 25–29 лет, соответственно, 42,1 тыс. и 32,0 тыс.

б) падение жизненного уровня населения под воздействием экономического кризиса и связанных с ним сопутствующих негативных процессов, повлиявших на репродуктивное поведение. В Сибири же, с её суровыми природно-климатическими условиями, жизненный уровень населения упал ещё ниже, он не дотягивал до среднероссийского уровня. В 1995 г. среднедушевой денежный доход населения в Сибирском федеральном округе составлял 95,7% среднего по стране, а в республиках Алтай и Тыва – 73,4 и 61,8%. В Бурятии с 1992 по 1996 гг. реальная зарплата населения уменьшилась на 52%, пенсии – на 45%¹. В результате закрытия многих крупных предприятий, входящих в состав ВПК или связанных с ним, десятки тысяч рабочих и ИТР республики оказались без работы и зарплаты.

в) влияние изменений в формах брачного и репродуктивного поведения. Это влияние оказывает противоречивое воздействие на рождаемость: с одной стороны, уменьшается количество заключаемых браков, а, следовательно, сокращается доля брачных рождений; с другой стороны, растёт доля внебрачных рождений.

В Бурятии в 1985 г. в расчёте на 1000 человек населения было заключено 9,3 браков, в 1990 г. – 8,4, а в 2000 г. – 5,2 браков. Одновременно выросло число разводов – с 2,5 в 1990 г. до 2,8 в 2000 г. Рождения же в рамках брака в Бурятии в 1990 г. составили 85,4%, вне брака – 14,6%. В 2000 г. эти показатели равнялись, соответственно, 72 % и 28%, а в 2008 г. доля брачных рождений составила 59%, внебрачных – 41%. Уменьшение числа заключаемых браков не могло не сказаться на количестве рождений, доля которых, как уже отмечалось, в расчёте на 1000 чел. населения с 18,2 в 1990 г. уменьшилась до 11,6 в 2000 г.² В целом в Сибири эти показатели в указанные годы оказались ещё ниже. Они составили 14,6 и 9,7 человек [Основные показатели... 2015: 4].

¹ Россия в цифрах: краткий стат. сб. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 70.

² Республика Бурятия 75 лет. Стат. Сборник. Улан-Удэ, 1998. С. 64; 350 лет с Россией: историко-статистический сборник. Улан-Удэ, 2011. С. 319.

Основными причинами уменьшения рождаемости в Бурятии в 1990-х гг., помимо влияния общемировых тенденций, явились следующие: сокращение абсолютной численности женщин репродуктивных контингентов, когда в детородный возраст вступили «дети детей войны»; падение жизненного уровня населения под воздействием экономического кризиса и связанных с ним сопутствующих негативных процессов, повлиявших на репродуктивное поведение.

В Бурятии в 1985 г. в расчёте на 1000 человек населения было заключено 9,3 браков, в 1990 г. – 8,4, а в 2000 г. – 5,2 браков. Одновременно выросло число разводов – с 2,5 в 1990 г. до 2,8 в 2000 г. Рождения же в рамках брака в Бурятии в 1990 г. составили 85,4%, вне брака – 14,6%.

Характерной особенностью в СФО являлся рост внебрачной рождаемости в сельской местности с опережающими темпами в сравнении с городскими поселениями и РФ в целом. В 2008 г. удельный вес детей, рождённых вне брака, в РФ составил: в городе 25,5%, в селе – 29,9%, а по Сибирскому федеральному округу, соответственно, в городе – 30,5%, в селе – 40,7%. В Иркутской области и Республике Тыва более половины детей на селе рождались вне брака [Трибунский 2011: 8].

Имеются и другие причины уменьшения рождаемости. В их числе: неудовлетворительное состояние здоровья населения, широкое распространение алкоголизма, наркомании, токсикомании, духовно-нравственное состояние общества, ценностный кризис и т. д.

Факторы подъёма рождаемости

В 2000 г. в Бурятии, как и в стране в целом, в сфере рождаемости наметился некоторый сдвиг: число рождений и суммарные коэффициенты начали постепенно расти. В 2002 г., по сравнению с 2000 г., число родившихся в республике увеличилось почти на тысячу человек (7408 и 6418). Суммарный коэффициент рождаемости поднялся до 1,603 и все последующие годы (вплоть до 2015 г.) продолжал расти. Происходили изменения и в других регионах СФО.

Таблица 2

Рождаемость в регионах СФО в 2005–10 гг. (на 1000 чел.)

Регион	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Алтай	17,2	16,6	19,7	21,3	20,3	20,5
Бурятия	14,0	14,8	16,1	17,0	17,4	17,0
Тыва	19,4	19,3	24,4	25,2	26,1	26,9
Хакасия	11,5	12,0	13,8	14,8	15,0	15,1
Алтайский край	10,3	10,1	11,3	12,3	12,4	12,7
Забайкальский край	13,5	13,9	14,9	15,9	15,9	15,9
Красноярский край	10,8	11,0	11,8	12,8	13,2	13,6
Иркутская область	11,9	12,3	13,8	15,0	15,2	15,2
Кемеровская область	10,8	11,3	12,1	13,0	13,3	13,2
Новосибирская область	10,6	10,5	11,1	12,5	12,9	13,2
Омская область	10,4	10,6	11,7	12,4	12,7	13,2
Томская область	10,7	11,1	12,0	12,8	13,2	13,1
СФО в целом	11,4	11,6	12,7	13,7	14,0	14,1
РФ в целом	10,2	10,4	11,3	12,1	12,4	12,5

В первое десятилетие XXI в. наиболее высокие темпы прироста рождаемости в России имел Северо-Кавказский федеральный округ (17,2%), за ним шли Сибирский (14,1%) и Уральский (14,1%) округа. Лидирующее положение в СФО занимали Тыва и Алтай. Далее по нисходящей – Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область, Хакасия. Эти регионы имели более значимые показатели, чем средние по СФО. В рассматриваемые годы наиболее высокие результаты рождаемости приходятся на 2007 г. и в следующие за ним несколько лет. Регионы в эти годы находились под воздействием активного проведения государственной демографической политики.

С 2007 г. стала реально оказываться помощь государством семьям с детьми. Наиболее значимыми из них являлись материнский капитал и ежемесячные пособия по уходу за ребёнком до 1,5 лет. При этом они учитывали очерёдность рождения, а именно поддержку семьи с несколькими детьми. Стимулирование вторых и последующих рождений важно для обеспечения в будущем воспроизводства населения. Данный фактор (наряду с другими) сыграл существенную роль в повышении рождаемости населения. В СФО вплоть до 2012 г. шло ежегодное повышение коэффициента рождаемости. Если в 2005 г. он составлял 11,4‰, в 2007 г. – 12,7‰, то в 2012, 2013 гг. он равнялся 14,9‰. В 2013 г. родилось 286917 ребёнка. В следующем 2014 г. снизился данный показатель: на 2706 ребёнка родилось меньше. Коэффициент рождаемости в 2014 г. составил 14,7‰. Обращают на себя внимание более высокие показатели рождаемости в национальных регионах Сибири по сравнению с регионами с русским населением. Так, в 2010 г. при среднесибирском коэффициенте рождаемости 14,1% в Тыве он равнялся 26,9‰, в Алтае – 20,5‰, в Бурятии – 17,0%, в Хакасии – 15,1%. Выше они были и в Иркутской области (15,2%), Забайкальском крае (15,9%), в состав которых входили значительные по численности национальные образования, имевшие 3–4 года назад статус автономных округов. В русских же областях Кемеровской, Новосибирской, Омской (по 13,2‰), в Томской – 13,1‰, в Алтайском и Красноярском краях – 12,7%, 13,6%.

Положительное сальдо рождаемости в федеральных округах России во многом было достигнуто благодаря их национальным регионам. В СФО в 2014 г. прирост на 44% был обеспечен приростом населения в республиках Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтай, на 56% за счёт областей с долей русского населения 83–88% [Курзанова 2015: 4].

Наряду с увеличением общего коэффициента рождаемости наметился рост суммарного коэффициента, который в СФО в 2008 г. составлял 1,396 (в РФ – 1,494). О динамике суммарного коэффициента в СФО дают представление данные из таблицы 3.

В первое десятилетие XXI в. наиболее высокие темпы прироста рождаемости в России имел Северо-Кавказский федеральный округ (17,2%), за ним шли Сибирский (14,1%) и Уральский (14,1%) округа.

Таблица 3

Суммарные коэффициенты рождаемости в регионах СФО в 2013–16 гг.

Регион	2008	2009	2013	2014	2015	2016	Абсолютный прирост с 2008 по 2016 гг.
Алтай	2,476	2,362	2,815	2,883	2,677	2,334	0,158
Бурятия	1,947	2,000	2,205	2,260	2,280	2,237	0,290
Тыва	2,683	2,808	3,424	3,485	3,386	3,345	0,662
Хакасия	1,716	1,752	2,013	2,007	1,986	1,967	0,251
Алтайский край	1,482	1,507	1,830	1,841	1,811	1,777	0,295
Забайкальский край	1,823	1,842	2,014	2,078	2,057	1,979	0,156
Красноярский край	1,482	1,536	1,775	1,807	1,837	1,815	0,333
Иркутская область	1,734	1,768	1,978	1,966	2,012	1,989	0,255
Кемеровская область	1,545	1,600	1,787	1,778	1,726	1,713	0,168
Новосибирская область	1,489	1,539	1,749	1,765	1,817	1,805	0,316
Омская область	1,454	1,492	1,867	1,951	1,911	1,808	0,354
Томская область	1,372	1,408	1,591	1,593	1,600	1,581	0,209
СФО в целом	1,596	1,638	1,880	1,902	1,902	1,870	0,274
РФ в целом	1,494	1,537	1,707	1,750	1,777	1,762	0,268

Наблюдавшийся в большинстве регионов Сибири до 2013 г. рост суммарного коэффициента рождаемости в 2014 г. сменился медленным спадом: сначала в трёх регионах (Хакасия, Иркутская и Кемеровская области), в 2015 г. – в пяти (Алтай, Тыва, Алтайский и Забайкальских краях, Омская область), в 2016 г. ещё в четырёх (Бурятия, Красноярский край, Новосибирская и Томская области). Таким образом, в 2016 г. в каждом регионе Сибири суммарный коэффициент рождаемости был ниже, чем в 2015 г. В целом в Сибири он равнялся 1,870%, в России был ещё ниже-1,762%. В 2016 г. в стране родилось на 51 тыс. детей меньше, чем в 2015 г. Особенно низкими были суммарные коэффициенты в 2016 г. в Томской, Кемеровской областях, Алтайском крае. Только три региона имели суммарный коэффициент, соответствующий показателю простого воспроизводства (не ниже 2,17): республики Тыва, Алтай, Бурятия.

Основными причинами спада рождаемости, как и предсказывали демографы, являются следующие: во-первых, затухание результативности мер демографической политики. Действие принятых ранее мер по существу прекратилось, а новых сильных мер поддержки сопоставимых с материнским капиталом в позапрошлом году не было принято. Второе обстоятельство – уменьшение численности женщин в активном детородном возрасте от 20 до 29 лет. Их численность в 2015 г. по сравнению с 2010 г. сократилась почти на 20% [Рыбаковский 2016: 29]. Эти причины воздействовали как в России в целом, так и в её регионах.

Основными причинами спада рождаемости являются, во-первых, затухание результативности мер демографической политики; во-вторых, уменьшение численности женщин в активном детородном возрасте от 20 до 29 лет. Их численность в 2015 г. по сравнению с 2010 г. сократилась почти на 20%

В Бурятии зафиксирован один из самых высоких в СФО и России суммарный коэффициент рождаемости. В 2016 г. он равнялся 2,237. Темп прироста данного показателя, по сравнению с 2006 г., составил 31,8% и вплотную приблизился к соответствующему общероссийскому показателю, который в 2016 г. равнялся 34,8%.

Чем обусловлены высокие темпы роста рождаемости в Бурятии с начала 2000-х гг.? Связано ли это с тем, что потребность в детях в Бурятии к моменту начала новой волны демографической политики была выше, чем в России? А принятые меры сократили разрыв между потребностью в детях в России и Бурятии примерно в одной и той же пропорции (различие составляет 3%)?

Начнём с того, что потребность в детях, её реализация существуют в любом обществе. Это одна из важнейших социальных потребностей. В противном случае общество прекратило бы своё существование. Наблюдающиеся в последнее время некоторые признаки ослабления потребности в детях, вызванном изменением роли и места семьи в обществе, не сильно ли преувеличены?

Профессор И. А. Гундаров, исследующий данную проблему считает, что за последние 30 лет потребность молодежи в детях не уменьшилась. Она сегодня такая, какая была у её сверстников в 1970–1980 гг. Опираясь на многочисленные исследования, он пришёл к выводу, что абсолютная величина потребности в детях у современных семей составляет 2,3–2,5 ребёнка, что достаточно для простого воспроизводства. Даже бездетные пары хотят иметь 2,3 ребенка [Гундаров 2009: 111]. В 2000 г. 1269 замужних женщин из 15 областей РФ во время социологического опроса ответили, что для них желаемое число детей в среднем 2,48 [Гундаров 2009: 111]. В Бурятии почти половина (45,5%) опрошенных в 2012–2013 гг. молодых семей (выборка составила 708 респондентов) хотели бы иметь трёх и более детей, примерно столько же (46,5%) – двоих, 5% – ни одного [Молодежь Бурятии... 2013: 114]. Эти данные подтверждают наличие у граждан России потребности в детях. В проводимых в Бурятии социологических опросах семья, любовь, дети занимают самые высокие позиции в структуре ценностей. В условиях Бурятии, где большой удельный вес занимает сельское население (41%), дети, подростки – это помощники, труженики, без которых трудно обойтись семье. В детях родители реализуют свои чувства привязанности, симпатии, любви. Будучи представителями своей нации, дети являются преемниками, хранителями, продолжателями национальных традиций, языка, культуры, иначе говоря, дети – это будущее нации. Следовательно, дети – это потребность социума, нации и потребность отдельного человека как родителя, семьянина.

Почему же в таком случае число детей в семьях меньше желаемого количества, а некоторые пары их вообще не имеют? На наш взгляд, реализация данной потребности зависит от ряда факторов. Во-первых, от социально-психологического, духовного состояния социума. Когда в российское общество в 1990-е гг. вместе с либеральными ценностями пришли конкуренция всех со всеми, страсть к наживе, убийства, массовая коррупция, неуверенность в будущем, страх, далеко не каждая женщина могла решиться дать жизнь новому человеку, взять на себя ответственность родителя. Психологического комфорта, уверенности в благополучном будущем у большинства родителей не было. Многие из них в этих условиях не решались реализовать свои потребности в детях, отодвинули сроки рождения ребёнка на более благоприятное время.

Кроме того, эти же факторы, по мнению экспертов ВОЗ (2003), стоят на первом месте по ухудшению мужской и женской фертильности. Как отмечает И. А. Гундаров, клинические наблюдения показали, что стресс, агрессия, безысходность, чувство несвободы и др. повреждают сексуальные способности и плодовитость обоих полов [Гундаров 2009: 113]. Статистические исследования на материалах СНГ выявили, чем выше в обществе прирост агрессивности, оцениваемой по уровням убийств, тем глубже спад рождаемости.

Лишь в самом начале 2000-х гг. напряжение в обществе постепенно спадает, появляются факторы, раздвигающие рамки возможности реализации потребности в детях, родителстве. Среди них можно выделить следующие.

Во-первых, одним из таких факторов является адаптация населения к новым условиям жизнедеятельности. «Динамика репродуктивных установок в конце 90-х годов и в начале нового столетия объясняется тем, – пишет Н. М. Римашевская – что напряжение и страх, испытываемые населением в первые годы реформ, постепенно уступают место адаптации к существующим экономическим и социальным переменам» [Римашевская 2004: 19]. Часть населения продолжила трудовую деятельность на предприятиях новых собственников, некоторые занялись частным бизнесом, кто-то отправился на место жительства в деревню, нередко к родственникам, занялся новым видом производственной деятельности. Люди приспособивались к тем условиям жизни, в которых они находились.

Во-вторых, активизация демографической политики в России, её регионах. Об этом уже говорилось. Здесь хотелось лишь отметить, что мы не разделяем точку зрения авторов, которые выражают негативное отношение к введению государством материнского капитала, называя его «подачкой, соблазняющей женщин», или предлагают в качестве

Когда в российское общество в 1990-е гг. вместе с либеральными ценностями пришли конкуренция всех со всеми, страсть к наживе, убийства, массовая коррупция, неуверенность в будущем, страх, далеко не каждая женщина решалась дать жизнь новому человеку.

Статистические исследования на материалах СНГ выявили, чем выше в обществе прирост агрессивности, оцениваемой по уровням убийств, тем глубже спад рождаемости.

критерия для выделения материнского капитала национальность человека. Полагаем, что данная мера в современных условиях является необходимым и эффективным способом стимулирования рождаемости населения. Об этом свидетельствуют исследования учёных-демографов. Профессор Л. Л. Рыбаковский в одной из своих работ в качестве вывода отметил, что принятые меры для повышения рождаемости оказались достаточно результативными. Особенно успешными были 2007 и 2012 гг. (начало реализации таких сильных мер как федеральный и региональный материнский капитал) [Рыбаковский 2016: 29]. О её положительном воздействии свидетельствует и тот факт, что, например, в Бурятии за три года до введения материнского капитала (2004–2006 гг.) среднегодовой суммарный коэффициент рождаемости составлял 1,658, а после введения (2007–2009 гг.) он поднялся до 1,930, т. е. увеличился на 0,272. Материнский капитал сильнее стимулировал рождаемость в менее развитых районах России с невысокими среднедушевыми денежными доходами населения. Наиболее низкими были среднедушевые доходы в СФО в Тыве, Алтае, Хакасии, Бурятии. Так, в Тыве в 2006 г. среднедушевой доход составлял всего 46,35% среднероссийского, а в Алтае–53,7%, в Хакасии –62,5%, Алтайском крае – 61,4%, Забайкальском крае – 68,7%, в Бурятии – 68,9%. Эти регионы занимали более высокие позиции после 2006 г. по темпам роста рождаемости. Регионы с более высокими среднедушевыми доходами населения менее активно «среагировали» на меры по стимулированию рождаемости. Наиболее высокие среднедушевые денежные доходы в 2006 г. были в Томской и Кемеровской областях, Красноярском крае. В этих регионах были самые низкие показатели рождаемости.

В-третьих, на реализацию потребности в детях, рост репродуктивных установок оказывают влияние и национальные традиции, особое отношение к детям. У бурят, как и у ряда других восточных народов, почиталась традиция иметь в семье много детей. Издавна считалось, что дети – главное богатство семьи. И сегодня многие буряты, тувинцы, алтайцы, преимущественно проживающие в сельской местности, стараются следовать этой традиции. При этом особое значение придавалось формированию духовно-нравственного облика семьи, её членов, атмосферы привязанности, чуткости, заботы друг о друге. Изучавший быт, традиции бурят профессор Б. Э. Петри в 1925 г. писал, что «... в бурятской юрте господствует любовь и взаимное уважение прав и прерогатив каждого члена, начиная со старших и кончая младшими, даже самыми маленькими детьми. Эта атмосфера спокойствия, взаимного уважения и любви к детям создаёт особое настроение, когдаходишь в бурятскую юрту» [Петри 1924: 81]. Подобные наблюдения зафиксировал и известный исследователь Тувы

Ф. Я. Кон: «Сойоты страшно любят детей. Много детей считалось, чуть ли не «божьей благодатью» [Кон 1934: 142]. Этническая культура бурят характеризуется уважением внутреннего мира ребёнка. Буряты, тувинцы, алтайцы, хакасы стремятся сохранить традиционную культуру отношения к детям, практику формирования их духовного мира. К сожалению, глобализационные процессы всё больше размывают эти традиции.

Таким образом, на рождаемость влияют многие факторы. Благодаря их воздействию падение рождаемости в 1990-е гг. сменилось подъёмом во второй половине первого десятилетия XXI в. В середине нового десятилетия (2015 г.) начался новый спад, который, по мнению специалистов, будет значительным и продолжительным, связанным, прежде всего с уменьшением численности женщин наиболее репродуктивных возрастов. Произойдёт дальнейшее падение рождаемости и в национальных районах Сибири.

Проблема смертности населения и продолжительности жизни

На демографическую ситуацию в Бурятии воздействовала не только рождаемость, но и высокая смертность населения. Невзгоды, связанные с реформами 1990-х гг. тяжело отразились на здоровье и жизни людей. Смертность провоцировалась высокими стрессами, которые испытывало население, в особенности от неопределённости своего положения, низкого уровня материального достатка, который у большинства семей был ниже черты бедности, опасения потерять работу, анонии части населения и многого другого.

Не случайно 1990-е гг. характеризуются высоким уровнем заболеваемости среди населения. Например, в 1995 г. в Бурятии на 1000 чел. населения приходилось 237,2 чел., страдающих болезнями органов дыхания, 88,4 – нервной системы, 69,2 – системы кровообращения, 52,7 – органов пищеварения и т. д.¹ Естественным следствием высокой заболеваемости, как правило, является высокая смертность.

За период 1990–2005 гг. число умерших на тысячу человек населения в СФО увеличилось с 10,1 чел. до 16,5, в том числе в Иркутской области с 10,0 до 17,0, в Алтайском крае – с 11,1 до 16,7 чел. Годом самой высокой смертности за всё послевоенное время стал 2005. Несколько ниже была смертность в Тыве, Хакасии, Бурятии. Например, в Тыве эти показатели в 1990 и 2005 гг. составляли 8,6 и 12,3 чел. К 2010 г. во всех регионах округа произошло некоторое умень-

¹ Бурятия в цифрах. Стат. сборник. Улан-Удэ, 1997. С. 62.

Буряты, тувинцы, алтайцы, хакасы стремятся сохранить традиционную культуру отношения к детям, практику формирования их духовного мира. К сожалению, глобализационные процессы всё больше размывают эти традиции.

На демографическую ситуацию в Бурятии воздействовала не только рождаемость, но и высокая смертность населения. Невзгоды, связанные с реформами 1990-х гг. тяжело отразились на здоровье и жизни людей.

шение показателя смертности, а в семи из них (республиках Алтай, Бурятия, Хакасия, Забайкальском, Красноярском краях, Иркутской и Томской областях) появился естественный прирост населения. Хотя в целом в СФО и РФ аналогичные показатели были с минусом (в СФО – минус 1,0, в РФ – 1,7).

Что касается Бурятии, то в этой республике с 2006 г. началось постепенное ежегодное (за исключением 2008 г.) снижение коэффициента смертности, который в 2016 г. составил 11,2 чел. На спад этого негативного показателя повлияли социальные меры, предпринимаемые государством и региональной властью. Так, в Бурятии в бюджете на 2016 г. было выделено 450 млн рублей на льготные медикаменты. За последние пять лет 975 ветеранов улучшили жилищные условия.

Снижение коэффициента смертности в республике обусловлено и демографической волной (в преклонном возрасте сейчас находится малочисленное поколение военных и послевоенных лет рождения). Эта тенденция совпала по времени с тенденцией роста рождаемости.

Наложение этих процессов друг на друга положительно сказалось на естественном приросте населения. Об этом свидетельствуют данные приводимой ниже таблицы 4 [350 лет...2011: 322].

Таблица 4

**Некоторые показатели демографического развития
Республики Бурятия (на 1000 чел. населения)**

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Рождаемость	14,0	14,8	16,1	17,0	17,4	17,0	16,9	17,4	17,6	17,5	17,3	16,4
Смертность	15,7	14,5	13,3	13,5	13,0	12,7	12,6	12,4	11,8	11,5	11,4	11,2
Прирост	-1,7	0,3	2,8	3,5	4,4	4,3	4,3	5,0	5,8	6,0	5,9	5,2

Во-первых, естественный прирост населения происходил с 2006 по 2014 гг. Последние два года (2015 и 2016 гг.) характеризуются наметившимся некоторым снижением его прироста, что связано с уменьшением показателя рождаемости, на который в свою очередь повлияло значительное сокращение численности женщин самых репродуктивных возрастов. В 2014 г. численность женщин в Бурятии в возрасте 20–34 было 120,4 тыс., в 2015 г. стало 117,7 тыс., а в 2016 г. уменьшилось до 114,2 тыс. При этом более значимое сокращение численности было в группе 20–24-летних – на 5,4 тыс.¹

Сокращение числа женщин связано с выходом из детородного возраста относительно многочисленного поколения женщин 1970–1980-х гг. рождения и входом в детородный возраст малочисленного поколения женщин 1990–2000-х гг. рождения. Очевидно, эта причина будет оказывать своё влия-

¹ Бурятия-2016. Статистический ежегодник. Улан-Удэ, 2016. С. 59.

ние в ближайшие полтора–два десятилетия. Надо полагать, что на сокращение рождаемости оказало воздействие и «затухание результативности мер демографической политики».

Во-вторых, несмотря на снижение коэффициента смертности, он по-прежнему остаётся высоким: в 1,6 раз выше соответствующего показателя 50-летней давности в Бурятии (1965 г.). Как и в 1990-е гг., в регионах Сибири острой является проблема высокой смертности населения трудоспособного возраста, особенно мужчин. Так, из 11,4 тыс. умерших в Бурятии в 2015 г. 3,6 тыс. (31,6%) являлись лицами трудоспособного возраста, три четверти их состава – мужчины. Это преимущественно молодые люди из бедных семей с невысоким образованием и низкой квалификацией, неспособные адаптироваться к рынку, его конкурентной среде, зачастую имевшие криминальный характер. Согласно данным госстатистики, в 2015 г. среди основных причин смерти в Бурятии были болезни сердца и системы кровообращения (41,6% всех умерших), а также внешние причины, включающие отравление алкоголем, травмы, несчастные случаи, убийства и самоубийства. Последние составляли 15,8% всех умерших, а в трудоспособном возрасте – более половины (55,4%). Третье место занимает онкология – 15,2%.

В последнее время возросла смертность от инфекционных и паразитарных болезней.

Требует улучшения и состояние здоровья населения. Непродуманное реформирование системы здравоохранения, сокращение количества больничных и амбулаторно-поликлинических учреждений, недостаточная обеспеченность специалистами отрицательно сказываются на процессе сбережения населения. Несмотря на ежегодное увеличение в республике медицинских кадров наблюдается тенденция оттока из отрасли наиболее квалифицированных врачей. Так, если в 2011 г. высшую квалификационную категорию в республике имели 1242 врача и первую 452, то в 2015 г. их стало соответственно 768 и 274. Особенно остро стоит проблема медицинского обслуживания сельского населения. Несмотря на то, что дефицит врачей на селе за 5 последних лет сократился на 914 чел., он на 01.07.2017 г. составлял 520 чел.¹ Не случайно, в селе наблюдается более высокая смертность населения (в 2015 г. она была выше на 20%). Не хватает медицинских кадров в малых городах. Это так или иначе нахо-

¹ Об итогах деятельности отрасли здравоохранения Республики Бурятия в 2016 году и задачах на 2017 год // Министр здравоохранения РБ. 21.03. 2017:14:18:01.

дит своё отражение в показателях продолжительности жизни населения (для сравнения приводятся данные по Бурятии и России в целом).

Таблица 5

Продолжительность жизни в Бурятии и России в целом (2003–15 гг.)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Россия в целом	64,8	65,3	65,3	66,6	67,6	67,9	68,7	68,9	69,8	70,2	70,8	70,9	71,4
Бурятия	60,9	61,1	60,9	62,4	64,2	64,4	65,3	66,1	66,1	66,8	67,7	68,5	69,2
Различие	3,9	4,2	4,4	4,2	3,4	3,5	3,4	2,8	3,7	3,4	3,1	2,4	2,2

За двенадцать последних лет продолжительность жизни в Бурятии увеличилась на 8,3 года. В целом по России этот рост составил 6,6 года. Сократился разрыв в показателях продолжительности жизни населения Бурятии и России. В 2003 г. он составлял 3,9 года, а в 2015 – 2,2 года.

Уменьшилось различие по данному показателю между мужским и женским населением: в 2003 г. он равнялся 13,9 годам, в 2015 – 10,8.

Несмотря на заметный рост показателя продолжительности жизни в Бурятии, как и в России в целом, он по-прежнему весьма существенно отстаёт от многих стран мира. По данным ООН, в 2010 г. продолжительность жизни в Китае составляла 72,7 года, в США – 77,9, Германии – 80,6, во Франции – 81,8, Японии – 83,7. В России этот показатель равнялся 66,7 в Бурятии – 66,1 года. Перед системой управления России, её регионов стоит задача активизировать деятельность по преодолению отставания страны в столь стратегически важной области социальной жизни. По прогнозам Росстата, к 2020 г. ожидаемая средняя продолжительность жизни в России составит 71,8 года, в том числе у мужчин – 66,2 года, у женщин – 77 лет. Согласно заявлению Президента РФ В. В. Путина, продолжительность жизни россиян к 2025 г. должна составить 75 лет. Насколько выполнимой будет поставленная задача покажет время.

Вопросы миграции

Осложняет демографическую ситуацию в Бурятии и непрекращающийся отток населения. С 1990 по 2001 гг. прибыло в республику из других регионов страны и из-за рубежа 156,1 тыс. чел., а выбыло 187,6 тыс. Миграционная убыль составила 31,5 тыс. чел. За последние пять лет (с 2011 по 2015 гг.) этот показатель равнялся 15,7 тыс. чел.¹

¹ Бурятия-2016. Статистический ежегодник. Улан-Удэ, 2016. С. 74.

Таблица 6

Миграция населения Бурятии (2011–15 гг.), тыс.чел.

Миграция	2011	2012	2013	2014	2015	Всего за период
Прибыло	30,3	35,2	37,5	40,6	43,5	187,1
Выбыло	34,7	39,7	41,1	41,8	45,5	202,8
Миграционный прирост / убыль	-4,4	-4,5	-3,6	-1,3	-2,0	-15,7

По сравнению с 1990-ми гг., в последние пять лет уровень миграции возрос. Характерно, что здесь миграционные передвижения получили этническую окраску, или, правильнее сказать, на миграцию, её вектор оказал воздействие этнический фактор: в потоке выезжающих из Бурятии в другие регионы страны преобладали русские; в потоке въезжающих в республику – буряты. Об изменениях национального состава населения Бурятии дают представление следующие данные [350 лет...2011: 272] (см. таблицу 7).

Таблица 7

Национальный состав жителей Бурятии (1989–2010 гг.), тыс.чел.

Национальный состав		1989	2002	2010
Всё население	тыс.чел.	1038,2	981,2	972,0
	%	100,0	100,0	100,0
В т. ч. буряты	тыс.чел.	249,5	272,9	386,8
	%	24,0	27,8	29,5
Русские	тыс.чел.	726,2	665,5	630,8
	%	70,0	67,8	64,9
Другие национальности	тыс.чел.	62,5	42,8	54,4
	%	6,0	4,4	5,6

За период с 1989 по 2010 гг. число русских в Бурятии уменьшилось на 95,4 тыс. чел. Часть из них выехали в другие регионы России на постоянное место жительства. Среди них специалисты, рабочие, приехавшие на строительство БАМа и другие крупные стройки в 1970-е гг. Произошло уменьшение числа воинских частей и военнослужащих (перевод их в другие регионы, увольнение в запас). Значительным является уровень смертности среди русского населения. Он заметно превышает показатель смертности представителей других этнических групп, что объясняется, на наш взгляд, по крайней мере двумя факторами: во-первых, возрастной структурой русских, состав которых в последние десятилетия характеризуется относительно высокой долей людей старших возрастов (рождаемость была заметно ниже, чем у представителей коренных народов); во-вторых, русские, как пришлое в прошлом в эти края население, очевидно, менее адаптированы к специфическим

(суровым) природно-климатическим условиям по сравнению с коренными жителями, проживающими в этих условиях многие сотни, а то и тысячи лет. Конечно, эти суждения (особенно второе) нуждаются в дополнительных глубоких медико-биологических исследованиях.

Бурятское население, напротив, увеличилось в 2010 г. по сравнению с 1989 г. на 37,3 тыс.чел. Рост произошёл за счёт более высокой рождаемости и миграции из других регионов России, в основном сопредельных. В структуре мигрантов большой удельный вес занимает наиболее образованная часть бурят. По мере развития бурятского этноса всё больше проявляет себя тенденция концентрации представителей коренной национальности в местах их исторического обитания. Так, если в 1959 г. в Бурятии проживало 54,0 % всех российских бурят, то в 1989 г. – 59,8%, а в 2010г. – 62,2% (почти 2/3). Концентрация этноса имеет важное значение для его сохранения и дальнейшего развития. В то же время концентрация бурят не означает некой их замкнутости, обособленности. Буряты так же, как и русские, активно участвуют в миграционном процессе, особенно молодые люди в возрасте от 16 до 29 лет, в том числе получившие высшее образование. В ряде российских городов существуют значительные по численности бурятские диаспоры (в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске и др.).

Основные причины миграционных настроений как русского, так и бурятского населения республики кроются в особенностях её социально-экономического развития: низкая заработная плата, высокий уровень бедности, безработица, узкий внутренний республиканский рынок с низкооплачиваемыми вакансиями и социально непрестижными рабочими местами, ограниченными возможностями для реализации молодых специалистов. Эти же причины в основном детерминируют и внутреннюю миграцию. Причём она является преобладающей, то есть основная часть мигрантов перемещается по территории республики. В 2015 г. из 43,5 тыс. прибывших на внутриреспубликанские перемещения пришлось 67,4%, а из 45,5 тыс. выбывших – 65,6%. В большей части регионов Бурятии и г. Северобайкальске происходил отток населения. Только г. Улан-Удэ и районы, прилегающие к столице республики, Иволгинский, Тарбагатайский и Заиграевский, имели положительное сальдо миграции. Это значит, что сельское население после некоторой относительной паузы снова, начиная с 2010 г., стало более активно участвовать в пополнении городских жителей. Упомянутая пауза длилась с 2005 по 2009 гг., когда доля горожан ежегодно составляла примерно 55,5%, что на 4–4,5% ниже, чем в 1995–2002 гг. Уменьшение численности горожан и увеличение сельского населения объясняется перемещением части городских жителей в село и занятием сельскохозяйственным произ-

водством, предпринимательской деятельностью, а также приданием некоторым посёлкам статуса сельских поселений. В последующие годы произошла стабилизация численности и удельного веса городского и сельского населения. В 2013 г. доля горожан в Бурятии равнялась 59,0%, сельских жителей 41,0%. Такими же были эти показатели и в 2016 г. В целом в России, по данным Росстата, в 2015 г. городское население составляло 74,0%, сельское – 26,0%. Это свидетельствует о серьёзном отставании Бурятии по данному показателю от других регионов страны.

Заключение

Как показывает анализ демографической сферы Бурятии, за прошедшую четверть века этот период был сложным, неоднозначным. В 1990-е гг. доминировали негативные демографические тенденции, выразившиеся в низкой рождаемости, высокой смертности, миграционной убыли населения. Время депопуляции, начавшись в 1993 г., растянулось до 2005г. Основным детерминантом негативных процессов в демографической области является системный кризис, охвативший все сферы жизни общества, особенно экономическую, социальную. Кроме того, в этот период произошло сокращение численности женщин репродуктивных контингентов, что отрицательно сказалось на показателях рождаемости. Сократилась доля рождений в браке, особенно в сельской местности. В последующем, особенно во второй половине первого десятилетия XXI в. наметились позитивные изменения. Появились реальные возможности в реализации потребности населения в детях. Этому способствовали меры помощи государства семьям с детьми, гуманистические традиции отношения к детям у восточных народов, заметное улучшение социально-психологической ситуации в обществе. Начиная с 2006 г. в республике начались снижение смертности, естественный прирост населения. Но с 2015 г. в связи со снижением рождаемости происходит уменьшение естественного прироста населения. Согласно прогнозам специалистов, рождаемость в ближайшие 1,5–2 десятилетия будет со знаком минус в связи со вступлением в активный детородный возраст относительно немногочисленного поколения женщин.

В республике по-прежнему сохраняется высокий коэффициент смертности, особенно среди лиц трудоспособного возраста. Бурятия, как и Россия в целом существенно отстаёт от многих стран мира по показателю продолжительности жизни. Осложняет демографическую ситуацию в республике непрекращающийся отток населения, особенно русского, в другие регионы. Основными причинами миграции являются низкая

заработная плата, высокий уровень бедности, узкий внутренний республиканский рынок с низкооплачиваемыми вакансиями и социально непристижными рабочими местами и др.

Проблемы, названные в статье, требуют принятия неотложных мер по повышению рождаемости в стране и её регионах, по социально-экономическому развитию Сибири, повышению уровня и качества жизни её жителей, прекращению массового оттока населения в европейскую часть России. Необходимо, чтобы Сибирь была привлекательным, комфортным для жизни и трудовой деятельности регионом; не на словах, а на деле серьёзно улучшить деятельность системы охраны здоровья населения, увеличить продолжительность жизни. Важно разумно использовать внешнюю миграцию для демографического развития Сибири и России в целом. Нужно создавать реальные условия для закрепления, оседания мигрантов в этих краях.

Библиографический список

Гундаров И. А. 2009. Новая стратегия повышения рождаемости // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Казань, 13–14 ноября 2008 г.). М.: Научный эксперт. С. 110–119.

Кон Ф. Я. 1934. За пятьдесят лет: Собр. соч. Т. 3: Экспедиция в Сойотию. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 201 с.

Молодежь Бурятии на современном этапе. Колл. монография / Руков. авт. колл. О. С. Саксудаева. Улан-Удэ, 2013. 148 с.

Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2014 году. Сборник статистических и аналитических материалов / Под ред. О.В. Стрельченко. Вып. 14. 2015.

Петри Б.Э. 1924. Территориальное родство у северных бурят // Изв. Биол.-геогр. науч.-исслед. ин-та при ИГУ. Иркутск. Т.1, вып. 2.

Попов А., Чернышов С. Мертвый восток // Эксперт. № 30–31 (29 июля 2012 г. [URL: http://expert.ru/expert/2013/31mertwy-vostok/](http://expert.ru/expert/2013/31mertwy-vostok/)) [Дата посещения: 13.06.2017].

Республика Бурятия 75 лет. Стат. сб. Улан-Удэ, 1998.

Римашевская Н. М. 2004. Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель // Народонаселение. № 3. С. 17–27.

Рыбаковский Л.Л. 2015. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 18–28.

Рыбаковский Л. Л. 2016. Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости // Социологические исследования. № 4. С. 23–30.

Трибунский С. М., Карташов В. Н. 2011. Динамика рождаемости населения в Сибирском федеральном округе // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). № 8. С. 1–10.

DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.488

Buryatia's Demographic Development

Osinskiy Ivan Iosifovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Buryat State University. Ulan-Ude, Russia.

E-mail: intellige2007@rambler.ru

Abstract. This article examines the tendencies for demographic development in Buryatia, the factors for overcoming depopulation, and an increase in life expectancy. Birthrates are revealed, while identifying the reasons for their decline, which include a decrease in the amount of women of childbearing age, a decline in the population's life quality, changes in the manner of marital and reproductive behavior, and the state of health. Revealed are factors which affect the birthrate vector, expressed in a surge occurring after 2005. These factors include adaptation to new living conditions, a more active government demographic policy, more favorable new conditions for having children, as well as a more positive socio-psychological and spiritual context in society. Government measures for helping families with children are given positive assessment. Examined is the impact of such a factor as mortality on the demographic situation in Buryatia, as well as other Siberian regions. It is noted that especially high levels of mortality were witnessed in the 1990's, particularly among citizens of active working age. 2006 marked the beginning of a gradual decrease in mortality, which was influenced by a relative scarcity of elderly people (the generation of wartime and post-war years), as well as demographic policy measures on behalf of the government and its regional structures. From 2006 until 2014 a small natural increase in the population of Buryatia occurred. This value turned out to be higher than the same parameter observed in the Siberian Federal district and in the entire Russian Federation. The following years (2015, 2016) saw a decrease in natural population growth, determined by a decline in the birthrate due to a serious decrease in the amount of women of the most reproductive age, as well as to a slump in the efficiency of demographic policy measures. It is noted that the coefficient, although having decreased, still remains at a high level. Analyzed are causes for mortality, which include blood circulatory system diseases, tumors, and external factors. A lack of doctors is noted, as well as a high level of child mortality. Population movement issues are analyzed, one of the main ones being a migration loss primarily of the most qualified personnel. Those leaving are mostly ethnic Russians.

Keywords: Demographic development, birthrate, mortality, natural increase, life expectancy, region, ethnoscience, migration, national characteristics.

References

Gundarov I. A. Novaya strategiya povysheniya rozhdaemosti [A new strategy for increasing the birth rate]. Nacional'naya identichnost' Rossii i demograficheskii krizis. Moscow, 2009, pp. 110–119.

Kon F. Y. Za piat'desyat let. Vol. 3: Ekspeditsiya v Soiotiyu [For the period of five decades. V. 3. Expedition to Soyotia]. Moscow, 1934. 201 p.

Molodiozh Buriatii na sovremennom etape [Youth of Buriatia at the current stage]. Ulan-Ude, 2013. 148 p.

Osnovnye pokazateli zdorov'ya naseleniya i zdravookhraneniya Sibirskogo federal'nogo okruga v 2014 godu [Key indicators of public health and health care service in Siberian Federal District in 2014], 2015, Vol. 14.

Petri B. E. Territorial'noe rodstvo u severnykh buriat [Territorial affinity of Northern buriats]. Izvestiya biologo-geographicheskogo nauchno-issledovatel'skogo institutata pri IGU, 1924, vol. 1, Issue 2. P. 10 p.

Popov A., Chernyshov S. Mertyvostok [The dead East]. *Expert*, 2012, no 30 –31.

Rimashevskaya N. M. Demograficheskoe razvitie Rossii cherez prizmu perepisi naseleniya [Demographic Development of Russia through the Prism of Population Censuses]. *Narodonaselenie*, 2004, no 3.

Rybakovskiy L. L. Depopulyatsiya i eio etnicheskie aspekty v Rossii [Depopulation and its ethnic aspects in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no 4, pp. 18–28.

Rybakovskiy L. L. Rezul'tativnost' kak osnovnoy pokazatel' ocenki sostoyaniya i tendency rozhdaemosti [“Efficiency” as basic index for the state and trends in natality]. *Sotziologicheskie issledovaniya*, 2016, no 4, pp. 23–30.

Tribunsky S. M., Kartashov V. N.. Dinamika rozhdaemosti naseleniya v Sibirskom federal'nom okruge [Fertility dynamics in Siberian Federal District]. *Sibirsky medicinsky zhurnal*, 2011, no 8, pp. 1–10.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:

Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Зинаида Тихоновна Голенкова,

Полина Михайловна Козырева,

Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>